

Д Ъ Т С К О Е

Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ъ Х І І.

ВЪ У н и в е р с и т е т с к о й Т и п о г р а ф і и.

у Н. Новикова.

1787.

ДЕРЕВЕНСКІЕ ВЕЧЕРА.

Продолженіе.

I.

Въ семѣ мѣстѣ одно приключеніе привело Альфонса въ величайшее изумленіе. Онъ шелъ по лѣсу и весьма спокойно разсуждалъ съ Телисмаромъ о безсмертій души. Повѣрите ли вы, сказалъ Телисмаръ, что есть такіа спранныя люди, которыя утверждаютъ, будто передъ звѣрями имѣемъ мы преимущество по одному только совершеннѣйшему наружному сложенію, и которыя говорятъ, что есльи бы лошадь, такой разумной звѣрь, вмѣсто безобразныхъ копытъ, которыми кончашся ноги ея, имѣла такіа способныя руки, какъ мы: то она сдѣлала бы все то, что мы дѣлаемъ (*)? —

Часть. XII. No. 40. А 2 „Какъ!

(*) Такое чудное разсужденіе находится въ книгѣ, подъ названіемъ de l'Esprit.

„Какъ! и рисовать бы стала?„ — Что же вы думаете? — „Я этому не вѣрю. Можеть бышь стала бы она только худо подражать.„ — Попугай, сорока, галка и многія другія птицы имѣють способность говорить; онѣ вразумительно по-впоряютъ нѣкоторыя слова, вѣ которыя вслушиваются, однакожь сами ихъ не могутъ понимать, слѣдственно и употреблять надлежащимъ образомъ. Сверхъ того есть какіе звѣри, которыхъ сложеніе и по наружности и по внутренности совершенно человѣческому подобно; которые ходятъ такъ, какъ мы; имѣють такія же руки, но не могутъ строить ни домовъ, ни хижинъ, и гораздо еще глупѣе другихъ звѣрей. — „Вы вѣрно говорите оъ обезьянахъ? Вѣ самомъ дѣлѣ у нихъ есть маленькія ловкія руки. Что же говорятъ оъ этомъ пѣ Писатели, которые желаютъ, чтобы у лошади были руки?„ — Они признаютъ, что обезьяна по сложению своему могла бы сдѣлать все то, что человѣкъ дѣлаетъ; однакожь природная вѣтреность ея, говорятъ они, до того ее не допускаетъ: потому что обезьяна всегда вѣ движеніи, и что безъ такой живости была бы она совершенно

чело-

человѣку подобна (*). — „Однакожь она все бы говорить не спала?„ — Нѣтъ, хотя у нѣкоторыхъ обезьянъ языкъ и органы голоса такіе же, какъ и у человека, и мозгъ такъ же образованъ и количество его такое же — „Такое же количество? какъ этому бытъ? обезьяна очень мала.„ — Не уже ли думаете вы, что всѣ роды обезьянъ вамъ извѣстны? — „Думаю.„ — Не правда ли, что всѣ обезьяны, которыхъ вы видѣли, рѣзвы и неугомонны? — „Конечно; почему это возраженіе Писателей, о которыхъ вы говорите, и кажется мнѣ довольно основательнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ чему нибудь научиться то живописное, которое бываетъ въ безпрестанномъ движеніи, какъ бы оно ни было намъ подобно?„ — А естли это возраженіе, которое кажется вамъ весьма сильнымъ, происходитъ отъ незнанія того, что почти всѣмъ извѣстно? — „Какъ! не уже ли Авторъ можетъ не знать того, что большая часть людей знаетъ?„ — Это сомнѣніе, любезной Альфонсъ, показыва-

А 3

етъ,

(*) Все, что здѣсь говоритъ Телимаръ, находится точно въ упомянутой книгѣ de l'Esprit.

епѣ, что вы въ жизни своей очень не много читали. — Въ самую сію секунду пришелъ Альфонсъ въ движеніе отъ великаго удивленія, схватилъ Телисмара за руку и сказалъ: посмотрите, посмотрите сюда! какая странная фигура сидитъ тушѣ подѣ деревомъ! —

Перестанемъ теперь читать нашу Сказку, сказала Гж. Добролюбова, оспановившись: я что-то успала отъ чтенія. — Послѣ сего дѣши не смѣли ничего сказать, хотя имъ очень хотѣлось узнать, что такое была *странная фигура*.

На другой день въ девять часовъ Гж. Добролюбова удовлетворила великому любопытству дѣтей, и принялась за чтеніе своей Сказки,

Телисмаръ посмотрѣлъ, и обернувшись къ Альфонсу, сказалъ: что вы думаете о этой фигурѣ? — Это дикой чловѣкъ, отвѣчалъ Альфонсъ: только онъ очень дуренъ. Онъ вспаешъ — у него въ рукахъ палка — онъ отъ насъ бѣжитъ. — „И такъ вы думаете, что это чловѣкъ?“, — Конечно. — „А еспьли это обезьяна?“, — Обезьяна! пакого роста? Это живописное выше меня; походка его точно чловѣческая. —

„Одна-

„Однакожь это обезьяна (*); эвбрь весьма странной, при разсмотрѣніи котораго долженъ человекъ войти въ самага себя, и уверитья, что тѣло его не есть существовавшая часть его природы (**).„ —

Какъ вы меня удивляете! не уже ли и эша обезьяна, которая споль покойно сидѣла подѣ деревомѣ, такъ же резва и шороплива, какъ маленькія обезьяны? —

„Никакъ. Ея походка важна, движенія размѣрены, нравъ кротокъ и весьма отличенъ отъ нрава прочихъ обезьянъ (***) . Нѣтъ у нее лошадиного копыта; она выше насъ; образована почно такъ, какъ мы. Творецъ не хотѣлъ сотворить чело-вѣку тѣла совсѣмъ отличнаго отъ эвбрей; но даши ему тѣлесной образъ совсѣмъ

А 4

подо-

-
- (*) Орангъ-Упангъ; нѣкоторыя бывающъ выше шести футовъ.
- (**) Такъ говоритъ Господинъ Бюффонъ.
- (***) Говоря объ обезьянѣ другаго рода, называемой Гиббонъ, Г. Бюффонъ говоритъ: „Сія обезьяна, казалось, характера спокойнаго и нрава довольно крошкаго; ея движенія были не пылки и не слишкомъ шоропливы; съ шихоспію брала она то, что ей давали ѣсть.„

подобной образу обезьяны, разлилъ Онъ по сему животному тѣлу Божественное Свое дуновение. Если бы Онъ оказалъ милость сію — не говорю, обезьянѣ, но какому нибудь роду звѣрей — животному, которое, кажется намъ, всѣхъ хуже организовано: то сіе животное стало бы съ человѣкомъ спорить о преимуществѣ; оживленное разумомъ, превзошло бы оно въ достоинствѣ прочихъ; стало бы думать и говорить. И такъ какое бы сходство ни было между Готтентотомъ и обезьяною, однакожь раздѣляющій ихъ промежутокъ неизмѣримъ; потому что Готтентотъ мыслитъ и говоритъ (*).

Альфонсъ съ удивленіемъ слушалъ сію рѣчь. Теперь, сказалъ онъ, желалъ бы я узнать, что ошвѣчаютъ на сіе тѣ Писатели, которые преимуществу наше передъ звѣрями приписываютъ только одному образу нашего шѣла. — „Они не знали эпова живошнаго, котораго вы теперь видѣли, равно какъ и другихъ подобныхъ, описанныхъ всѣми Путешественниками; однакожь ихъ сочиненія

ВЫШЛИ

(*) И сіе говоритъ Г. Бюффонъ.

Вышли тогда, когда уже такіе звѣри всѣмъ почти были извѣстны.,,

Между тѣмъ подошли они къ озеру, окруженному каменными горами. Проводникъ ихъ предложилъ имъ остановиться, чтобы подождать другихъ путешественниковъ, которые вдали шли за ними. Телимаръ сѣлъ подъ тѣнію деревъ, и вынулъ изъ кармана двѣ книги, изъ которыхъ одну отдалъ Альфонсу, и зачтывая для него одну Главу, просилъ его прочесть ее со вниманіемъ. Альфонсъ обѣщалъ ему сіе, и пошелъ отъ него подалѣе, сказавши, что сидя одинъ, можетъ онъ читать съ большимъ вниманіемъ. Оставивши шаговъ двѣсти, остановился онъ на берегу озера. Въспомя того, чтобы състь читать, приходилъ въ глубокую задумчивость. Шумъ воды, каменные горы, свѣжая зелень, все воспаляетъ его воображеніе: Воспоминаетъ источникъ любви, видитъ Далинду и кромѣ ее ни о чемъ думать не можетъ; наконецъ не можетъ противиться желанію произнести имя ея. Будучи увѣренъ, что Телимаръ не можетъ услышать его, поетъ онъ въ полголоса куплетъ, сочиненной для Далинды. Прочтвши послѣдній стихъ, слышитъ кого-то идущаго; поворачиваетъ голову и

видишь Телисмара, къ нему подходящаго. Тотчасъ беретъ въ руки книгу и читаетъ. Но въ ту самую минуту тихой и чистой голосъ, несущійся отъ каменныхъ горъ, заѣвастъ точно поэтъ куплетъ, кѣсворой Альфонсъ пропѣлъ. Телимаръ, приближаясь, слышитъ повторяемое имя Далинды, и чрезмѣрно удивляется, видя, что поетъ не Альфонсъ. Альфонсъ былъ въ такомъ же изумленіи. Когда голосъ пересталъ пѣть, Альфонсъ просилъ у Телисмара изъясненія таковому чуду; но вдругъ другой голосъ, заѣвшій ту же пѣсню, перервалъ его слова. Едва только сей другой голосъ пересталъ пѣть, запѣлъ претій на другой сторонѣ, и пропѣлъ такъ же всю пѣсню. Наконецъ концертъ окончался, и ничего болѣе не слышно было (*).

Какое

(*) Это было эхо. — Весьма примѣчанія достойно эхо близъ Розниша, прекрасной деревеньки въ Шотландіи, лежащей къ западу противъ озера соленой воды (которое шеряется въ рѣкѣ Клейдѣ), въ 17 Французскихъ миляхъ отъ Глазгова. Сіе озеро окружено горами, изъ которыхъ нѣкоторыя каменные и бесплодны, а другія покрыты лѣсомъ. Искусной

Какое здѣсь волшебство! воскликнулъ Алфонсъ. Надобно признаться, отвѣчалъ Телимаръ, что Фаунамъ и Сильванамъ здѣшнихъ каменистыхъ горъ опасно вѣряться; Нимфы источника любви были скромнѣе. Однакожь отдайте мнѣ книгу и скажите, довольны ли вы пою Главою,
 КОПОЧ

снѣй трубачъ спалъ на возвышеніи, которое вода не заливаецъ; оборотился къ сѣверу, заигралъ пѣсню и по шуму переспалъ: потчасъ эхо повторило ее вѣрно, только нѣсколько глухо. Когда сіе эхо замолчало, повторяло сію пѣсню другое съ такою-же точностію, только еще глуше; за другимъ претіе съ такою же точностію, какъ и первыя два, только еще глуше, и по шуму все окончалось. Нѣсколько разъ повторяли сей опытъ съ равнымъ успѣхомъ.

Въ замкѣ Симонеттѣ была прежде стѣна, съ которой слышно было сорокъ разъ повтореніе того, что скажешь. Аддисонъ и другіе, по Италіи путешествовавшіе, упоминаютъ объ одномъ эхѣ, которое 56 разъ повторяетъ писполостной выстрѣлъ, даже и тогда, когда воздухъ опягченъ парами. Въ запискахъ Парижской Академіи Наукъ на
 1692

которую просилъ я васъ прочитатъ? Альфонсъ покраснѣлся и отвѣчалъ однимъ только вздохомъ. Телимаръ перемѣнилъ разговоръ и пошелъ съ нимъ къ другимъ путешественникамъ.

По

1692 годъ говорится объ эхѣ въ Женевѣ, въ двухъ миляхъ отъ Руена, которое удивительно по тому, что поющій не слышитъ эха, а только одинъ свой голосъ; напротивъ того слушающіе слышатъ только одно эхо, и припомъ съ чудными вариациями; потому что эхо и приближается и отдаляется. Иногда голосъ слышанъ весьма ясно, иногда его совсѣмъ не слышно; одинъ слышитъ голосъ на правой, а другой на лѣвой сторонѣ. Эхо сіе и нынѣ еще слышно, но оно уже не такъ достойно примѣчанія, какъ прежде; пошому что въ окрестности мѣста сего посажено много деревъ, которыя дѣйствію его весьма мѣшаютъ.

Слово *эхо* происходитъ изъ Греческаго языка, и значитъ *эувѣ*. Въ теоріи эха называется то мѣсто, на которомъ стоитъ говорящій, *фоническое средоточіе*; а предметъ или мѣсто, отъ котораго звукъ отскакиваетъ, *фоноакустическое средоточіе*, то есть, *голосъ отбрасывающее средоточіе*.

По помѣ проѣхалъ Телисмаръ такъ называемой Золотой берегъ, Королевство Юиду и Бенинъ. Жители сей послѣдней земли были не такъ свирѣпы и непросвѣщенны, какъ ихъ сосѣди. Проѣзжая черезъ Конго, Альфонсъ едва было не лишился жизни отъ горячности и неосторожности своей. Всѣ путешественники ѣхали по дорогѣ, Альфонсъ же шелъ впереди пѣшкомъ одинъ, въ двухъ или трехъ стахъ шагахъ отъ нихъ. Приблизились къ одному большому пруду, окруженному жижинами дикихъ. Альфонсу показалось, что на другой сторонѣ пруда на самомъ берегу была длинная кирпичная стѣна. Не понимая, для чего бы такая стѣна была построена, захопѣлъ онъ подойти къ ней поближе; но приближившись увидѣлъ, что сія мнимая стѣна двигалась. Тутъ показалось ему, что это было войско въ красныхъ мундирахъ, поставленное въ боевой порядокъ; онъ видѣлъ и нѣкоторыя форпосты. Альфонсъ примѣшилъ, что его увидѣли; ибо краульные подняли шумъ и по всему полю раздался звукъ, подобной звуку трубному. Онъ остано-вился, и размышляя, впередъ ли ему итти или назадъ, увидѣлъ, что войско пришло въ движеніе, поднялося отъ зе-

мли и полетѣло. Къ величайшему удивленію своему узналъ онъ, что сіи страшныя эскадроны были чрезмѣрно большія пщицы краснаго цвѣта, столь блестящаго, что крылья ихъ казались на воздухѣ совершенно огненными. У Альфонса было ружье; желая принести Телисмару одну изъ сихъ чудныхъ пщицъ, выстрѣлилъ онъ во всю стаю, и убилъ одну. Услышавши выстрѣлъ, нѣкоторые Арабы выскочили изъ своихъ шалашей, окружавшихъ прудъ, и увидѣвши Альфонса, копорой тащилъ за собою пщицу, имъ застрѣленную, подняли ужасной крикъ. Въ ту минуту всѣ Арабы выбѣжали изъ шалашей, соединились и побѣжали къ Альфонсу, бросая въ него камнями и жуская стрѣлы. Они бы вѣрно до смерти его убили, естли бы не подоспѣлъ Телисмаръ съ другими путешественниками. Дикіе побѣжали отъ нихъ, и Альфонсъ заглапилъ за убитую пщицу нѣсколькими легкими ранами, да получилъ еще строгой выговоръ отъ Телисмара, копорой сказалъ ему, что сіи Арабы имѣютъ такое почтеніе къ шѣмъ пщицамъ, въ которыхъ онъ выстрѣлилъ, что не попускаютъ причинять имъ ни малѣйшаго зла, и что они почишаютъ за должность свою

свою опмищать смерть сихъ пшицъ; для нихъ священныя. Альфонсъ узналъ отъ Телисмара и то, что громкой звукъ, которой почелъ онъ за звукъ трубной, былъ крикъ самыхъ же сихъ пшицъ; крикъ споль сильной и пронцапельной; что за четверть Французской мили можно его слышать. Сіе послѣднее приключеніе сдѣлало Альфонса оспорожнѣйшимъ; онъ почувствовалъ, что разсудительность естъ свойство нужное и драгоцѣнное (*).

Тели-

- (*) Сіа пшица называется *Фламантъ*; или *Феникоптерусъ*, или *Бежару*. Греки называютъ ее Феникоптерусъ, что означаетъ пшицу съ пламенными крыльями, потому, что она и въ самомъ дѣлѣ, когда лешитъ прошивъ солнца; пламенную кажется; перья молодыхъ пшицъ розоваго цвѣта, а тѣхъ, которыми уже болѣе десяти мѣсяцевъ, огненнаго. Старые Французскіе Натуралисты называли сію пшицу *flambant*, и мало помалу, говоритъ Г. Бюффонъ, забыли произхожденіе сего слова, позволили себѣ писать *flamant*, и пшицу огненнаго или пламеннаго цвѣта преврапили въ пшицу Фландрійскую; да нашли еще и сходство ея съ жишелями Фландрин, гдѣ ее никогда не

ТелисмарѢ, продолжая свое путешествованіе, останавливался на нѣкоторое время въ жилищахъ у многихъ дикихъ народовъ, которыхъ нравы ему узнать хотѣлось; но Гошпенпопы заняли его вниманіе болѣе всѣхъ варварскихъ Африканскихъ народовъ. Пороки ихъ ничто въ сравненіи ихъ съ добродѣтелями. Должности дружбы и гостепріимства исполняютъ они совершенно. Ихъ правдолюбіе, мужество, милосердіе и цѣломудріе, дающіе имъ великое преимущество передъ всѣми

не видали. Сіи огненные крылья не суть только одинъ отличительной знакъ сей птицы: носъ у нее удивительно образованъ, и чрезмѣрно высокія ноги, долгая и толстая шея, и большое шло, хотя оно не столь велико, какъ шло аисово, составляютъ пріятную, но странную фигуру, отличающую ее отъ самыхъ большихъ болопныхъ птицъ.

Сіи птицы находятся въ такъ называемомъ Старомъ мірѣ, отъ береговъ Средиземнаго моря до самой южной стороны Африки. Ихъ весьма много въ западныхъ провинціяхъ Африки, въ Анголѣ, въ Конго, гдѣ Арабы, по суевѣрному почтенію къ нимъ, не отпускаютъ

всѣми дикими (*). Дѣти до 18 лѣтъ бывають у нихъ обыкновенно подѣ смотрѣніемъ маперей; тогда принимають ихъ вѣ мужи, а до того времени никто не имѣетъ съ ними обхожденія, кромѣ опца (**).

Телисмарѣ во время пребыванія своего у Гопленпоповѣ пошелѣ поупру съ Альфонсомъ прогуливаться. Проводникѣ ихъ несѣ мѣшокѣ съ запасомѣ, попому что они хотѣли обѣдать вѣ полѣ. Переходя черезѣ рѣку, уронилѣ онѣ вѣ нее мѣшокѣ, и побоявшись гнѣва путешествен-

Часть XII. Но. 41.

Б

ни-

ють умерщвлять ихъ. Сіи птицы суть конечно перелетныя; ихъ много вѣ Доминго и на Аншильскихъ островахъ. Онѣ всегда летаютъ стаями, и садятся на землю рядами; по чему вѣ большемъ отдаленіи кажутся кирпичною стѣною, а вѣ меньшемъ посiproеннымъ полкомѣ. Онѣ спавяшѣ форпосмы, и естли сіи увидятѣ какой нибудь устрашающій ихъ предметѣ, по подымають ужасной крикѣ, кошорой издалека слышашѣ можно, и кошорой подобенѣ звуку прубы; тогда вся стая подымаешѣя и улешаетѣ. Мясо ихъ весьма вкусно; древніе почитали его превосходною дичиною.

(*) Исторія о спран. вообще, Томѣ. III.

(**) Тамѣ же.

никовъ, побѣжалъ ошъ нихъ и шотчасъ пропалъ изъ вида. Альфонсъ весьма разсердился, пошому что былъ голоденъ. Я вѣрно найду дорогу назадъ, сказалъ Телисмаръ: а шеперь посидимъ немного подъ эшими прекрасными деревьями. Они сѣли на праву; между шѣмъ Альфонсъ не переспавалъ говорить, что ему хочешся ѣсть, и что по крайней мѣрѣ не прежде часа можетъ онъ уполить голодъ свой. Вдругъ закричалъ Телисмаръ: шие! слушайте! — Альфонсъ услышалъ пронзительной крикъ, на которой Телисмаръ къ удивленію его отвѣчалъ подобнымъ крикомъ, но шолько не шоль пронзительнымъ; по шомъ вспалъ и сказалъ: пойдеште, Альфонсъ; ештли вы чувствуете шаккой сильной голодъ, шо я вамъ сыщу что ѣсть. Послѣ сего опять прокричалъ онъ нѣскольго разъ шакимъ же голосомъ. Вдругъ увидѣлъ Альфонсъ прекрасную пшицу, бѣлаго и зеленого цвѣта, кошорая прямо къ нимъ лешла. Пойдемте за эшимъ новымъ пушеводителемъ, сказалъ Телисмаръ: онъ поправитъ прешупокъ шого, кошорой насъ ошавилъ. Альфонсъ, не зная, что думашь, шелъ вѣ молчаніи и со вчиманіемъ шотрѣлъ на пшицу, кошорая черезъ нѣскольго

сколько минулъ сѣла на одномъ большомъ пущомъ деревѣ. Остановимся, сказалъ Телисмаръ: птица прилетишь къ намъ, ешьли что нибудь найдешь хорошее. Въ самомъ дѣлѣ, птица увидѣвши, что они не приближаются, удвоила свой крикъ, подлетѣла къ нимъ и возвратилась опять къ дереву, летала вокругъ его, и примѣтнымъ образомъ ихъ шуда манила. Пойдемте, сказалъ Телисмаръ: она приглашаетъ насъ къ обѣду такъ благосклонно, что не лзя ей въ помѣ отказать. Они подошли къ дереву, и удивленіе Альфонсо было несказанно, когда увидѣлъ онъ въ дуплѣ медовые сопы. Между шѣмъ, какъ они вынимали ихъ, птица, сѣвшая подлѣ нихъ на кусту, смотрѣла, казалось, съ великимъ на нихъ вниманіемъ. По справедливости, сказалъ Телисмаръ, надобно и съ нею подѣлиться.* Альфонсъ наклакъ меда на листъ, и какъ скоро они опошли отъ дерева, то птица сѣла его. Въ полчаса показала она имъ еще два дупла съ медомъ, и Альфонсъ насытившись, съ удовольствіемъ пошелъ далѣе (*).

Б 2

Тели-

(*) Сія птица называется по Французски le coucou indicateur, по Нѣмецки der Zeiger-
tufel,

Телисмаръ оставилъ Гопшеншоповъ
и поплылъ на корабль къ острову Ма-
дага-

lufuf, а по Руски можемъ ее назвать
указательною кукушкою, или *кукуш-
кою указательницею*. „Внутри Африки,
говоритъ Г. Бюффонъ, въ нѣкоторомъ
разстояніи отъ мыса Доброй Надежды,
находится сія пища, извѣстная по уди-
вительному своему побужденію показы-
вать гнѣзды дикихъ пчелъ. Поутру и
вечеру кричитъ она пронзительнымъ го-
лосомъ: *ширсъ! ширсъ!* которыми, каже-
тся, призываетъ охотниковъ и другихъ
людей, которыхъ въ пустынѣ ищутъ ме-
да. Они отвѣчаютъ ей подобнымъ же
крикомъ, но не столь пронзительнымъ,
и между тѣмъ приближаются къ ней.
Увидѣвши ихъ, летитъ она къ какому-
то дереву, гдѣ есть медовые соты; и если-
ли охотники не подходятъ, то удвои-
ваетъ свой крикъ, летитъ къ нимъ на
встрѣчу, подлетаетъ опять къ дереву,
летаетъ вокругъ его и примѣтнымъ об-
разомъ манитъ ихъ туда. Она всячески
старается заставить ихъ воспользо-
ваться тѣмъ сокровищемъ, которое нашла,
и которыми, чайтельно, не можетъ
пользоваться безъ помощи человѣческой;
для того ли, что отверзше въ дупло
очень

дагаскару. По помѣ обѣхалъ весь восточной берегъ Африки, и пробывши нѣ-

Б 3

сколь-

очень тѣсно, или для другихъ причинъ, о которыхъ ни слова не говоритъ Историкъ ея. Между тѣмъ, какъ доскаютъ медъ, она сидитъ въ близости, со вниманіемъ смотритъ на происходящее и дожидается своей доли изъ добычи, которую и даютъ ей всегда, но которая никакъ не можетъ совершенно ее насытить, чтобы тѣмъ не испребитъ, или не ослабитъ въ ней охоты къ сему роду ловли. — Сіе не есть сказка какого нибудь путешественника, но наблюденіе одного просвѣщеннаго Мужа, которой своими глазами видѣлъ разрушеніе многихъ ульевъ, показанныхъ симъ маленькимъ шпиономъ, и которой все видѣнное имъ сообщилъ Королевскому Обществу въ Лондонѣ. Онъ досталъ пару сихъ пчелъ, которую онъ убилъ къ великому неудовольствію Гопшеншоповъ, и во всѣхъ земляхъ священна жизнь полезнаго животнога; и вотъ описаніе самки, имъ сообщенное: Верхняя часть головы сѣрая; горло, передняя часть шеи и грудь бѣловаты и смѣшаны съ зеленью, которая мало помалу перяется и на груди почти непримѣтна; брюхо бѣлое; нижняя часть
носа

сколько времени на острове Сокошорѣ, оставилъ сію часть міра и вышелъ на берегъ въ щасливой Аравіи. Онъ былъ въ Меккѣ (*) и Мединѣ (**), проѣхалъ
часть

носа темная, а конецъ его желшой; ноги черныя. Длинною она въ шесть дюймовъ съ половиною, а носъ ея длиною около шести линій., Г. Бюффонъ говоритъ въ примѣчаніи, что охотники, шедшіе по голосу сей птицы, бывали иногда разперываемы свирѣпыми звѣрями; отъ чего и вошло въ сказку, что сія кукушка въ заговорѣ съ ними и доставляетъ имъ добычу. Hist. Nat. Tom. 12. des Oiseaux. edit. in 12.

(*) Мекка, Азіятской городъ въ щасливой Аравіи. Великолѣпной храмъ его привлекаетъ шуда множество людей всѣхъ Магомешанскихъ сектъ, которые ходятъ шуда пилигримами; сей городъ есть отецство Магомешово.

(**) Медина есть городъ въ щасливой Аравіи. Слово Мединашъ, или Мединахъ, означаетъ на Арабскомъ языкѣ вообще городъ; а сіе мѣсто преимущественно называется городомъ, для того что Магомешъ сдѣлалъ его столицею Мусульманскаго царства, и шамъ умеръ. Преж-

часть пустыни, вѣхалъ опять въ Африку черезъ перешеекъ Свещъ, и прибылъ въ Каиръ (*); тамъ удивлялся онъ славнымъ Египетскимъ Пирамидамъ (**). Изъ Каира

Б 4

по-

де назывался онъ Лопребъ. Посреди Медины находится славная мечеть, въ кошую Магометане ходящъ пилигримами; по угламъ стоящъ въ ней три гроба: Магометовъ, Абубеккеровъ и Омаровъ. Медина правится Шерифомъ, кошорой выдаетъ себя за попомка Магометова, и есть владѣтельница независимой.

(*) Каиръ есть главный городъ Египта. Султанъ Селимъ отнялъ его въ 1517 году у Мамелюковъ, и съ того времени онъ принадлежитъ Туркамъ. Старой Каиръ распояніемъ отъ него около Французской мили и лежитъ на берегу Нила; у Кофшовъ тамъ великолѣпная церковь. — NB. Кофшы или Копшы, сущъ Якобитскіе или Монофиситскіе Христіане. Не извѣстно подлинно, откуда происходитъ имя сіе; иные производящъ его отъ Копшы, Египетскаго города.

(**) Пирамиды Египетскія были построены для того, чшобы служить гробницами своимъ строителямъ. Незнатные Египтяне, вмѣсто Пирамидъ, вырывали для сво-

поѣхалъ вѣ Александрію, гдѣ нашелъ ко-
рабль,

своихъ могилъ шѣ пещеры, которыхъ и
пониѣ много открывающѣ, и вѣ копо-
рыхъ находящѣ муміи.

Пирамиды имѣютъ отвѣрзніе, которов
ведетъ вѣ низкую и долгую галлерею,
провождящую вѣ шу комнату, гдѣ
древніе Египтяне клали шѣла шѣхъ, для
коихъ Пирамиды построены были. Онѣ
построены весьма правильно: каждая изъ
трехъ большихъ Пирамидъ, и нынѣ еще
существующихъ, находится при концѣ
другихъ малыхъ Пирамидъ, которыя
разсмотрѣшь трудно, потому что онѣ
покрыты пескомъ. Всѣ построены на
камнѣ, сокрытомъ подъ бѣлымъ пес-
комъ. Во всѣхъ Пирамидахъ находящя
глубокіе четверугольные колодцы, вы-
сѣченные вѣ камнѣ. На стѣнахъ нѣко-
торыхъ Пирамидъ изображены Герогли-
фы, такъ же на камнѣ высѣченные. Три
главныя Пирамиды, извѣсныя путе-
шественникамъ, почти вѣ девяти миляхъ
отъ Каира. Лучшая изъ всѣхъ постро-
ена на высокой каменной горѣ, вѣ пес-
чаныхъ пустыняхъ Африки, разстояні-
емъ отъ Египетскихъ равнинъ къ западу
вѣ верстѣ. Сія гора возвышается почти
на сто фушовъ отъ поверхности сихъ
ра-

рабль, совсѣмъ головой отправишься къ
 Б 5 оспро-

равнинѣ; но она некруша, и на нее легко всходишь можно. Гора сія придаетъ величество славному произведенію искусства. Въ сей Пирамидѣ находящѣ комнаты, переходы и проч. Чтосбы осмо- прѣшь ее совнѣ, то лаяшѣ вверхъ, останавливаясь нѣсколько разъ отды- хашѣ. Почши въ срединѣ ея, найдешѣ четвероугольную комнату, которая слу- жишѣ только къ отдохновенію. Дошед- ши до конца, будешѣ на гладкой кровлѣ, съ которой открываются пріятнѣйшіе виды. Сія плоская кровля, которая ка- жетсѣ снизу острою, составлена изъ де- сяци или двѣнадцати большихъ камней, и каждая сторона, составляющая четыре- угольникъ, длиною ошѣ 16 до 17 фу- шовъ. Сойши можно только снаружи, и сей сходъ весьма опасенъ. Патеръ Ванслебъ, которой сію Пирамиду измѣ- рилъ спереди ошѣ одного угла до дру- гаго, нашелъ, что она длиною 300 ша- говъ; а измѣривши послѣ сію сторону веревкою, увидѣлъ, что длина ея про- спиралась до 128 сажень, составляющихъ 704 фуша. Входъ не въ срединѣ Пира- миды. Вышина ея, говоритъ сей Па- теръ, ешлы переднюю сторону измѣ- рящѣ

острову Теръ (*), на которомъ онъ наконецъ шуда и приплылъ.

Телисмаръ въ послѣдніе два мѣсяца нѣсколько разъ читалъ съ Альфонсомъ переводы Иліады и Одиссеи. Альфонсъ, удалявшійся съ радостію отъ жаркихъ и варварскихъ странъ Африки, пришелъ въ восхищеніе, возвратившись въ Европу, прибывъ въ Грецію, питаемую благороднымъ воздухомъ; прибывъ въ шѣ мѣста, гдѣ все напоминало ему прелестныя выдумки, басни и завидные нравы, Гомеромъ описанные.

По прибытіи своемъ въ Теру, услышалъ Телисмаръ, что огнедышущая гора,
копо-

рять веревкою, составляетъ 128 сажень, каждая сажень въ пять футовъ съ половиною, изъ чего выдетъ 600 футовъ, (NB. Церковь Св. Петра въ Римѣ вышиною только въ 443 фута). Но не лзя точно опредѣлить, чемъ широта ея болѣе вышины; пошому что песокъ мѣшаетъ вымѣрять подошву Пирамиды.

(*) Островъ Архипелагской, отъ Кандіи къ сѣверу. Онъ составляетъ часть шѣхъ острововъ, кошорыхъ называютъ *Санторинъ*, или *Санториня*, пошому что святая Ирена ихъ покровительница.

которая на семъ островѣ находилась, причиняла жителямъ безпокойство; что она, казалось, опять воспалилась, дымилась и выбрасывала камни. На другой день на самомъ разсвѣтѣ отправились туда наши путешественники. За милю отъ горы проводникъ ихъ остановился, говоря, что онъ слышитъ чрезвычайной шумъ. Альфонсъ и Телимаръ спали слушать, и слышали въ самомъ дѣлѣ нѣкоторой ревъ во глубинѣ земли. Между тѣмъ прошли они еще полмили. По мѣрѣ приближенія ихъ къ горѣ, подземной ревъ усиливался; скоро слышали они и страшной свистъ. Въ то же время примѣтили, что дымъ на горѣ сгущался и краснѣлъ. Возвратимся назадъ, сказалъ Телимаръ. Едва только онъ сіе сказалъ, какъ услышалъ ужасной шумъ, и на бѣгу къ морю оглянувшись назадъ, увидѣлъ, что вся гора въ огнѣ, пламя подымалось къ облакамъ, со всѣхъ сторонъ летѣли искры и ракеты. Устрашенной проводникъ сбивается съ дороги и ведетъ ихъ по такой тропѣ, которая ихъ къ пламенной горѣ приближаетъ. Добѣжавши до луга, окруженнаго шополовыми деревьями, видятъ они страшную гору прямо противъ себя. Съ ужасомъ смотрятъ на огненные рѣки, спре-

спремительно низвергающіяся съ горы и разливающіяся по долинѣ; онѣ сожигали и низвергали все имѣ попадавшееся. Трава и цвѣты передѣ ними увядали, листья желѣбли и падали съ деревѣ, ручьи изчезали, изсыхали источники и усрашенныя пшпцы падали съ засохшихъ суковѣ. Въ по же время горящія облака помрачили воздухѣ крупнымѣ и бѣловатымѣ перломѣ, копорой какѣ снѣгѣ валился сверху, и каменной градѣ, летѣвшій со всѣхѣ сторонѣ, раздроблялѣ дерева, вырывалѣ ихѣ изѣ корня; онѣ спремился сверху, горы на равнину съ величайшимѣ шумомѣ, копорой опзѣвался вдали на каменныхѣ горахѣ. Альфонсѣ и Телисмарѣ спѣшили удалиться опѣ сихѣ опустошаемыхѣ мѣспѣ, и ходивши нѣсколько времени по неизвѣстнымѣ дорогамѣ, пришли наконецѣ на берегѣ моря. Приближаясь, слышали они шумѣ волнѣ; по чему заключили, что море вѣ волненіи. Въ самомѣ дѣлѣ представило оно имѣ видѣ жестокой бури, хопя вѣ воздухѣ было все тихо и ясно. Съ удивленіемѣ разсмапривали они сіе явленіе; но скоро еще болѣе изумились, увидѣвши, что великое пламя вышло изѣ срединѣ водѣ, поднялось вверхѣ и разсѣялось вѣ воздухѣ, давши мѣспо безчисленному

мно-

множеству горящихъ камней, спремившихся изъ глубины моря и вознесшихся выше волнъ (*). По шумъ море утихло, и

(*) Островъ Тера, имѣющій въ окружности 12 большихъ миль, со дна моря вынесенъ былъ силою Вулкана, копорой произвелъ послѣ и шесть другихъ острововъ въ заливѣ. Сей Вулканъ еще не угасъ; ибо въ 1707 году воспалился онъ съ большею силою, нежели когда либо прежде, отъ чего явился новой островъ, окружностію въ шесть Французскихъ миль. Море было тогда въ великомъ волненіи и покрыто пламенемъ, изъ котораго съ ужаснымъ прескомъ вылетѣло множество горящихъ камней. Вокругъ Теры земля была пакъ изворочена, что не находили дна, гдѣ бы можно было бросить якорь.

Сильнѣйшее изверженіе горы Везувія было въ двашцать второй разъ, 20 Маія 1737 года. Изъ многихъ отверзтій горы текли рѣки разшопленныхъ и горящихъ металлическихъ шлѣвъ, которыя разлились по землѣ и влились въ море. Г. Монтеалегрѣ, сообщившій сіе извѣстіе Парижской Академіи, съ ужасомъ смотрѣлъ на одну изъ сихъ огненныхъ рѣкъ, и видѣлъ, что отъ

испо-

и нѣкоторые островскіе жители, пришедшіе на берегъ, сказали Телисмару, что гора перешла выбрасывать пламя. Алфонсѣ

источника своего до впаденія въ море прошекала она 6 или 7 миль, ширина ея была отъ 50 до 60 шаговъ, глубина отъ 25 до 30 ладоней, а въ нѣкоторыхъ низкихъ мѣстахъ около 230. Произведенія Вулкановъ суть шѣла, произшедшія отъ разрушенія другихъ земляныхъ шѣлъ, которыя дѣйствіемъ подземнаго огня пережигаются, какъ камни, собственно Вулкановыми называемые; или дѣлаются жидки и до половины въ стекло превращаются, какъ ноздревашые камни (*les ponces*); или совершенно въ стекло превращаются, какъ стекло Вулканово (*le verre de Volcan*), или Асбестъ (*pierre obsidienne*). Однимъ словомъ, всѣ роды лавы суть произведенія Вулкановъ. Лавою называютъ всѣ порожденія Вулкановъ, какъ-то различные роды ноздревашыхъ камней, камень Везувійской или Неапольской, поццолона, асбестъ, и проч. Всѣ сіи матеріи частію пережжены, частію до половины, частію совсѣмъ въ стекло превращены. Лава бываетъ черновата, красновата, бѣловата, желтовата, и

изле-

фонсѣ и Телисмарѣ возвратились въ жилище свое, и черезъ два дни послѣ сего достопамятнаго приключенія оставили сей несчастной островъ.

Они

изпещрена превратившимися въ стекло частицами. M. de Volage.

Изверженія огнедышащихъ горъ бывающъ вообще предвѣщаемы подземнымъ шумомъ, подобнымъ грому, ужаснымъ свистомъ и внутреннимъ разрываніемъ (dechirement) и проч. Исторія повѣствуетъ намъ, что въ двухъ изверженіяхъ Везувія выбрасывалъ сей Вулканъ такое множество пепла, что онъ долеталъ до Египта, Ливіи и Сиріи. Въ 1600 году въ Ареквинѣ въ Перу было изверженіе Вулкана, которое покрыло всѣ окрестности, на 30 или на 40 Французскихъ миль, пережженнымъ пескомъ и пепломъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ лежалъ пепелъ на два аршина толщиною. Лава, выбрасываемая горою Этною, составляла иногда рѣки длиною въ 18000 шаговъ. Часто отверстія Вулкановъ изливали кипящія рѣки, выбрасывали рыбы, раковины и другія морскія шѣла. Въ 1631 году, во время изверженія Везувія, высохло море; казалось, что пожралъ его сей Вулканъ, которой черезъ нѣкоторое
рое

Они пристали къ острову Поликандро (одному изъ Цилкадовъ, лежащему опъ Пароса и Аншипароса къ югу), гдѣ нашли одного путешествующаго Шведа, спараго Телисмарова пріятеля, которой вызвался всюду водить ихъ. Онъ привелъ ихъ въ свой домъ, которой хотѣлъ раз-
дѣ-

рое время послѣ того зашопилъ поля соленою водою. Вулканы находятся и въ самыхъ холодныхъ и въ самыхъ жаркихъ странахъ. — Encyclopédie.

Смолы суть масляныя и минеральныя матеріи, находимыя во внутренности земли въ видѣ жидкости, и плавающія иногда на поверхности воды; иногда бывающъ онѣ мягче, иногда шверже. Извѣстенъ только одинъ родъ шекучей смолы, ш. е. *петроль*, или каменное масло, названное симъ именемъ по тому, что каплетъ оно изъ шрецинъ камней; ибо въроашно, что называемое *нафтою* есть ничто иное, какъ самая жидкая, бѣлая и чистая *петроль*. Твердыя смолы суть янтарь, агашъ, асфальтъ и каменной уголь; есть и мягкія. А какъ смолы весьма удобосгарательны и многочисленны, по почиашутъ ихъ причиною безпрестаннаго огня Вулкановъ. M. de Bomare.

дѣлишь съ ними. Послѣ ужина сказалъ онѣ имѣ: вы видите, что эпоть домѣ простѣ и безѣ всякихѣ украшеній; но естѣли вы любите блескѣ и пышность, то я удовлетворю вашему вкусу. Свиданіе съ Телисмаромѣ такѣ меня обрадовало, что я вѣ шотѣ же часѣ вознамѣрился угостить его вѣ такомѣ домѣ, котораго богатство и блескѣ могушѣ удивить васѣ. Сказавши сіе, Фридрихѣ (такѣ назывался пріятель Телисмаровѣ) вспалѣ, кликнулѣ своихѣ людей, копорые пришли съ факелами, и пошелѣ съ Телисмаромѣ и Альфонсомѣ со двора. Черезѣ полчаса пришли они кѣ величайшей кучѣ камней. Вопѣ мои палаты, сказалѣ Фридрихѣ: видѣ немного дикѣ, однакожѣ по наружности судить не должно; остановимся здѣсь на минушу, и пошемѣ туда людей нашихѣ. По шомѣ роздали Фридриховы люди двѣнапцати человекамѣ, копорыхѣ привели съ собою, факелы; каждой зажегѣ свой факелѣ и пошелѣ прочѣ отѣ путешественниковѣ. Когда Фридрихѣ увидѣлѣ, что они довольно уже отѣ нихѣ поудалились, тогда съ гостями своими пошелѣ далѣе. Опшедши около ста шаговѣ, увидѣли огромной сводѣ, изѣ котораго освѣшилѣ ихѣ

блестящельнѣйшій свѣтъ. Войдемъ туда, сказалъ Фридрихъ: вошъ зала моихъ палатъ — какова она вамъ кажется? Сей вопросъ сдѣланъ былъ Альфонсу; но онъ такъ занятъ былъ разсматриваніемъ великолѣпнаго зрѣлища, что не могъ на него отвѣчать. Казалось, что стѣны сей пространный залы были покрыты золопомъ, рубинами и діамантами, а потолокъ украшенъ былъ гирландами и подвѣсками изъ хрустала. Самой полъ, по которому они шли, покрытъ былъ такою же блестящею матерією (*) — —

Ахъ,

(*) Входъ въ Поликандрскую пещеру пространенъ. Все дно ея покрыто блестящими фигурами, которыя составились изъ водяныхъ капель, падающихъ сверху; онѣ стали какъ желѣзные, сверху остры и такъ жестки, что могушъ поколотъ ногу. На сводѣ увидишь прекраснѣйшія и разнообразныя фигуры. Окаменѣлыя капли не суть одно украшеніе сей пещеры: шамъ находяшъ нѣкотораго рода драгоценной камень, на которомъ все звѣздочки, и которой блистаетъ какъ полированная сталь; частицы его въ иныхъ мѣстахъ красноваты и свѣтятся какъ діамантъ.

Въ

Ахъ, мапушка! закричала Елисавета: простите, что я перерву вашу исторію; я никакъ не могу воздержаться — не уже ли были это подлинно такіе дорогие камни? — „Нѣтъ, они только каза-

В 2

лись

Въ другой части пещеры найдешь великія кучи круглыхъ шѣлъ, подобныя виноградной киспи. (NB. Сіи круглыя шѣла называются *сталактиты*. Сталактиты и *сталагмиты* составляющя изъ земляныхъ или каменныхъ существей, которыя образовались въ водѣ, или черезъ нее процѣдились въ подземныя пещеры, тамъ совокупились и окаменѣли въ разныхъ фигурахъ. Еслия вообразишь водяныя капли, въ кошорыхъ, какъ онѣ процѣдились черезъ ноздреватыя камни, оспались маленькія каменныя часпицы, не опнявшія у воды прозрачности, и кошорыя по томъ процѣдились быстро по мѣрѣ ихъ жидкости, стягоспи и скаша дна, сквозь камни и подземные прошоки въ натуральныя каналы: то получишь понятіе о составленіи ихъ. Вода чрезъ изпареніе скоро отдѣляется отъ каменныхъ часпицъ. Сіи каменныя шѣла весьма крѣпко прилипающъ къ стѣнамъ и къ

лись такими, хотя бы и самой великой знапокъ могъ блескомъ ихъ обмануться., -- Эпо очень чудно. Да въ самомъ ли дѣлѣ были такія палашы? — „Есть еще и ны-

сводамъ пещеръ, въ которыя вода проникаетъ. *Сталактитами* называютъ собственно суковатыя шѣла, въ хрусталь превратившіяся и подобныя видомъ перяному своду, или висячимъ пирамидальнымъ украшеніямъ на потолкѣ. *Сталагмитами* называютъ выпуклыя окаменѣлости, т. е. такія, которыя круговаты. Сталагмиты находятся почти всегда на днѣ пещеры, и бывають противоположны сталактистамъ, хотя такъ же состояются изъ каплющей воды. Если окаменѣлость ноздревата и въ суковатыхъ сводахъ, то называютъ ее *остеоколлою*.) Нѣкоторыя изъ сихъ шѣлъ красны, другія черны, но совершенно прозрачны и блистательны. Величайшее украшеніе свода составляютъ сіи хрустали; многіе какъ бы нарочно обвоспрены. Всего удивительнѣе то, что нѣкоторыя изъ нихъ отъ природы позолочены, и такъ правильно, что и совершенной художникъ лучше бы позолотить не могъ.

нынѣ. „ — И нынѣ? — „Да.„ — На островѣ Поликандро? какой же это островѣ! Вы, мапушка, покажете намѣ его завтра на каршѣ? — „Сѣ великою охопою.„ — Ешлы вы позволите, мапушка, такѣ я покажу на каршѣ все пупешествіе Альфонсово, какѣ вѣ первой разѣ спану учисья Географіи; я помню всѣ мѣспа, равно какѣ и всѣ чудеса, копорыя онѣ видѣлѣ. — „Очень хорошо. Между пѣмѣ возвратимся кѣ нашей повѣспи. — Альфонсѣ удивлялся чрезвычайному пространству сихѣ великолѣпныхѣ палашѣ, и употребивши болѣе двухѣ часовѣ на разсмотрѣніе ихѣ, пупешественники пошли домой. Телисмарѣ сказалѣ Альфонсу, что сіи мнимыя Фридриховы палашы были произведеніе одной Природы; чему онѣ еще болѣе удивлялся.

Телисмарѣ пупешествовалѣ уже по Италіи, по чему и не хотѣлѣ было пуда ѣхашѣ; но пріятель его, Фридрихѣ, опправлявшійся вѣ Речжіо, упрашивалѣ его ѣхашѣ сѣ нимѣ вмѣстѣ; на что Телисмарѣ пѣмѣ охопнѣе согласился, что только вѣ одной сей части Италіи онѣ еще не былѣ. И такѣ Фридрихѣ, Альфонсѣ и Телисмарѣ оставили Поликандро

и отправились въ Морею (*). Они видѣли шамѣ развалины Эпидавра и Лакедемона. Изъ Мореи отправились на островъ Цефалонію, гдѣ сѣли опять на корабль, и приплыли въ Речжіо (**).

На другой день по приѣздѣ ихъ въ сей городъ, завпракали они въ комнашѣ Темисмаровой, копорая окнами была къ морю. Разговоръ перерванъ былъ великимъ радостнымъ крикомъ, копорой слышанъ былъ со всѣхъ сторонъ. Альфонсѣ потчасѣ выбѣжалъ, чшобы узнать причину такихъ громкихъ восклицаній. Онъ встрѣшилъ множество людей, копорыя съ шумомъ спремались къ крыльцу. Онъ спрашиваетъ; на бѣгу отвѣтствуютъ ему: мы бѣжимъ на берегъ смотрѣть замковъ Феи Морганы. Альфонсѣ возвращается и сказываетъ сей странной отвѣтъ. Отворили окна и увидѣли такое зрѣлище, которое красотою и чудесностію превосходило все то, что они до сего времени видѣли. „Море, орошающее берега Сициліи, подымаясь и возвышаясь поспешенно, скоро представило
„совер-

(*) Называлася прежде Апшикою.

(**) Въ Неапольскомъ Королевствѣ.

„совершенное изображеніе величайшей и
 „мрачной цѣпи горѣ; между шѣмѣ вол-
 „ны, несущіяся къ берегамѣ Калабріи,
 „опускаясь и успокоиваясь, являющѣ од-
 „нообразную плоскость, такѣ что сія
 „послѣдняя часть моря уподобилась боль-
 „шому и блестящему зеркалу, шико об-
 „рацающемуся къ стѣнамѣ города Реч-
 „жіо. По шомѣ явилась на семѣ зеркалѣ
 „удивительнѣйшая картина. Видно было
 „весьма ясно нѣсколько пысячь соразмѣр-
 „ныхѣ столповѣ вѣ наилучшемѣ поряд-
 „кѣ, которые освѣчивали всѣ живые
 „цвѣты радуги. Черезѣ минушу сіи ве-
 „ликолѣпные столпы перемѣнили свой об-
 „разѣ и превратились вѣ величественные
 „аркады, которые также скоро исчез-
 „ли и дали мѣсто безчисленному мно-
 „жеству великолѣпныхѣ замковѣ, совер-
 „шенно одинаковыхѣ. Послѣ шого по-
 „казались колоннады и башни, наконецѣ
 „дерева и обширные кипарисовые и паль-
 „мовые лѣса (*). „ Послѣ сей послѣдней

В 4

деко-

(*) Господинѣ Свинборнѣ, сочинитель слав-
 наго *путешествія вѣ Испанію*, сочи-
 нилѣ и другую книгу, не менѣ примѣ-
 чанія

декораціи исчезла волшебная картина. Море пришло въ прежнее свое положеніе, а народъ, которымъ покрытъ былъ весь берегъ, въ восхищеніи плескалъ руками, повторяя въ радостномъ крикѣ тысячу разъ имя Феи Морганы.

Вотъ, мапушка, перервала Катерина, дошли мы и до волшебныхъ сказокъ. — „Никакъ; это явленіе естественное, такъ какъ и всѣ прочія.“ — По этому еспь
и

чанія достойную, подъ заглавіемъ: *Travels in the two Sicilies*, т. е. путешествіе въ обѣ Сициліи. Въ сей книгѣ повѣствуетъ онъ объ одномъ явленіи, которое тамошніе жители называютъ *la Fata Morgana*, имя, производящее, какъ говоритъ Свинборнъ, отъ общаго народнаго мнѣнія, что сіе зрѣлище предсказываетъ одна Фея, или волшебница. Сіе чудное явленіе рѣдко бываетъ видимо въ Речжіо. Г. Свинборнъ не видалъ его самъ, но говоритъ, что причины его весьма учено изъяснены Кирхеромъ Минази и другими Писателями. Онъ сообщаетъ весьма подробное описаніе онаго, извлеченное имъ изъ извѣстія Патера Анжеллуки, которой своими глазами видѣлъ сіе явленіе. Самое сіе описаніе

и Фея Моргана? — „Я сказала вамъ слова народа, а народъ вездѣ несвѣдущъ и легковѣренъ; онъ любитъ басни и вѣритъ имъ охотно.“ — А волшебная картина? — „Произведена естественными причинами.“ — Не понимаю, какъ всю свою жизнь не употребляютъ на путешествія, на чтеніе и на ученіе, чтобы узнать или увидѣть такія удивительныя и важныя вещи. Сдѣлайте милость,

В 5

ма-

ніе Г. Свинборна отъ слова до слова переведено въ нашей Сказкѣ. Кто усомнился въ вѣрности перевода, тому сказывается имя Англійской книги, и мѣсто, которое изъ нее переведено: *Travels in the two Sicilies by Henry Swinburne esq. in 4. стр. 366.* Г. Свинборнъ самъ изъясняетъ причины сего явленія; но сіе изъясненіе (говоритъ Гж. Дсбролюбова, Сочинительница Сказки) выше моего понятія; чтобы разумѣть его, надобно имѣть нѣкоторыя понятія объ Оптикѣ и Геометріи, которыхъ я совсѣмъ не имѣю: для того-то и не перевела сего мѣста.

О семъ явленіи упоминается (правду сказать, весьма кратко) въ одной Французской книгѣ, въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Tableau de l'Univers.*

мапушка, продолжайте читать вашу сказку. — Альфонсъ спалъ думать такъ, какъ и вы; удивленіе, которое произвели въ немъ такіа чрезвычайныя приключенія, возбудило въ немъ живѣйшее любопытство и истинное желаніе учиться. Не чувствительнo опспалъ онъ опъ всѣхъ ребяческихъ забавъ, спалъ размышлять, говоритъ подумавши, слушать со вниманіемъ. Но по мѣрѣ просвѣщенія разума его, находилъ онъ въ прошедшей своей жизни болѣе проступковъ; вспоминая ихъ, чувствовалъ мучительное угрызеніе совѣсти. Не понималъ онъ, какъ могъ оставить отца. Молчаніе со стороны Донъ Рамира угнѣпало его и производило въ немъ великое безпокойство. Онъ горѣлъ желаніемъ поскорѣе пріѣхать въ Констаншинополь, потому что надѣялся найти тамъ письма изъ Португаліи; и хотя весьма любилъ Телисмара и почти увѣренъ былъ въ томъ, что получитъ нѣкогда Далиндину руку, однакожь рѣшился оставить его въ Констаншинополь, еслии не получитъ никакого извѣстія объ отцѣ; возвратиться въ Португалію и священной сыновней должности пожертвованъ всѣми надеждами и всею своею жизнью. Такое рѣшеніе отвергло его въ

глу-

глубокую меланхолю. Напрасно искалъ Телисмаръ причины задумчивости его; стараясь нѣжными ласками разсѣять печаль его, шолько что ее увеличивалъ. Чшобы вывести его изъ унынія, шо часто въ присушствіи его говорилъ онъ съ Фридрихомъ о Далиндѣ; но все сіе болѣе и болѣе перзало Альфонса. Наконецъ Телисмаръ простился съ Фридрихомъ, оставилъ Речжіо и возвратился въ Грецію. Онъ проѣхалъ всю сію землю, и въ концѣ Апрѣля мѣсяца пріѣхалъ въ Константинополь.

Альфонсъ нашелъ въ Константинополѣ письмо изъ Португаліи, которое распечаталъ онъ въ величайшемъ безпокойствѣ. Но письмо было не отъ Донъ Рамира; однакожь въ немъ увѣдомляли Альфонса, что отецъ его возвращался въ Португалію, прожилъ нѣсколько времени въ Лиссабонѣ и отправился отсюда путешествовать, сказавши знакомымъ своимъ, что путешествие его продолжится осьмнадцать мѣсяцовъ. Всѣ увѣрены, писали къ нему, что Донъ Рамиръ нѣсколько разъ говорилъ съ Королемъ наединѣ, и что поѣхалъ онъ для какихъ нибудь тайныхъ дѣлъ, и думаютъ, что по возвращеніи своемъ будетъ онъ опять Министромъ,

спромѣ, по тому болѣе, что преемникъ и врагъ его черезъ восемь дней послѣ его отъѣзда пришелъ въ немилость. Тотъ, кто о семъ увѣдомлялъ Альфонса, въ заключеніи письма своего писалъ, что онъ не могъ видѣться съ Донъ Рамиромъ по прозвѣ Альфонсовой; потому что онъ долго былъ во Франціи и пріѣхалъ уже въ Лиссабону по прошествіи прехъ недѣль послѣ отъѣзда Донъ Рамирова.

Альфонсъ счелъ по числу, въ письмѣ означенному, что отецъ его возвратился въ Португалію черезъ пятнадцать или шестнадцать мѣсяцевъ; по чему и самъ рѣшился возвратиться шуда около сего времени. Не имѣя денегъ, не могъ бы онъ тамъ жить во время отсутствія Донъ Рамирова. И такъ положилъ онъ продолжать свое путешествіе, по тому болѣе, что надѣялся прежде еще года возвратиться въ Европу. Молчаніе отца его безпокоило его; однакожь утѣшался онъ щасливою переменною судьбы его и надеждою, что время, покорность его и раскаяніе, возобновятъ наконецъ прежнюю любовь къ нему въ сердцѣ Донъ Рамира.

Альфонсъ, ставши не такъ печаленъ и задумчивъ, принялся за обыкновенныя
свои

свои упражненія, и по прежнему началъ разговаривать съ Телисмаромъ о разныхъ предметахъ. Телисмаръ по видимому весьма доволенъ былъ переменною, имъ въ Альфонсѣ примѣченною, такъ что Альфонсѣ осмѣлился говорить о Далиндѣ. Телисмаръ напомнилъ ему сперва съ пихостию его обѣщаніе. Такое снисхожденіе сдѣлало Альфонса дерзкимъ; часпо спалъ онъ говорить о любви своей, такъ что Телисмаръ осердился на него. Сіе заставило его замолчать; однакожь все искалъ онъ случаевъ издали говорить о своихъ чувствахъ и жаловаться на принужденіе.

Фридрихъ далъ Телисмару письма отъ пріятелей своихъ къ одному Греку, у котораго былъ прекрасной домъ на каналѣ Чернаго моря. Сего Грека, именемъ Никандра, не было тогда въ Константинополѣ. Телисмаръ и Альфонсѣ черезъ двѣ недѣли отправились въ деревню Буюк-Деру (*), которая отъ Константинополя была въ осми Французскихъ миляхъ,

и

(*) Положеніе сей деревни весьма пріятно. Министры и многія частныя люди имѣютъ тамъ увеселительныя дома. Voyage littéraire de la Grece, par Mr. Quys, T. I.

и въ которой Никандръ обыкновенно проживалъ все лѣто. Перваго числа Мая, по утру въ десять часовъ, прибыли они въ сію деревню. Они увидѣли улицы наполненныя молодыми людьми; всѣ были хорошо одѣшны и цвѣтами увѣнчаны; иные пѣли, иные играли на разныхъ инструментахъ. Всѣ дома украшены были розовыми гирландами и фесфонами; у оконъ стояли молодыя Греческія красавицы, окруженныя множесствомъ невольниковъ, хорошо одѣшыхъ. Такое зрѣлище восхишило Альфонса; а Телисмаръ, знавшій Греческіе обычаи, рассказалъ ему, что всякой годъ празднуютъ Греки такимъ образомъ первое число Мая, и что въ сей праздничной день молодые любовники вѣшали сплетенные изъ цвѣшовъ вѣнки на ворота домовъ любовницъ своихъ и пѣли у нихъ подъ окнами (*). Ахъ! сказалъ Альфонсъ:

(*) Любовники, говорятъ Аееней (древній Греческой Авторъ) вѣшаютъ сплетенные изъ цвѣшовъ вѣнки на ворота домовъ любовницъ своихъ, подобно какъ украшаютъ цвѣтами ворота храма. Вѣроятно, что отъ сего произошло у Грековъ обыкновеніе перваго числа Мая украшать

фонсѣ: какѣ они щаспливы! ихѣ слушающѣ — „Такая благосклонность здѣсь ничего не значить.„ — Но естѣли двое солюбвниковѣ сойдутся у однихѣ воротѣ, или подѣ одними окнами? — „Вмѣстѣ вѣщающѣ свои вѣнки и по очереди поющѣ.„

Путешественники наши, пробывши нѣскольво времени на первой улицѣ, пошли далѣе. Вдали увидѣли они одинѣ домѣ, болѣе прочихѣ цвѣтами украшенной. Безѣ сомнѣнїя живетѣ пущѣ какая нибудѣ славная красавица, сказалѣ Альфонсѣ. Вѣ самомѣ дѣлѣ, подошедши поближе, увидѣли они на балконѣ двухѣ молодыхѣ красавицѣ. Когда они поравнялись сѣ балкономѣ, проводникѣ сказалѣ имѣ, что это былѣ домѣ Никандровѣ.

Аль-

шать цвѣтами ворошы своихѣ домовѣ, равно какѣ и ворошы у любовницѣ своихѣ. Они прогуливаюцца и поющѣ прошивѣ дома красавицѣ, чтобы по крайней мѣрѣ привлечь ихѣ кѣ окну. Таковыя нѣжности были еще вѣ обыкновенїи во времена Гораціевы. Дѣвушки вплетаютѣ цвѣты вѣ головной свой уборѣ; молодые люди, хотящїе быть щеголями, дѣлаютѣ то же. Voyage littéraire de la Grece, troisieme Edition, Mr. Guys, T. I.

Альфонсѣ и Телисмарѣ вошли въ домѣ. Никандрѣ ихъ встрѣшилъ, и прочитавши письма, съ радостію обнялъ ихъ, говоря, что употребитъ всѣ силы продержашъ ихъ у себя подолѣе. Никандрѣ и всѣ его домашніе довольно хорошо говорили по Французски; Телисмарѣ совершенно зналъ сей языкъ, а Альфонсѣ не много разумѣлъ его. Никандрѣ призвалъ невольниковъ, копорые проводили путешественниковъ въ большую залу, украшенную Паросскимъ мраморомъ, гдѣ пригоповили для нихъ мыльню. Послѣ мыльни (*) пришелъ къ нимъ

(*) Въ древнія времена учрежденъ былъ праздникъ въ честь Гекапы, за то, что она хорошо угостила Оисея. Гекапа дала обѣтъ и приносила даже жертвы, желая ему побѣды и возвращенія. Отъ сего произошло учрежденіе праздника, возвысившаго ее въ число богинь. — Въ древней Греціи, когда приходилъ странникъ, хозяинъ дома бралъ его за руку въ знакъ довѣренности, отводилъ его въ мыльню и перемѣнялъ его плашье. У новыхъ Грековъ, когда приходитъ иностранецъ, хозяинъ дома встрѣчаетъ и обнимаетъ его, отводитъ въ самыя лучшія комнапы, и между

нимъ Никандръ и повелъ ихъ вѣ комнашы своей жены. Глафира (такъ называлась жена его) сидѣла на софѣ съ двумя дочерьми своими, Глисерою и Зоею, и старую почтенною женщиною, кормилицею Никандровою, копорую по обыкновенію новыхъ Грековъ называли вѣ семьѣ Параманою, нѣжнымъ именемъ, даннымъ ей благодарностію: оно значилъ *вторая мать* (*). Дѣвушки были богато одѣшы.

Часть. XII. No. 43. Г На

между шѣмъ, какъ невольники пригошляющъ мыльню, спрашиваетъ о путешествіяхъ его; вѣ мыльнѣ даютъ ему бѣлье и новсе плашь; а то, которое на немъ было, невольники берутъ, чистятъ и починивающъ во время пребыванія его вѣ помѣ домѣ. M. Guys T. i.

(*) Еще и нынѣ, такъ какъ и вѣ древнія времена, у всякаго знаменитаго Грека увидишь вѣ домѣ кормилицу хозяина или хозяйки, копорая причисляется къ семейству. У древнихъ кормилица не оставляла молодую женщину и послѣ замужства ея. У новыхъ Грековъ, такъ какъ и у древнихъ, кормилицами бывающъ невольницы, копорыхъ покупающъ передъ роинами. Любовь Греческихъ кормилицъ къ дѣшамъ, копорыхъ онѣ

На нихъ были длинныя легкія робы, бѣ-
лыя покрывала, золошымъ кружевомъ об-
ложенныя, и богато вышитые поясы,
заспе-

онѣ кормятъ, производятъ отъ новаго
обыкновенія называть ихъ Параманами;
сіе имя весьма нѣжно и многозначитель-
нѣе древняго имени, потому что оно
значитъ *вторая мать*. Кормилица, вы-
кормивши младенца, живетъ всегда въ
домѣ, и съ того времени присоединяется
нѣкошорымъ образомъ къ семейству. —
Съ невольницами обходятся весьма лас-
ково и челобколюбиво, такъ какъ и
древніе Греки обходились, и черезъ нѣ-
которое время ихъ освобождаютъ; нѣ-
кошорыхъ берутъ они въ дѣтствѣ и
называютъ *дочерьми души ихъ*. Служанки
или невольницы, какъ то и пре-
жде бывало, занимаются шитьемъ вмѣ-
стѣ съ Госпожею своею, и отправляютъ
всякую службу въ домѣ. Служанки не
остаются дома, когда Госпожа ихъ вы-
ходитъ со двора; онѣ должны идти за
нею. Сіе обыкновеніе есть древнее.
Законодатель Залевкъ учредилъ, для
испробленія щещеславія и роскоши вре-
менъ его, чтобы свободная женщина
не брала за собою болѣе одной служанки,
*кромѣ того случая, какъ пойдетъ пья-
ная*. M. Guys. T. I.

застегнутые изумрудными пряжками (*).
Глафира и Никандръ разспрашивали Тели-
Г а смара

(*) Гречанки всегда любили украшаться драгоценными камнями: поясныя пряжки, ожерелья и зарукавья ихъ бывающъ ими осыпаны; и хотя онѣ также любящъ украшашъ головы свои вѣнками, сплетенными изъ лучшихъ цвѣтовъ весны, однакожъ діаманты блистающъ подлѣ ясиновъ и розъ. Часто убирающъ онѣ и дома, хотя бы ихъ и никто не видалъ. Сими украшеніями жертвуютъ только какой нибудь большой печали. Но во время отлучки мужей своихъ почти всѣ Гречанки не радѣющъ о своихъ уборахъ. Нынѣшнія Гречанки, естли имѣ надобно ийти далеко, велятъ драгоценные свои камни носить за собою, не хотѣвши показывать ихъ на улицѣ, и украшаются ими тогда, когда надобно имѣ войти въ домъ, куда идущъ вгости, и снимающъ ихъ опять, пошедши домой. Сіе бывало и у древнихъ Грековъ. Употребленіе покрывала также не новое; оно, равно какъ и прежде, составляетъ существенную часть Греческой одежды и различаетъ ихъ сословія. У Госпожи и служанки, у свободной женщины

сма ра о пупешествіяхъ его, и заставили его разсказашъ нѣкоторыя свои приключенія.

и невольницы, покрывала различны. Произхожденіе покрывала приписывается Греками скромности и стыду, которые боязливы или застыдичивы. У Греческихъ Госпожъ бываетъ нынѣ покрывало изъ кисей, вышитое по краямъ золотомъ. Guys. T. I.

Обыкновеніе покрывашъ или не покрывашъ головы въ храмахъ, было различно у многихъ народовъ. Древніе Римляне молились богамъ своимъ съ покрышою головою. По древнему обыкновенію, во время приношенія жертвъ и другихъ священныхъ обрядовъ, у шого, кто приносилъ въ жертву какое нибудь животное, была голова покрыва. А у тѣхъ, которые приносили жертву Чесю и Сатурну, какъ другу истины, голова была открыта. Въ молитвахъ, приносимыхъ передъ великимъ олтаремъ Геркулесовымъ, обыкновенно бывали съ открышою головою, либо изъ подражанія Геркулесовой шапуи, или для шого, что сей олтарь существовалъ и служеніе Геркулесу учреждено было прежде временъ Энеевыхъ, которой первой ввелъ въ обыкновеніе отправлять богослуженіе съ покрывшою головою. Encyclopedie.

ченія. По помѣ пошли вѣ споловую комнапу и сѣли за столѣ. При концѣ обѣда Зоя велѣла себѣ подать лиру: заиграла и припѣвала вмѣстѣ сѣ сестрою своею (*). Послѣ сей пріятной музыки, Никандрѣ пошелѣ сѣ гостями своими прогуливашься.

Онѣ повелѣ ихѣ вѣ поле. Приближаясь кѣ пространному лугу, увидѣли они множество паспужовѣ и паспужекѣ вѣ бѣломѣ плашьѣ и вѣ вѣнкахѣ; почти у всякаго изѣ нихѣ были вѣ рукахѣ зеленые пальмы, или мирповыя и оранжевыя вѣшьви. Нѣкопорые плясали при игра-нїи на лирѣ, другїе рвали цвѣшпы, воспѣвая радости и возвращенїе Весны. Видше ли, сказалѣ Никандрѣ, эту молодую дѣвушку, увѣчанную розами и еще лучше убранную подругѣ своихѣ? Это

Г 3

цари-

(*) Обѣды у Грековѣ, ешьли они хопя мало веселы, кончаюпся всегда пѣнїемѣ. Лира у новыхѣ Грековѣ подобна Орфеевой, на кошорой онѣ, по Виргилїеву описанїю, игралѣ и пальцами и смычкомѣ. Ципра и лира сушь два главные инструмента, Греками употребляемые. Паспужы играюшѣ на волынкахѣ, на флейцѣ, или на лирѣ Guys. T. I.

царица праздника: она представляетъ богиню цвѣтовъ, и подѣ пріятнымъ именемъ Флоры правитъ всѣми пасухами и пасушками; но владычество ея основывается только на юности и красотѣ, по чему и не продолжительно: ея правленіе кончится еще передъ вечеромъ. Въ самую сію минуту дала царица знакъ, по которому пасухи окружили ее. Тогда одна изъ подругъ, ея запѣла гимнъ въ честь Флоры и Весны, и послѣ каждого куплета хоръ повторялъ сіи стихи:

*Буди ты благословенна,
Нимфа, Мая красота!
Буди ты благословенна,
О богиня всѣхъ цвѣтовъ!*

По томъ стали всѣ плясать (*),

Прошедши нѣсколько разъ по лугу,
повелъ Никандръ путешественниковъ опять
къ

(*) Новые Греки удержали въ обыкновеніи пляски въ честь Богини Флоры. Деревенскія женщины и дѣвушки перваго числа Мая пляшутъ на лугу, рвутъ цвѣты, разбрасываютъ ихъ и украшаются ими съ

къ себѣ въ домѣ. Они нашли Глафиру и дочерей ея сидящихъ среди невольницъ и занимающихся шитьемъ. Между тѣмъ разсказывали онѣ по очереди разныя повѣсти и правоучительныя басни (*).

Г 4

Хопя

годовыг до ногъ. Правящая пляскою бываетъ всегда лучше другихъ одѣжа, и представляешъ Флору и Весну, которой возвращеніе воспѣвается въ гимнѣ. Одна изъ пляшущихъ поешъ: *вудъ благословенна, Нимфа, богиня мѣсяца Мая*. Въ Греческихъ и Волгарскихъ деревняхъ и нынѣ бывающъ Церерины праздники. Когда приближается время жашвы, тогда съ пляскою и играя на лирѣ ходящъ на поля, и такимъ же образомъ опшуда возвращаются, украшая голову колосами, Guys. T. I,

Въ древней Греціи, когда женщины праздновали праздникъ Флоры, бѣгали онѣ цѣлой день и цѣлую ночь; одни плясали, а другія играли на шрубакъ. Тѣ, которыя быспрѣе бѣгали, были вѣнчаемы цвѣтами. *Diction. de la Fable.*

- (*) Гречанки занимающъ шитьемъ. Отъ Грековъ переняли мы искусство шить, которое у нихъ давно, и которое доведено ими до высшей степени совершенства.

Хотя Альфонсъ не разумѣлъ Греческаго языка, однакожь пакая карпина его восхишила. Тогда говорила Зоя. Телисмаръ просилъ ее продолжашь свое повѣспвоаніе. Она начала говорить съ великою пріятностію, кошорую умножали еще живою румянецъ и скромное замѣшашельспво ея. Зоя описывала чувства молодой дѣвушки на канунъ ея свадьбы. Весьма сильно изображала она живую и глубокую печаль нѣжной и благодарной дочери,

выры-

спва. Пришедши въ комнату къ Гречанкѣ, увидишь рѣшетку въ окнахъ, и, вмѣсто всѣхъ комнатныхъ приборовъ, софу и ящикъ, выложенной слоновою костью, въ кошоромъ лежатъ шелкъ, иглы и пльцы. — Басни, сказки, романы и проч. произошли изъ Греціи. Новые Греки такъ же любяшъ басни и сказки; воспочныя и Арабскія приняли они съ такою же охотою, съ какою прежде приняли Египетскія. Старыя женщины любяшъ сказывать сказки, а молодыя спараюшся одна передъ другою ихъ вавтверживать, или сочиняшъ сказки изъ шѣхъ приключеній, кошорыхъ были онѣ сами очезидными сзидѣшедями. Я слышалъ ихъ разговоры во время работы, и проч. Guys. T. I.

вырывающейся изъ объятія любезнаго семейства. Глисера слушала сіе описаніе съ живымъ чувствомъ; вдругъ невольныя слезы наполнили глаза ея, капали на ея работу и омочили цвѣтъ, копорой она шила. Въ сію самую минуту мать ея, не спускавшая съ нее глазъ, зарыдала и пропянула къ ней руки свои. Глисера вспала, бросилась на колѣни передъ своею матерью, обливаясь слезами. Исторія перервалась. Никандръ подошелъ къ Глисерѣ и съ нѣжностію обнялъ ее. Тронутая Зоя бросила свою работу и кинулась цаловать сестру. Всѣ невольницы показывали, что берутъ великое участіе въ семъ прогашельномъ явленіи. — По томъ Никандръ опвелъ Альфонса и Телисмара въ другую комнату, и изъяснилъ имъ причину всего видѣннаго ими, рассказавши содержаніе Зоиноя повѣсти, и увѣдомивши, что Глисера на другой день выйдетъ за мужъ.

Въ томъ же еще вечерѣ прислалъ женихъ къ Никандру большія корзины, пышно украшенныя, въ которыхъ лежали драгоценныя камни и другіе подарки для Глисеры и семейства ея; а на другой день поутру пришелъ молодой Грекъ къ Ни-

кандру со всѣми своими родственниками. Тогда явилась прекрасная Глисера. На ней было серебряное глазеповое плащье, вышитое золотомъ съ жемчугомъ; на поясѣ блиспали діаманты; длинные волосы ея висѣли у нее по плечамъ; сплешенной изъ незабудокъ вѣнокъ украшалъ ея голову. Глисера, проливая слезы, бросилась вѣ объятія къ своей матери. Спавѣ на колѣни, получила она родительское благословеніе, которое произнесъ Никандръ съ великою чувствительностію, но твердымъ голосомъ. Между тѣмъ нѣжная мать, не могши произнести ни одного слова, препенущими руками своими жала руку дочери, поднявши на небо глаза свои, слезами омоченные.

Послѣ сего прогательнаго обряда пошли оба семейства вѣ церковь, провождаемы всѣми своими невольниками. Напередѣ шли музыканты и пѣвцы; за ними шла невеста, копорую вели отецъ и мать. Трепенущія ноги ея едва передвигались; потупленные вѣ землю глаза ея были наполнены слезами, копорыя напрасно старалась она удерживать. Передѣ нею несли, по старому Греческому обыкновенію, *Гименевъ факель*. Невольники,

ники, женихъ, родственники и друзья, заключали ходъ. Такимъ образомъ пришли въ церковь. По совершеніи священнаго обряда повели новобрачныхъ въ ихъ домъ, которой снаружи былъ освѣщенъ и украшенъ листьями. Госпдей потчивали виномъ, и всѣмъ молодымъ людямъ раздавали букеты, связанные золопою ниткою, говоря: *и вы женитесь*. Сіи слова возбудили въ сердцѣ Альфонсовомъ великое движеніе; глаза его обратились на Телисмара. По томъ пошли въ большую залу, гдѣ до самой полночи панцовали (*).

Аль-

(*) Нынѣ нѣтъ у Грековъ опредѣленнаго для свадьбъ времени, такъ какъ у древнихъ, которые женились обыкновенно въ Генварѣ мѣсяцѣ. Прежде надобно было оказать услуги отцу той дѣвушки, на которой хочешь жениться; иначе ее за мужъ не отдавали. По томъ сію обязанность уменьшили, и услуги превращены были въ подарки. Нынѣ хотя жениющійся Грекъ и даритъ родственниковъ своей невѣсты, однакожь подарки сіи произвольны. Не надобно уже покупать себѣ супругу; напротивъ того всякой Грекъ хочетъ еще взять приданое,

Альфонсъ возвратился съ сего праздника печаленъ. Воображеніе Далинды и страхъ, можетъ быть никогда не наслаждашься пѣмъ щаспіемъ, котораго былъ онъ

даное, смотря по состоянію родителей невѣсты.

На славномъ Ахилловомъ щипѣ описываетъ Гомеръ ходъ новобрачныхъ. На немъ изображены, говоритъ онъ, свадьбы и празднества. Новобрачные выходящъ изъ своего дома, и провождающъ по улицамъ множествомъ людей, идущихъ въ порядкѣ. Поющъ пѣсни въ честь Гименею; молодья люди, впереди и назади идущія, пляшутъ при играніи на трубахъ и свирѣляхъ. --- Нынѣ такіе ходы у Грековъ бывающъ столь же пышны и многолюдны, и музыка такая же; они открываются плясунами, музыкальными инструментами и пѣвцами, поющими *Эпикаламъ*. Невѣста, богато убранная, пошупляющая глаза землю и ведомая женщинами, или двумя ближайшими родственниками, идетъ съ чрезвычайною медленностію, и проч. Прежде бывало на новобрачныхъ красное или желтое покрывало, которое носятъ еще и нынѣ Армянки. Оно скрывало скромной румянецъ, замѣшательство и слезы

онъ свидѣлемъ, наполнили сердце его горестію. Печаль его продолжалась нѣсколько дней; но пріятность и новостъ предметовъ, его окружавшихъ, особливо же

новобрачной. Сіяющій Гименеевъ факелъ не забытъ еще новыми Греками. Его носятъ передъ новобрачными и спавятъ въ брачной комнатѣ, гдѣ онъ и сгараетъ весь. За худое почли бы предвѣщаніе, естли бы онъ какимъ нибудь случаемъ погасъ; его хранятъ такъ же прилѣжно, какъ Веспали хранили священной огонь.

Женихъ и невѣста входятъ въ церковь въ вѣнкахъ, кошорые Священникъ, во время совершенія брачнаго обряда, перемѣняетъ, отдавая вѣнокъ невѣстинѣ жениху, а вѣнокъ жениховъ невѣстѣ. Такіе вѣнки были еще и древними въ сихъ случаяхъ употребляемы. Нынѣшніе Греки удержали еще одинъ существенной свадебной обрядъ, то естъ чашу съ виномъ, кошорую въ древности подавали новобрачному въ знакъ совершенія брака. Она изображала договоръ и союзъ. Новобрачная пила изъ той же чаши; а послѣ подавали ее всѣмъ родственникамъ и гостямъ. Всю ночь пляшутъ и поютъ; но подруги новобрачной

же нѣжность Телисмарова, нечувствитель-
но ее разсѣяли.

Всякой день послѣ прогулки Тели-
смарѣ и Альфонсѣ приходили въ шу ком-
напу,

ной въ помѣ не участвуютъ: онѣ за-
бавляются въ другихъ комнахахъ, отъ
свадебнаго шума отдаленныхъ. Новые
Греки, такъ какъ и древніе, въ день
свадьбы украшаютъ воропы или двери
зеленію и цвѣтами, которые связываютъ
нитками. M. Guys. T. I.

Г. Ги, старшій сынъ того, которой
все сіе описывалъ, сообщаетъ намъ под-
робное извѣстіе объ одной Греческой
свадьбѣ, которой былъ онъ свидѣте-
лемъ:

Молодая невѣста, говоритъ онъ, была
богато убрана; въ прекрасные волосы ея
вплетены были золотыя нитки. Сошедши
внизъ изъ своихъ комнатъ, бросилась
она обнимать своихъ родителей, кото-
рые съ прочими дѣтьми своими дожи-
дались ее. Кто бы могъ безъ слезъ
видѣть нѣжную и почтенную мать, не
могущую выпустить изъ объятий дочери
своей, которая орошала ее слезами, прес-
ливаемыми радостію и нѣжностію! Отецъ
также плакалъ; но, поднявши глаза на
небо,

нашу, гдѣ шили Глафира и Зоя съ подругами своими. Никандрѣ пихонько извѣснялъ имѣ шѣ повѣспи, копорыя разсказывали молодыя Гречанки; но когда
гово-

небо, швердымѣ голосовѣ произнесѣ онѣ благословеніе, желая супругамѣ поспояннаго благополучія. По возвращеніи изѣ церкви раздающѣ молодымѣ людямѣ бучкешы, перевязанные золстою нишкою, говоря имѣ: *и вы женитесь.*

Г. Ги заключаешѣ сіе извѣстіе описаніемѣ того, какѣ Гжа. Валненепѣ (имя невѣспиной мапери) опвела дочѣ свою вѣ великолѣпно убранную комнашу, вѣ копорой ковры и постели были украшены цвѣтами, на бѣлой землѣ вышитыми; все же сіе была работа нѣжной мапери. Десять лѣтѣ, говоритѣ Г. Ги, она одна занималась шипьемѣ, и никто не зналъ сего. М. Guys. Т. I.

Греки вѣ семействахѣ своихѣ представляющѣ самое прогашельное зрѣлище. Вѣ Греціи, говоритѣ Г. Ги, увидишь дѣшей обнимающихѣ колѣни своего опца, сѣ почтеніемѣ цалующихѣ руку его, и изпрашивающихѣ того благословенія, копорое извѣстно намѣ только по исторіи Папшріарховѣ. М. Guys. Т. I.

говорила Зоя, Альфонсъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ. Часпо съ Телисмаромъ и Никандромъ мѣнялся онъ мѣстами, чшобы лучше смотрѣть на работу. Всегда споялъ онъ долѣе у пялецъ Зоиныхъ. Хотя хвалилъ онъ работу и прочихъ дѣвушекъ, однакожь смотрѣлъ всегда только на Зоину работу. Онъ опять началъ рисовать цвѣты, и всякой день приносилъ Зоѣ новой узоръ для шитья. Безпрестанно хвалилъ онъ климатъ, нравы и обычаи Греческіе, и Буюк-Деру почисалъ самымъ пріятнѣйшимъ мѣстомъ.

Въ одно утро хвалилъ Телисмаръ, бывши наединѣ съ Альфонсомъ, поступки его. Вы меня восхищаете, любезной Альфонсъ, сказалъ онъ: я вижу, что вы нынѣ умѣете владѣть собою. — „ По чему? „ — Я это очень чувствую, и не могу скрыть отъ васъ моего удовольствія. Въ послѣднія при недѣли вы вели себя совершенно хорошо. Вы умѣете скрывать и преодолевать эту меланхолію, которая меня огорчала. Между людей вы привѣтливы, примѣчательны и любезны; всего же болѣе преодолеваете вы себя въ томъ, что не говорите о Далиндѣ. Повѣрьте, что я чувствую цѣну такого при-

принужденія. — Сказавши сіе, Телисмаръ обнялъ Альфонса, которой принялъ пакую ласку весьма холодно, былъ унылъ и ничего не отвѣчалъ. Продолжалось молчаніе. Альфонсъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. По томъ вдругъ обратился къ Телисмару и сказалъ: нѣтъ, я не могу васъ обманывать; я не былъ бы до스포инъ вашей благосклонности, естли бы оставилъ васъ въ заблужденіи. . . Онъ оспановился и покраснѣлся. Что вы хотите сказать? спросилъ Телисмаръ. Ахъ! воскликнулъ Альфонсъ: можете быть я сдѣлаю себя несчастнымъ. . . „Несчастливымъ? за похвальную искренность? Альфонсъ! можете ли вы эпова бояться? „ -- И такъ знайте, что сердце мое всегда одинаково; одна Далинда плѣнила его, и безъ надежды быть нѣкогда сыномъ вашимъ, жизнь была бы мнѣ несносна: однакожь — естли я пересталъ говорить о ней; естли спалъ веселѣе: то не приписывайте эпова разуму моему; напрошивъ . .

Обойми меня, перервалъ Телисмаръ, обойми меня, любезной Альфонсъ! Эпотъ знакъ швоей довѣренности и искренности оправдываетъ великую мою къ тебѣ любовь. Опецъ мой! воскликнулъ Альфонсъ:

снисходительнѣйшій другъ! — „Видите, любезной Альфонсѣ, какъ любовь не шверда, естли она не основана на нѣжной и поспоянной дружбѣ. Больше черные глаза, искренной видѣ, нѣжная улыбка, цяпъ или шесть сказокъ, которыхъ вы еще и не разумѣли, вѣ при недѣли изшребили изъ памяти вашей шу, которую, по словамъ вашимъ, вы споль горячо любили. „ — Правда, что молодая Зоя меня веселила и занимала; правда, что она могла меня разсѣять; правда, что Далинда рѣже приходила мнѣ на мысль: однакожь Далинда, Далинда никогда не выходила изъ моего сердца. — „Нѣштѣ, Альфонсѣ, не обманывайтесь: вы совсѣмъ не имѣете къ Далиндѣ истинной любви, зная шолько ее по наружности. „ — Но эта прекрасная наружность изображаетъ ея чистое, чувствительное сердце. Сверхъ того я знаю Далинду еще по письмамъ ея, по дарованіямъ, по любви ея къ вамъ; однимъ словомъ, Далинда дочь Телисмарова: развѣ эпова не довольно къ шому, чшобы спраспно любить ее? — „Не довольно эпова для основательной и поспоянной любви; довѣренность и дружба для сего необходимы. Но обратимся къ Зоѣ: не уже ли не чувствуете, что вы ее

весь-

весьма полюбили? „ — Я не изслѣдовалъ чувствъ своихъ. — „ Вотъ слѣдствіе недоспаточного размышленія о сердечныхъ движеніяхъ! Я нѣсколько разъ примѣчалъ, что Никандръ и Глафира не довольны были излишнимъ вашимъ вниманіемъ къ Зоѣ. Къ тому же такая услужливость и примѣтное предпочтеніе могутъ повредить чести дѣвушки. Вы бы могли причинить безпокойство и великое огорченіе такимъ людямъ, которыхъ насъ столько обласкали. „ — Вы меня вѣ ужасъ приводите, перервалъ Альфонсъ: впередъ буду я размышлять; всякой день буду строго разсмащивать мои дѣла, и чувства; а всего лучше будетъ то, что стану во всемъ пребывать у васъ совѣта, стану сообщать вамъ всѣ мысли мои, и сердце мое никогда и ничего отъ васъ не скроетъ.

Между тѣмъ, сказалъ Телисмаръ, мнѣ надобно исполнить мое обѣщаніе, котораго я никакъ не забылъ. Послѣ сего отперъ Телисмаръ маленькой ящичекъ, вынулъ Далиндинъ поясъ, и отдавая его Альфонсу, сказалъ: онъ теперь вашъ; вы заслужили его, показавши мнѣ опытъ искренности. Ахъ, Телисмаръ! ошвѣчалъ Альфонсъ съ чувствительностію: какой

нашли вы къ тому случай! могу ли я въ этомъ домѣ взять такой драгоценной залогъ? — Можете, сказалъ Телисмаръ, естли онъ для васъ такъ же дорогъ, какъ и прежде; естли чувства ваши не перемѣнились. — И такъ онъ у меня останешся! воскликнулъ Альфонсъ, бросившись къ ногамъ Телисмаровымъ. Стоя на колѣняхъ, взялъ онъ Далиндины поясъ и съ восхищеніемъ цаловалъ руку, его подавшую. Альфонсъ! сказалъ Телисмаръ: эштошъ подарокъ, полученной изъ рукъ опцовскихъ, не естъ бездѣлка. Теперь вступаемъ мы другъ съ другомъ въ священной союзъ; я васъ усыновляю, обѣщаю вамъ любезную и добродѣтельную подругу; будъше ее достойны не романической спрасшю, а истинными добродѣтелями. Просвѣщайше разумъ свой, исправляйше свой характеръ; такимъ образомъ докажете Далиндѣ, что вы любите умѣете, а мнѣ заплашите за мою къ вамъ любовь.

Никандръ вошелъ къ нимъ въ комнату и перервалъ разговоръ. Альфонсъ былъ такъ пронутъ, что не могъ снести присутствія посторонняго чловѣка; онъ вышелъ изъ горницы, и удалившись отъ людей, предался восторгамъ своей радости.

Съ того времени пересталъ онъ рисовать цѣпшы для молодой Зои и часто подходилъ къ пальцамъ ея; онъ всячески спарался, не нарушая учтивости, ходилъ рѣже въ эту комнату, гдѣ дѣвушки шили.

Между шѣмъ семейству Никандрову приключилось чувствительное огорченіе. Одинъ изъ Никандровыхъ друзей, возвратившись изъ острова Кальки, занемогъ и чрезъ четыре дни умеръ. Никандръ описывалъ Телисмару весьма хорошими красками друга своего, кошораго онъ лишился. Онъ рассказалъ ему, что сей человекъ отказался отъ всѣхъ почестей, копорыя могъ онъ получить по своему роду и знакомству, единственно для того, чтобы всю жизнь свою посвящать наукамъ и дружбѣ. Сей философъ, говорилъ онъ, жилъ въ маленькомъ пріятномъ домикѣ (*) близъ моего дома, и раздавалъ большую

Д 3

шую

(*) Дома у Грековъ раздѣляются на двѣ половины большою залою, кошрая занимаетъ всю ширину дома. Въ сей залѣ дають праздники и отправляются всѣ церемоніи, пребующія большаго пространства. Она подобна Турецкому дивану, Италіанской галлерей и Французской Salle

шую часть своего имѣнія бѣднымъ; оставшееся употреблялъ онъ на украшеніе своего жилища. Склонности его были добродѣтельны; вкусъ у него былъ самой простой. Онъ самъ работалъ въ саду, садилъ цвѣты, кормилъ пшницъ, для которыхъ сдѣлалъ онъ пшчникъ; въ семъ состояли невинныя его забавы. Друзья почитали его, невольники любили. Онъ жилъ вмѣстѣ съ сестрою, которая доспойна была его дружбы; она
нико-

Salle des compagnies. На одной сторонѣ живутъ мужчины; тамъ ихъ спальни и споловые комнаты. На другой сторонѣ живутъ женщины; ихъ комнаты составляютъ такъ называемой Гинеце умъ. Внизу бываютъ кухни, сараи, конюшни и проч. Каминовъ со сѣмъ нѣтъ; вмѣсто ихъ нагрѣваютъ комнаты жаровнями. Сіе ведется еще изъ древнихъ временъ во всѣхъ восточныхъ земляхъ. Римляне употребляли жаровни, а Турки еще и нынѣ употребляютъ ихъ. Чтобы горящіе угли не жгли лица, то выдумали ширмы: четверугольной столъ, подъ которой ставится жаровня. Сей столъ покрывается ковромъ, которой виситъ до земли, а сверху еще шелк-

ко-

никогда съ нимъ не разлучалась, и во всю жизнь не перестанетъ его оплакивать. Завтра, продолжалъ Никандръ, отдадимъ мы послѣдній долгъ покойному другу нашему. Несчастная сестра его пойдетъ за гробомъ и совершитъ печальной обрядъ. — Да какъ соберется она съ силами? спросилъ Телимаръ. — Вы желаете знать наши нравы: такъ будьте же завтра при печальной церемоніи. Вы увидите, какую силу даетъ отчаяніе. Мы не умѣ-

Д 4

емъ

ковымъ; вокругъ стола сядутъ на софѣ или на подушкахъ. Подъ ковромъ можно грѣть и руки и ноги; тепло тамъ долго держится. М. Guys. Т. I.

Прежде и у Гишпанцовъ были жаровни въ употребленіи. Во время бракосочетанія Карла II съ Орлеанскою Принцессою, Марією Луизою, поѣхала Маркиза Вильяръ въ Гишпанію съ мужемъ своимъ, которой былъ шуда отправленъ Посланникомъ. Въ одномъ своемъ письмѣ ошуда пишетъ она, что во всѣхъ гостинныхъ комнатахъ ставятъ на серединѣ серебряную жаровню, въ которую вмѣсто угольевъ кладутъ зернышки и зажигаютъ ихъ; на сей огонь пріятно смотрѣть: онъ производитъ легкой пріятной паръ, и проч.

емѣ скривать печали: она обнаруживается во всей своей силѣ. Народѣ, наблюдающій законѣ благоприсойности, заключаетѣ горестѣ вѣ сердцѣ; тамѣ скорбѣ бываетѣ нѣма, а у насѣ краснорѣчива и прогашельна.

Сіе возбудило любопытство вѣ Телисмарѣ и Альфонсѣ. Они пошли сѣ Никандромѣ на погребеніе друга его. Сперва пришли они вѣ домѣ кѣ Ефросиніи, сестрѣ умершаго. Вся зала обита была чернымѣ, гдѣ лежалѣ мершвой вѣ гробу сѣ открытымѣ лицемѣ; плашье было на немѣ великолѣпное. Вокругѣ гроба спояли на колѣняхѣ невольники, показывая свою горестѣ слезами и рыданіемѣ. Телисмарѣ примѣшилѣ вѣ сей полпѣ одного старика, которой, казалось, былѣ еще болѣе другихѣ огорченѣ. Никандрѣ подходилѣ кѣ нему и сѣ нимѣ говорилѣ. Телисмарѣ спросилѣ у него, кто былѣ сей старикѣ. Онѣ называется Зафири, отвѣчалѣ Никандрѣ. Онѣ видѣлѣ рожденіе того, кого мы оплакиваемѣ. Онѣ почти уже ходить не можеть, и по тому не лья ему быть при печальной церемоніи; это умножаетѣ его горестѣ. Онѣ мнѣ сказалѣ, что на землѣ оспалось для него только одно удовольствіе, то есть, кормить пшицѣ

и сажашь цвѣшны, которые забавляли любезнаго его Господина.

Вдругъ рыданіе и вопль горести попрясли сердца ихъ. Ахъ! это несчастная Ефросинія, сказалъ Никандръ. Въ сію минушу явилась женщина съ распрепанными волосами, въ длинномъ черномъ плашьѣ, блѣдная и слезами заливающаяся; она шла тихими шагами, будучи поддерживаема невольниками. Глубокая печаль придавала величество природной красотѣ ея. Рыданіе и вопль ея столь живо изображали ея отчаяніе, что не лзя было ее видѣшь безъ ужаса и сердечнаго состраданія.

Между шѣмъ пришелъ Папріархъ со свисою свою. Подняли шѣло, заплѣли похоронныя пѣсни и пошли изъ дому. Вышедши изъ деревни и прошедши около четверти мили полемъ, пришли на кладбище, наполненное гробницами и монументами, и покрышое кипарисами. Ефросинія, увидѣвши издали могилу, вырытую для шѣла брата ея, вся запряслась, зарыдала и закрыла лице свое покрываломъ. Подошли къ могилѣ и остановились. Папріархъ произнесъ обыкновенныя молитвы, поцаловалъ мертваго

и удалился. Тогда Ефросинія сбросила съ себя покрывало и упала на колѣни подлѣ гроба брата своего. Любезной братъ! воскликнула она: пріими послѣднее прощаніе отъ несчастной сестры твоей! — Нѣжной, любезной другъ! уже въ послѣдній разъ смотрю на тебя! — Дражайшій братъ! — какъ! это братъ мой? — Да, онъ: я узнаю черпы лица его. — Какой ужасной видъ! — Орошаю его слезами моими, называю его любезнѣйшимъ именемъ, умираю отъ отчаянія; но на лицѣ его вижу изображеніе печальнаго спокойствія, которое не перемѣняется. — Ахъ! эта ужасная пишина есть пишина смерти! — Любезной братъ! теперь ты одна только тѣнь; несчастная Ефросинія обнимаетъ одинъ твой образъ! — И такъ я навсегда тебя теряю? Уже не увижу тебя? Ты навсегда сокрылся отъ глазъ моихъ? — Нѣтъ! я не могу снести такой спрашной разлуки; не позволю свирѣпой рукѣ испоргнуть тебя изъ объятій моихъ и повергнуть въ могилу! — Постойте, варвары, постойте! переспаньте вырывать могилу! -- Сжалитесь надъ моею горестію, или спрашитесь моего отчаянія! —

Тотчасъ подошелъ Патріархъ, чтобы поднять тѣло и опустить въ могилу. Вопль Ефросиніи навелъ на всѣхъ страхъ; невольники, не смотря на ея сопровивленіе, оптащили ее на нѣсколько шаговъ отъ могилы. Будучи выѣ себя, рвала она на себѣ пламяе, щипала длинные волосы свои и бросала ихъ въ могилу. По томъ вдругъ перестала плакать. Глаза ея успремлены были на гробъ, копорой опускали въ могилу. Но увидѣвши мраморную дску, копорую надобно было покрыть могилу, она запрепсала и воскликнула: и такъ все свершилось! — Тутъ Ефросинія поблѣднѣла, глаза ея закрылись, и безъ чувствъ упала она на руки къ невольникамъ. Ее опнесли далѣе отъ могилы; и когда она пришла въ себя, тогда родспвенники и друзья, по обыкновенію, повели ее домой. Въ домъ надобно было ийти черезъ садъ брата ея. Вошедши въ садъ, увидѣли стараго невольника Зафири, держащаго въ одной рукѣ ножницы, а въ другой лейку. Сіе поразило Ефросинію; она запрепсала, бросилась къ невольнику и воскликнула: о Зафири! что ты дѣлалъ? — „Поливаю цвѣшы, которые любилъ Господинъ мой“, — — Несчастной! перервала Ефроси-

росинія, схвативши ножницы: нѣтъ уже моего брата! сіи мѣста должны быть для насъ мѣстами плачевными. Пустьъ всѣ красоты ихъ исчезнутъ или уничтожатся! Выпусти всѣхъ птицъ; пѣніе и радость ихъ раздираютъ мое сердце; пусть сіи цвѣты, насажденные братомъ моимъ, вмѣстѣ съ нимъ уничтожатся! — Послѣ сихъ словъ Ефросинія спала срѣзывавъ и шопшавъ цвѣты, бѣгая по грядамъ (*).

Такая

-
- (*) Гречанка оплакиваетъ смерть своего супруга, сына и другихъ родственниковъ, нѣсколько дней съ друзьями своими; онѣ воспѣваютъ ему хвалу и свою печаль. Въ знакъ горести и нынѣ еще, такъ какъ и прежде бывало, рвутъ на себѣ волосы и плащъ. Отцы и матери идутъ за гробомъ дѣшей своихъ, когда его несутъ на кладбище. Греки наблюдаютъ древнее обыкновеніе обмывать тѣла мертвыхъ. Если умретъ молодая дѣвица, то надѣваютъ на нее лучшее плащъ, а голову вѣнчаютъ цвѣтами; женщины бросаютъ изъ оконъ розы и льютъ благовонную воду на гробъ ея, когда его несутъ мимо. Древніе увѣнчивали мертвыхъ цвѣтами, въ знакъ того, что наконецъ перенесли они бѣдность и горести

Такая прогашельная сцена сдѣлала великое впечатлѣніе въ сердцѣ Альфонсовомъ.

сли сей жизни. Похоронное празднество не забыто новыми Греками; ближній родственникъ приготавливаетъ оное, и симъ кончится вся церемонія. Опцы и матери носятъ по дѣтяхъ своихъ прауръ (подобно какъ въ Италіи) весьма долго. Сіе обыкновеніе есть древнее въ Греціи. Нынѣшніе Греки сохранили обыкновеніе надѣвать на мертвыхъ лучшее платье, и носить ихъ на кладбище съ открытымъ лицомъ (что бываешь и въ Италіи).

Въ семъ же сочиненіи Господина Ги помѣщено письмо отъ Госпожи Шенье къ Автору (Томъ первой, стр. 283), изъ котораго взята въ нашей Повѣсти исторія несчастной сестры. Здѣсь помѣщаются изъ сего письма тѣ мѣста, которыми воспользовался Авторъ нашей Сказки; прочее не имѣетъ никакой связи съ Повѣстію.

„Одна Гречанка знашнаго рода, отличная по своему добродушію, хорошо воспитанная и собою прекрасная, жила съ меньшимъ своимъ братомъ, отказавшимся по чрезвычайной добродѣтели своей отъ по-

вомъ. Возвратившись домой, сказалъ онъ Телисмару: изъясните мнѣ, какъ могутъ
 шакія

почестей и чиновъ, копорые могъ онъ получить по своему сослоянiю и знакомству. Онъ былъ нѣжнымъ братомъ и добродѣтельнымъ другомъ сестры своей. Сей братъ занемогъ злою лихорадкою и умеръ. Сестра, по обыкновенiю сей земли, шла за гробомъ его, окруженная знашными Греками. Все показывало печаль сей чувствительной души. Безпорядокъ въ одеждѣ и въ головномъ уборѣ между прочимъ весьма живо изображалъ ея внутреннее терзанiе. Послѣ обыкновеннаго моленiя отправлялся древнiй обрядъ, называемой *послѣднее прощанiе*. Когда Паптрiархъ поцаловалъ мершваго, родственники и всѣ бывшiе шуть также его цаловали. Вообразивши, что сiе прощанiе есть послѣднее, чувствуешь въ сердцѣ содроганiе. Но сiя сцена еще шрогательнѣе стала, когда несчастная сестра, отъ слезъ о слабѣвшая и слѣдовавшая единственно побужденiямъ своей горести, начала рвать на себѣ волосы и плашье, и бросашъ все сiе во гробъ брата, копорой гошовились уже зарывать. Насильно оптащили ее отъ могилы и опвели въ домъ;

шакія различныя мысли произойти отъ одинакихъ чувствъ? для чего старикъ ра-
до-

домъ; тогда волненіе чувствъ ея нѣ-
сколько утихло. ,

Послѣ сего Гж. Шенье перерываетъ свое повѣствованіе, описывая садъ покойнаго. „Изъ сего сада видно было море; въ немъ былъ птичникъ, росли цвѣтныя и плодовые деревья. Между прочимъ былъ тамъ водоемъ, наполняемой морскою водою, въ которомъ плавали всякаго рода рыбы. Сей садъ, говорилъ Гж. Шенье, сіи птицы и рыбы, составляли единственное увеселеніе мудраго Грека. Печальная сестра, осматривая садъ, восклицала: „Гдѣ мой братъ? — Его уже нѣтъ! — Онъ исчезъ подобно пѣни! — Вы, цвѣтны, которые поливалъ онъ съ такимъ удовольствіемъ! вы уже не такъ свѣжи, какъ при немъ были! — Увяньте по смерти его, увяньте до самаго корня! — Вы, рыбы! лишились господина и благодѣтеля своего, васъ питавшаго! возвратитесь же въ большія воды; ищите тамъ сами себѣ пищу! — А вы, птицы! если вы не умрете отъ печали, то живите единственно для того, чтобы къ моимъ вздохамъ присоединять печальное свое пѣніе! — Спокойное

ное

довался, поливая цвѣшпы покойнаго Господина своего, а Ефросинія находила нѣ-
копо-

ное море! ты шеперь волнуешься: не уже ли и тебя прогаешъ мое спраданіе?., [Море бываетъ вѣ каналѣ почти всегда поушпру и ввечеру шихо. Оно начинается волноваться около десяти часовѣ, что продолжается до захожденія солнца. Сіе обьясняетъ слова печальной Гречанки. *Примѣч.* Г. Ги.] Судите, государь мой, какое дѣйствіе произвели вѣ зрителяхъ сіи рѣчи, произнесенныя съ такимъ спокойствіемъ, которое однѣ только великія души могутъ имѣть вѣ горести. Сія Гречанка, обратившись къ своимъ невольникамъ, сказала: „Плачьте, дѣшпы мои! у васъ нѣшъ уже опца; нѣшъ уже брата моего! жестокая смерть у насъ его похитила — онъ изчезъ подобно шѣни — мы уже не увидимъ его. Сія мѣста, украшавшіяся его присушствіемъ, будутъ для насъ мѣстами горестными.„ — Не лъзя, государь, не лъзя ничего вообразить разительнѣе, сильнѣе и простѣе. Я думаю, что вы съ удовольствіемъ будете читать сей опытѣ Греческаго краснорѣчія, и проч.„

Кладбище бываетъ у Грековъ, такъ какъ у Турковъ и другихъ восточныхъ на-

которое утѣшеніе въ томъ, что ихъ попшала и срѣзывала? Чьему поступку отдаете вы преимущество? спросилъ Телисмаръ. — „Поступокъ спарика для меня естественнѣе, а поступокъ Ефросиніи произвелъ во мнѣ сильнѣйшее дѣйствіе.“ — Обыкновенная чувствительность производитъ обыкновенныя дѣйствія; сильная чувствительность производитъ

Часть. XII. No. 45.

Е

и

народовъ, близъ городскихъ или деревенскихъ дорогъ, и ни чѣмъ не огорожены, но оныя почитаются мѣстами священными. На кладбищахъ у Грековъ и Армянъ насажены вязовыя деревья. Древніе сажали сіе дерево вокругъ гробницъ для того, что оно, не принося никакого плода, прилично для такого печальнаго мѣста, равно какъ и кипарисы. Кромѣ камней, которыми покрываютъ могилы, найдешь тамъ надгробныя небольшіе столпы, на которыхъ, такъ какъ и въ древности бывало, изображены одни только имена погребенныхъ. Сіе обыкновеніе переняли Турки. Греки по временамъ приходятъ на кладбища плакать. На Святой недѣлѣ, которую Греки весьма весело и пышно празднуютъ, ещѣ такой день, въ

и мысли и дѣйствія чрезвычайныя. Но прим. естли бы эта чувствительная женщина, которую мы видѣли, имѣла разумъ просвѣщенной, вкусъ и разумъ, и естли бы она писала: по ея сочиненія не были бы слабымъ подражаніемъ, но мы нашли бы въ нихъ новыя и сильныя мысли, живое чувство и истину. Естли же сочинитель не чувствуетъ того, что пи-

въ которой ходятъ они толпами на гробницы. Тамъ оплакивающъ родственниковъ, друзей, а можетъ быть еще и потерю древней своей вольности. — Нынѣшнія Гречанки рвутъ у себя на могилахъ волосы, а древнія на могилѣ родителей и друзей своихъ обрѣзывали длинныя свои локоны. M. Guys. T. I.

Никакой народъ на цѣломъ земномъ шарѣ не опправляетъ погребенія съ такою пышностію, какъ Китайцы. „Помышленіе о смерти, говоритъ Г. Соннератъ, такъ же возмущаетъ сердца ихъ; однакожь, по ихъ мнѣнію, жестокость ея уменьшается, когда они могутъ купить себѣ гробъ и вырыть могилу на свѣсѣ пригорка въ какомъ нибудь

ишешъ, по еспъ, еспли пишешъ онъ не свое: по на чипашеля наводишъ скуку, не сказывая ему ничего новаго.

Телисмаръ и Альфонсъ прожили еще нѣсколько дней въ Буюк-Дерѣ. Наконецъ проспились они съ Никандромъ и съ его добродушнымъ семействомъ, оставили Грецію и черезъ Наполию въѣхали въ Азію. Нѣсколько времени пробыли они

Е 2

въ

нибудъ пріятномъ мѣстѣ. Они издерживаютъ чрезвычайныя суммы на похоронные праздники, кошрые даютъ иногда черезъ шесть лѣтъ послѣ смерти родственниковъ съ величайшею пышностію. Они нанимаютъ людей, на кошрыхъ надѣваютъ бѣлое платье; сіи люди составляютъ печальную свипу и должны плакать въ церемоніи. Нѣсколько дней сряду возятъ умершаго по рѣкѣ при играніи на многихъ инструментахъ. Лодка, на кошорой его возятъ, и другія, освѣщены такъ, что разноцвѣтные огни до самаго конца мачтъ представляютъ различныя фигуры.,, *Voyages aux Indes orientales et á la Chine, fait par ordre du Roi, par Mr. Sonnerat. Tome II.*

въ Багдадѣ (*) и въ Бассорѣ (**); прибывши на островѣ Барейнѣ, въ Персидскомѣ заливѣ, видѣли они славную жемчужную ловлю (***). Оттуда отправились

- (*) Большой городѣ, лежащій на восточномѣ берегу Тигриса; Турки овладѣли имѣ въ 1638 году.
- (**) Хорошій городѣ, лежащій ниже того мѣста, гдѣ Тигрисѣ и Эфратѣ соединяются. Турки овладѣли имѣ въ 1668 году; отъ Багдада до него 100 Французскихъ миль.
- (***) Раковины, которыя производятъ жемчугъ, суть усприцы съ перламуповымѣ черепомѣ, которыя ловятся въ восточныхъ моряхъ и на островѣ Табаго. На востокѣ суть четыре жемчужныя ловли: первая на островѣ Барейнѣ, въ Персидскомѣ заливѣ; вторая на берегу щаспливой Аравіи, близъ города Кашифы; третья близъ острова Цейлона; четвертая на берегу Японіи. На западѣ такъ же четыре жемчужныя ловли, и всѣ въ Мексиканскомѣ заливѣ, вдоль по берегу новой Гишпаніи. И на Средиземномѣ морѣ ловятъ жемчугъ, равно какъ и на берегахъ Океана въ Шотландіи и во многихъ другихъ мѣстахъ. Жемчужная
ЛОВЛЯ

лись черезъ море въ Королевство Визапуръ. Во время сего мореплаванія прохаживались въ одинъ вечеръ Телисмаръ и

Е 3

Аль-

ловля близъ острова Цейлона есть наилучшая, и доставляетъ великія выгоды Голландской Индійской Компаніи. Сія Компанія не на свой щепъ ловитъ жемчугъ, но позволяетъ тамошнимъ жителямъ имѣть для сей ловли сколько судовъ, сколько имъ угодно, бравши съ каждаго судна по крайней мѣрѣ по шестидесяти шалеровъ. Голландскіе Коммисары для управленія ловлею пріѣзжаютъ изъ Коломбо. Въ тотъ день, въ которой ловля начинается, сходится чрезвычайное множество народа и приходятъ суда. Ловля начинается поушру и объявляется пушечнымъ выстрѣломъ. Въ сію секунду выходятъ всѣ суда въ море; передъ ними плывутъ двѣ большія Голландскія шлюпки, одна на правой, а другая на лѣвой сторонѣ, чтобы ни одно судно не выходило за надлежащія предѣлы. Тотчасъ съ каждаго судна бросаются водолазы во глубину на три, на четыре, или на пять сажень. На суднѣ бываетъ нѣсколько водолазовъ, которые ходятъ въ водѣ попеременно. Когда выходитъ одинъ, другой опускается
въ

Альфонсѣ на палубѣ, и разговаривали о чудесахъ Природы. Наконецъ, сказалъ Альфонсѣ, кажешся мнѣ, что я все знаю.

Есть-

въ воду. Они привязаны къ веревкѣ, прикрѣпленной концемъ къ мачтѣ такъ, что мапозы посредствомъ ворота могутъ ее опускать и птянуть назадъ, какъ надобно будетъ. Водолазъ привязываетъ къ ногамъ камень фуншовъ въ пятьдесятъ, чтобы скорѣе погрузиться на дно; онъ обвязывается мѣшкомъ, въ которой кладетъ усприцы. Погрузившись на дно, поспѣшно хватаетъ онъ усприцы и кладетъ въ мѣшокъ. Когда онъ захочетъ, чтобы его изъ воды вытащили, то держитъ за тонкую веревку, не за ту, которая у него вокругъ тѣла обвязана. Рѣдко бываешь, чтобы водолазъ могъ удерживать дыханіе болѣе четверти часа. Въ уши и въ ноздри кладетъ онъ хлопчатую бумагу. А какъ усприцы приростаютъ иногда къ камнямъ, то водолазы ощдираютъ ихъ желѣзнымъ инструментомъ. Они говорятъ, что въ глубинѣ на 60 сажень могутъ они хорошо видѣть. Ловля продолжается до полудня, въ которое время суда возвращаются къ берегу. Тогда хозяинъ судна переноситъ свои усприцы въ ямы, на-

под-

Естьли вы такъ знаючи, ошвѣчалъ Телисмаръ, шо изъясните мнѣ эшо явленіе, кошорое представляется глазамъ нашимъ

Е 4

вѣ

полненныя пескомъ. Тупъ онѣ сохнутъ, и чрезъ три или четьре дни сами собою открывающся; тогда вынимаютъ изъ нихъ жемчугъ, а устрицы отъ того не повреждающся. Вымывши жемчугъ, просѣиваютъ его. Для сего сдѣланы пять или шесть маленькихъ рѣшетъ, кошорыя одно вѣ другое вкладывающся пакъ, что между ими остається промежушокъ. Дирочки другаго рѣшета менѣ дирочекъ перваго; дирочки прешьяго еще менѣ, и пакъ далѣе. Жемчугъ, кошорой не проходитъ сквозь первое рѣшето, есть перваго класса; кошорой остається вѣ другомъ, есть втораго класса, и пакъ до послѣдняго, вѣ кошоромъ не бываетъ уже дирочекъ и вѣ кошоромъ остаются сѣмена жемчуга. Голландцы предоставляютъ себѣ право покупать самой крупной, по крайней мѣрѣ за шу цѣну, кошорой болѣе не даятъ. Есть черепокожныя живощныя, ошличныя ошъ устрицъ, вѣ кошорыхъ пакъ же бываетъ жемчугъ: на прим. Сѣверныя и Лопарингскія раковины, называемыя *ласточка*, *молотокъ*, *перловка* и обыкно-

въ самую сію минушу; посмотрите въ эшу сторону моря. Альфонсъ подошелъ къ Телисмару и смошрѣлъ на море. Онъ уви-

венныя устрицы. Сказываютъ, что Король Шведской далъ Линнею дворянство за то, что онъ нашелъ средство дѣлать полще жемчугъ Сѣверныхъ устрицъ, и давать ему хорошей цвѣтъ. Жемчугъ имѣетъ отъ природы цвѣтъ бѣлой, однакожъ бываетъ онъ и цвѣта желтоваатаго, зеленоватаго, черноватаго, свѣтлоголубаго и розоваго. Жемчугъ, имѣющій неправильную фигуру, называется *Барокками*; таковъ Шопландской жемчугъ. Парагвайской жемчугъ чрезвычайно крупенъ. Въ 1519 году поднесли Гишпанскому Королю, Филиппу II, жемчужину, копорая имѣла фигуру груши, а величиною была съ голубиное яйцо.

Голландцы сушатъ плены, связывающія жемчужныя раковины, и обрѣзываютъ ихъ на подобіе перьевъ, копорыя продаютъ они подъ именемъ павлиныхъ перьевъ; онъ бываютъ прекраснаго голубозеленаго цвѣта.

Фальшивой жемчугъ дѣлаютъ изъ чешуи одной рыбы, называемой *Аллеттъ*. *Mr. de Bomare.*

увидѣлъ корабль, плывущій въ огненномъ кругѣ, которой еще болѣе свѣщился опѣ глубокой ночной темноты. Вся поверхность моря покрыта была маленькими блестящими звѣздочками. Всякая волна, ударившись о корабль, сіяла; а пущь корабля означался блистательными лазуревыми почками (*). Признаюсь, сказалъ Альфонсъ, что это великолѣпное зрѣ-

Е 5

лице

(*) Морское сіяніе есть весьма обыкновенное явленіе на нѣкоторыхъ моряхъ. Передняя часть плывущаго корабля причиняетъ въ водѣ кипѣніе, опѣ чего въ ночной темнотѣ кажется, что корабль воспламеняетъ воду. Корабль плыветъ въ огненномъ кругѣ, и пущь его означается блистательною полосою. Близъ Малдавійскихъ острововъ и Малабарскаго берега море свѣщится болѣе, нежели въ иныхъ мѣстахъ Океана. Г. Годегіо, плывши по сему морю, видѣлъ такое явленіе: море было покрыто маленькими звѣздочками; каждая разбивающаяся волна весьма сіяла; пущь корабля означался свѣщающею бѣлизною, усѣянною блистательными лазуревыми почками. Онъ узналъ, что море, гдѣ оно наиболѣе свѣщилось, было покрыто маленькими

лице совершенно для меня ново. Пойдемъ спать, перервалъ Телисмаръ: и ешь-ли вы ночью проснешесь, по я увѣренъ, что вамъ будетъ случай размыслить о вашемъ высокоуміи, которое увѣряетъ васъ, что знанія ваши очень обширны, хотя все доказываетъ вамъ противное тому. Альфонсъ ничего не отвѣчалъ; однакожь онъ обнялъ Телисмара, и оба пошли спать. Черезъ полчаса Альфонсъ пробужденъ былъ шумомъ въ каютѣ его. Онъ погасилъ свѣчу: какъ же ужаснулся, увидѣвши огонь на перегородкѣ, прямо прошивъ его постели! Онъ вскочилъ съ постели, и удивленіе его еще умножилось, когда на стѣнѣ увидѣлъ надпись, изъ большихъ огненныхъ буквъ состоящую: *Ученой Альфонсѣ! твой ужасъ неоснова-*
те-

кими живописными, свѣпящимися и испускающими изъ пѣла своего масляную жидкость, которая плаваешь по водѣ и производитъ сей лазуревой блескъ. Сихъ живописныхъ можно видѣть только посредствомъ хорошаго микроскопа, а сокъ ихъ остается на полотнѣ, ешьли процѣдишь сквозь оное морскую воду, которая лишается тогда всего сіянія. Mr. de Bomare.

теленъ; потому что сей огонь не горитъ (*). Альфонсъ, будучи приспыженъ и удивленъ, приложилъ руку къ симъ сіяющимъ буквамъ, и не чувствуя никакого жара, воскликнулъ: Ахъ, Телисмаръ! болѣе всего удивляетъ меня то, что ты уроками своими, сколько ни оскорбляють они самолюбіе, умѣешь заставлятъ людей лю-

(*) Фосфорическими называютъ нѣкоторыя шѣла; которыя въ темношѣ свѣтятся. Бываютъ натуральные и произведенные искусствомъ фосфоры. Первые суть свѣтятся червячки, усрицы, фолалы, гнилушки, гнилая рыба, кошечьи глаза, свѣтющееся море, и проч. Иногда мясо, кровь, волосы и множество иныхъ матерій, происходящихъ отъ растений и животныхъ, могутъ ночью свѣтиться. Симъ образомъ искусство производитъ фосфоры; надобно только разгорячить, или сильно потереть діамантъ, жесткое и смолистое дерево, пережечь Болонійской камень, полишь виннымъ спиртомъ мѣлъ, сварить квасцы съ медомъ, и проч. Фосфоры, произведенные симъ способомъ, называются *пирофорами*, и суть шѣмъ удивительнѣе, что могутъ зажигать шрутъ, бумагу и проч. ими можно писать и огненные буквы. Mr. de Vesnage.

любить себя! — Лишь только онъ сказалъ се, Телисмаръ вошелъ со свѣчею, и посмотривши на Альфонса съ улыбкою, изъяснилъ ему, чѣмъ были написаны сіи огненные буквы; по томъ ушелъ отъ него, а Альфонсъ легъ опять спать. —

И намъ пора спать, перервала Гж. Правосудова: въ нынѣшній вечеръ чтеніе продолжалось долѣе обыкновеннаго.

Въ слѣдующій вечеръ Гж. Добролюбова спала опять читать Альфонсову Испорію.

Путешественники, прибывши въ Визапуръ, осматривали алмазные мины (*);
по

(*) До нынѣшняго вѣка не было нигдѣ алмазныхъ минъ, кромѣ Восточной Индіи; но послѣ открыли нѣкоторыя въ Бразиліи, гдѣ нашли и топазы, рубины и другіе дорогіе камни. Лучшія алмазные мины находятся въ Королевствахъ Голкондѣ, Визапурѣ и Бенгалѣ, на берегахъ Гангеса, на островѣ Борнео. Діамантъ есть драгоцѣннѣйшій, чистѣйшій, тяжелѣйшій и прозрачнѣйшій камень. Обыкновенно не имѣетъ онъ никакого цвѣта, однакожь находятъ и равноцвѣтные, хошя никогда не находили
діа-

по томѣ отправилсь ко Двору великаго Могола. Приѣхавши туда, Телисмарѣ изпросилъ у Императора аудіэнцію, и
вмѣ-

діаманта такого хорошаго краснаго цвѣта, какъ рубинѣ, зеленаго какъ изумрудѣ, голубаго какъ сафирѣ. Діамантѣ такой жесткой камень, что полировать его можно только шою пылью, которая выходитъ изъ коры другихъ черновашыхъ брилліаншовѣ. Чшобы снять съ діаманта кору, надобно его переть обѣ другой; когда ихъ треть, летитъ отъ нихъ пыль, кошерую собираютъ въ коробочки и употребляютъ на полировку ихъ. Діамантѣ не лзя разпилить желѣзною пилюю. Въ темнотѣ онѣ свѣтитъ, естли нѣскольکو времени поддержишь его на солнцѣ, или разгорячишь инымъ способомъ. Онѣ имѣетъ свойство, подобно многимъ прозрачнымъ камнямъ, привлекаетъ солому, перья, и проч. естли его погреть; но онѣ не можетъ безъ поврежденія выдерживать огня. Опыты, дѣланные во Флоренціи, доказываютъ, что онѣ перемѣняется отъ лучей солнечныхъ, даже и совсѣмъ испребляется; напрошивъ того рубинѣ выдерживаетъ всякой огонь, и только что размягчается.

Томѣ

вмѣстѣ съ Альфонсомъ введенъ былъ во Дворецъ. Они прошли черезъ многія комна-

Топъ діамантъ называющъ розою, копорой сверху полированъ углами, а снизу гладко; брилліантомъ называющъ топъ, копорой и с.ерху и снизу полированъ углами.

У великаго Могола есть діамантъ вѣсомъ въ $279\frac{9}{16}$ каратъ. Увѣряютъ, что діамантъ Короля Португальскаго вѣсомъ въ двѣнащцать унцій; но онъ имѣетъ много недоспашковъ. Mr. de Vo-таге.

Въ Капедральной Церкви въ Генуѣ есть чаша, сдѣланная изъ одного прекраснаго цвѣтомъ изумруда. Въ Гагѣ въ Натуральномъ Кабинетѣ Штатгальшера есть не полированной топасъ вѣсомъ въ четырнадцать фунтовъ.

Богемской гранатъ цѣнится дороже всѣхъ иныхъ гранатовъ. Гіацинтъ опдиваетъ цвѣтъ красноватой и желтой. Бериль, или шарсисъ, свѣтлозеленаго цвѣта, перидотъ зеленожелтаго. Хрисолитъ похожъ на перидотъ. Опалъ, прекрасной камень, вдругъ показывающъ всѣ радужные цвѣты, и перемѣняетъ ихъ по различному спремленію свѣта, на копоромъ его размашриваешь. Гиразоль

мнаны, гдѣ видѣли вездѣ пригожихъ жен-
щинъ, хорошо одѣтыхъ и вооруженныхъ
копѣ-

такого же свойства, какъ и опалъ, но не такъ дорогъ. Амешиспъ виолетоваго цвѣта. Многія украшенія, даже комнатные приборы, сполы, сполпы и проч. дѣлаются изъ такъ называемой машки изумрудной [prime d'emerande] и амешисповой. Природа составила сія машки изъ той же матеріи, изъ которой составлены изумруды и амешиспы; но сія матерія весьма груба и содержитъ въ себѣ много земляныхъ частицъ, и по тому въ ошдѣлкѣ не лѣзя довести машку изумрудную, или амешисповую до того совершенства, какое получаютъ въ полировкѣ сіи камни; въ отношеніи къ нимъ есть она внѣшняя паузина шелковаго червя. — Турмалинъ есть темно-желтой камень, опливающій зеленой и черной цвѣтѣ. Онъ имѣетъ особое свойство, когда разгорится, припягашь и опшпалкивать легкія шѣла, какъ-то перья, волосы ленпочки и проч.

Горной хрусталь опшпалывается опъ драгоцѣнныхъ камней только шѣмъ, что онъ мягче ихъ; однакожь изъ него высѣкается огонь. Изъ острова Мадагаскара привезли куски горнаго хрустала

копьями, копорыя соспавляли во Дворцѣ внутреннюю спражу. Наконецъ пришли они въ пространную и великолѣпную галерею, обипую золотою парчею. Монархъ сидѣлъ на перламуповомъ престолѣ, осыпанномъ изумрадами и рубинами. Чепыре сполпа, копорые были всѣ покрыты діаманпами, поддерживали балдахинъ изъ серебряной парчи, обложенной сафирами и украшенной жемчужными фестонами. На одномъ сполпѣ висѣлъ великолѣпной профей, соспавленной изъ оружія Императорскаго; его лукъ, колчанъ и сабля, осыпанные драгоцѣнными камнями, связаны были цѣпю, сдѣланною изъ топазовъ и діаманповъ.

длиною въ шесть фуповъ, шириною и толщиною въ 4 фупа. Въ Фишбахской минѣ въ Валлисѣ находятъ его превеликіе куски правильной фигуры; недавно нашли тамъ кусокъ кругло-продолговатой, вѣсомъ въ двѣнащатъ цѣнпневъ.

Исландской хрусталь называется именемъ того острова, на копоромъ его находятъ. Самое примѣчательное свойство сего хрустала есть то, что онъ удвоиваетъ предметы, на копорые сквозь его смотришь.

шовъ. На Императоръ платье было изъ золотой парчи. На срединѣ чалмы его блисталъ діамантъ такой чрезмѣрной величины, что покрывалъ почти всю ширину лба его. Повязка на шеѣ и зарукавья у него были жемчужныя, и безчисленное множество драгоценныхъ камней различнаго цвѣта украшали его поясъ и полусапоги. Передъ нимъ стоялъ столъ изъ липаго золота, и всѣ вельможи Двора его окружали престолъ. Телисмаръ поднесъ ему въ подарокъ нѣкоторыя Геометрическія инструменты, которыхъ употребленіе изъяснилъ онъ ему черезъ переводчика. Императоръ, казалось, весьма доволенъ былъ его подарками и разговоромъ, и сказалъ ему, что настоящій день есть день рожденія его, и что все государство его празднуетъ; на вечеръ пригласилъ онъ къ себѣ Телисмара съ Альфонсомъ.

Принесли вино въ чашахъ, сдѣланныхъ изъ восточнаго хрусталя. Всѣ сѣли. Музыканты вступили въ залу, гдѣ вдругъ раздался звукъ бубновъ и трубъ. Носили плоды на золотыхъ блюдахъ. Императоръ велѣлъ чашу налить виномъ и подать Телисмару; чаша была золотая, осыпанная ширкиссами, изумрудами и рубинами.

Когда Телисмаръ выпилъ вино, Императоръ просилъ его взять чашу въ знакъ его дружбы. Послѣ шого подали Императору два большія блюда, наполненныя рубинами, копорые онъ бросалъ въ кучу людей; придворные хватали камни съ жадностію. По томъ принесли ему еще два блюда съ золопымъ и серебрянымъ миндалемъ, копорой такъ же бросалъ онъ, и копорой съ такою же скоростію разхватали. Телисмаръ и Альфонсъ не хотѣли брать участія въ такой щедрости, а жадность и подлость вельможъ Моголовыхъ исполнили ихъ негодованія. Императоръ раздалъ музыкантамъ и нѣкоторымъ придворнымъ золопья парчи и богатые поясы. По томъ спали пить. Только Альфонсъ и Телисмаръ не были пьяны. Императоръ, лишившись силъ, приклонилъ голову и заснулъ. Тогда всѣ разошлись.

Когда Телисмаръ остался на единѣ съ Альфонсомъ, по спросилъ у него: что вы думаете объ этомъ Дворѣ? Я думаю, отвѣчалъ Альфонсъ, что великой Моголъ самой богатой Государь на земномъ шарѣ. — „Почитаете ли его щасливѣйшимъ и болѣе всѣхъ уважаемымъ?“, — Не знаю, щасливъ ли онъ; по тому что не знаю, любитъ ли его народъ,

сла-

славно ли и спокойно ли его правленіе; но признаюсь, что въ особѣ его нѣтъ ничего величественнаго и почтеннаго. Всякой въ Европѣ Князь болѣе вселяетъ къ себѣ уваженія, нежели онъ. — „Однакожь великой Моголь живетъ шакъ великолѣпно и пышно, что никакой Европейской Государь не можетъ ему въ этомъ уподобиться. И шакъ золото, діаманты и весь блескъ Азіатской роскоши, не заставляющъ почитать человека. Что же думаете вы о пѣхъ скудоумныхъ Европейцахъ, которые весьма высоко почитаютъ шакія блестящія бездѣлки? Я желалъ бы, чтобы можно было въ двацать чешыре часа перенести сюда изъ Европы женщину, которая славится своими брилліантами: что скажетъ она, увидѣвши, что весь блескъ ея помрачается уборомъ невольницы Моголовой?„ — Что до меня касается, сказалъ Альфонсъ покраснѣвши, то я никогда не буду уже говорить о пѣхъ діамантахъ, которыхъ опецъ мой лишился во время Лиссабонскаго землетрясенія. Но изъясните мнѣ, какъ вельможи здѣшняго Двора, казавшись великими богачами, могутъ быть столь жадны? Съ какою подлостью хващали они золото и камни, которые бросалъ имъ Императоръ!

Ж 2

поръ!

порѣ! — „Все самолюбіе ихъ успрямлено къ тому, чтобы перещеголять другихъ въ одеждѣ и прочихъ убранствахъ; они спараются опличиться другъ отъ друга только пышностію и богатствомъ, и вы видѣли, до какой подлости доводитъ ихъ это чрезвычайное тщеславіе. Но обратимся къ Императору. Вы сказали, что не знаете, щаспливъ ли онъ или нѣтъ: не уже ли думаете вы, что такой грубой и несвѣдущій Владѣлецъ можетъ быть щаспливъ? — Но если онъ добросердеченъ, такъ его любить можно. — „Нельзя любить того, кого презираешь. Моголу бы надлежало быть просвѣщеннымъ и почтеннымъ, чтобы подданныхъ своихъ сдѣлать щаспливыми. Впрочемъ суевѣріе здѣсь владычествуетъ, суевѣріе, всегда соединенное съ ужаснымъ невѣжествомъ; самая бездѣлка можетъ привести въ волненіе гнусныхъ рабовъ, часто покушающихся на жизнь Моголову. Всегдашній страхъ есть доля этого несчастнаго Владѣльца. „

На другой день послѣ того Альфонсъ и Телимаръ пришли поутру во Дворецъ. Моголь объявилъ тогда войну Королю Деданскому. Онъ хотѣлъ ѣхать въ поле, гдѣ собрались войска его. Женщины его
сѣли,

сѣли на слоновѣ, копорые дожидались ихѣ у воротѣ. Дваццать чешыре слона были великолѣпно украшены. Маленькія башни, на нихѣ поставленныя, были покрышы золопыми и перламутшовыми щитами. Рѣшетки вѣ окнахѣ были такѣ же изѣ золота. Балдахинѣ надѣ башнею сшитѣ былѣ изѣ серебряной парчи, рубинами обкладенной. Императора несли на носилкахѣ, сдѣланныхѣ изѣ золота и перламута. За нимѣ несли множество носилокѣ, столь же великолѣпныхѣ. Напереди шло множество музыкантовѣ сѣ трубами, бубнами и другими инструменстами. Вмѣстѣ сѣ музыканстами шли многіе Офицеры, богато одѣшые, копорые несли великолѣпныя балдахины и парасоли изѣ золопыхѣ штофовѣ, вышитые жемчугомѣ, діамантами и рубинами.

Путешественники, осмопрѣвши сѣ удивленіемѣ великолѣпной спанѣ Моголовыхѣ войскѣ, оставили его Дворѣ (*) и

Ж 3

по-

(*) Сіе извѣстіе о Моголовомѣ великолѣпнѣ найдешѣ во всѣхѣ описаніяхѣ путешествій. Сочинительница имѣла у себя передѣ глазами описаніе путешествія Англичанина Ру, находящагося вѣ пятомѣ

поѣхали къ Сіаму. Въ семь Королевствѣ видѣли они славнаго бѣлаго слона, звѣря, весьма почитаемаго въ Индіи. Жилище его самое пышное; пишь и ѣсть подаютъ ему въ золотыхъ сосудахъ, стоя на колѣняхъ (*). Уваженіе, говоритъ Г. Бюффонъ, почтеніе и жертвы льстятъ ему, его не портят: и такъ нѣтъ у него души человѣческой! сему бы одному надлежало вывести Индійцевъ изъ таковаго ихъ заблужденія.

Оспалась только одна часть міра, которая нашимъ путешественникамъ была неиз-

Томъ *Исторіи о странствіяхъ вообще*. Золотая чаша, осыпанная ширкиссами, изумрадами и рубинами, подарена была Моголомъ Г. Ру, которой видѣлъ и то, какъ великій Моголь бросалъ придворнымъ своимъ съ двухъ блюдъ рубины, серебряной и золотой миндаль. Описание Моголова престола, его одежды, выѣзда его на поле, взяты изъ того же сочиненія. Къ сему описанію присоединены нѣкоторыя извѣстія изъ путешествія Г. Тавернье.

(*) Въ Лаосѣ, въ Пегу и въ иныхъ Земляхъ оказываютъ такое же почтеніе къ бѣлымъ слонамъ.

неизвѣстна. Но они проѣхали и въ Америку, вышли на берегъ въ Калифорніи, а опшуда опшравились въ Мексику. Вхавши въ Тласкалу, Телисмаръ посмотрѣлъ на часы, приказалъ оспановиться коляскѣ, вышелъ и велѣлъ людямъ себя дожидаться и держась лошадей; для того что скоро наспанешъ ночь, сказалъ онъ. Ночь! перервалъ Альфонсъ съ улыбкою: да теперь еще полдень. Телисмаръ ничего не опвѣчалъ, а пошелъ подъ тѣнь нѣкоторыхъ ближнихъ деревъ. Альфонсъ, шедши за нимъ, увидѣлъ звѣря, которой удивилъ его спранною своею фигурою. Длиною былъ онъ почти въ девятнащашъ или дващашъ дюймовъ, не считая хвоста, которой по крайней мѣрѣ былъ въ двѣнащашъ дюймовъ. Уши были у него какъ у совы, шерсть вся порчала вверхъ, а длинной змѣиной хвостъ покрывъ былъ чешуею. Звѣрь стоялъ на одномъ мѣстѣ; по чему Альфонсъ могъ его разсмашривать. Онъ увидѣлъ, что звѣрь дожидался своихъ дѣшей, которыя къ нему бѣжали. Когда онъ подбѣжали къ нему, посадилъ онъ ихъ, одного за другимъ, въ большой мѣшокъ, висѣвшій у него подъ брюхомъ; по томъ побѣжалъ онъ къ деревьямъ. Альфонсъ, хотѣвши еще посмотрѣть

рѣшь на сего чуднаго звѣря вблизи, и увидѣвши, что онъ бѣжитъ тихо, побѣждалъ за нимъ. Онъ почти уже догналъ его, какъ звѣрь съ чрезвычайною скоростію полѣзъ на дерево, ухватился хвостомъ своимъ за высокую вѣшь, повисъ и казался неподвижнымъ (*). Альфонсъ хо-

(*) Сей странной звѣрь называется *Саригю* или *Опассумъ*. Саригю, говоритъ Г. Бюффонъ, рождается только въ однѣхъ полуденныхъ странахъ новаго міра. Его находятъ не только въ Бразиліи, Гвіанѣ и Мексикѣ, но и въ Флоридѣ, Виргиніи и другихъ мѣстахъ. У самки подъ брюхомъ большой мѣшокъ, въ которомъ она держитъ и кормитъ дѣшей своихъ. Днемъ сіи маленькіе звѣрки выходятъ изъ мѣшка и опять туда возвращаются.

Въ Америкѣ находится множество странныхъ живошныхъ, и между прочими при рода звѣрей съ длинными хвостами, съ узкими горлами и совсѣмъ безъ зубовъ, съ круглымъ и длиннымъ языкомъ, которой впускаютъ они въ муравейники и симъ образомъ кладутъ себѣ въ ротъ муравьевъ. Сіи звѣри на-

вы-

хотѣлъ взлѣзть на дерево, какъ вдругъ услышалъ громкой звукъ, подобной пушечному выстрѣлу. Въ ту же секунду со всѣхъ сторонъ полетѣли на него маленькія черныя зерна (*). Онъ вдругъ отско-

Ж 5

чилъ

зываются по Французски le Tamanoir, le Tamandua, le Fourmillier.

Панголинъ и *Фатагинъ* суть также два удивительные звѣря. Они четвероноги и по большей части покрыты чешуею. Ташусы, другой родъ четвероногихъ Американскихъ животныхъ, покрыты черепомъ или скорлупою, подобно черепахамъ, ракамъ и проч.

Гиравъ есть большое четвероногое животное въ сихъ мѣстахъ, у котораго переднія ноги гораздо длиннѣ заднихъ.

(*) Одно дерево въ Америкѣ называется *Диаволовымъ деревомъ*. Спѣлой плодъ его бываетъ упругъ. Будучи высушенъ солнечнымъ жаромъ, лопзается онъ съ великимъ трескомъ и далеко выбрасываетъ зерна. Сія игра Природы причиною того, что сему дереву дали такое названіе. Въ то время, какъ развертываются зерна, плодъ производитъ звукъ, подобной выстрѣламъ маленькихъ пушекъ, которой безпрестанно повшо-

ря

чилъ назадъ, закрывши рукою глаза, въ копорыхъ почувствовалъ боль, и копорыхъ не открывалъ нѣсколько минутъ. Наконецъ онъ открылъ глаза; но вдругъ закричалъ жалоспнымъ голосомъ: Боже мой! я ослѣпъ! . . . О Телимаръ! о Далинда! я васъ не увижу! . . . Телимаръ! Телимаръ! гдѣ вы? Не уже ли оставите вы несчастнаго Альфонса? — Тутъ услышалъ Альфонсъ близъ себя громкой смѣхъ и узналъ голосъ Телимаровъ. Какъ! не уже ли Телимаръ смѣется надъ моимъ несчастіемъ? сказалъ Альфонсъ: нѣтъ, этому быть не лзя. — Тутъ вспомнилъ онъ, что Телимаръ, выходя изъ коляски, сказалъ своимъ людямъ, что ихъ заспигнетъ ночь; по чему началъ успокоиваться и думать, что онъ вѣрно не ослѣпъ. Не смотря на глубокую мрачность, его окружавшую, шелъ онъ все шуда, гдѣ слышалъ Телимаровъ голосъ; наконецъ встрѣтился съ нимъ и обнялъ его. Теперь, Альфонсъ, сказалъ Телимаръ, не могу я
быть

рется и разпространяется довольно далеко. Если сей плодъ прежде его зрѣлости положишь на каминъ, то онъ ошъ жара высыхаетъ и представляетъ ~~такое~~ же зрѣлице. M. de Bomarè.

быть вашимъ вождемъ; потому что я такъ же слѣдъ, какъ и вы. Слава Богу, опвѣчалъ Альфонсъ, что я опдѣлался однимъ спрахомъ. Теперь вижу, что причина спраха моего есть затмѣніе солнца; но я не думалъ, чтобы могло быть такое ужасное затмѣніе, и не могу понять, какимъ образомъ вы могли предузнать и предсказать его такъ вѣрно. — Альфонсъ еще говорилъ, какъ солнце начало показываться и разсѣяло пьму, всѣ предметы покрывавшую. Глубокое молчаніе и тишина ночная исчезли; вся Природа ожилилась, птицы проснулись, и думая воспрѣвать возвращеніе упренней зари, громчайшимъ пѣніемъ возвѣщали возобновленіе дня (*).

Тели-

(*) Типъ Ливій повѣствуетъ, что Сулпицій Галлъ, Поручикъ Павла Эмилиа, въ войнѣ противъ Персея, предсказалъ войнамъ солнечное затмѣніе, которое случилось на другой день, и чрезъ то уничтожилъ спрахъ, которой бы отъ него произойти могъ. Совершенное затмѣніе солнца есть удивительное явленіе. Клавіусъ, которой 21 Августа, 1560 года, видѣлъ оное въ Конимбрѣ, повѣствуетъ,

Телисмаръ и Альфонсъ сѣли опять въ коляску. Солнечное зашмѣніе, чудной звѣрь, Альфонсомъ разсмотрѣнной, и звукъ, подобной пушечнымъ выстрѣламъ и причинившій ему такой страхъ, подали путешественникамъ матерію къ пріятнымъ разговорамъ, которые продолжались до самаго ихъ пріѣзда въ Гласкалу.

Оставивши Мексику, поплыли они въ Доминго. Альфонсъ надѣялся тамъ найти письмо отъ отца своего; но напрасно: онъ получилъ тамъ извѣстіе изъ Португаліи, но оно чувствительно его огорчило. Увѣдомляли его, что Донъ Рамиръ не возвращался въ Португалію; что совсѣмъ перестали думать, будто онъ отчаспи вошелъ опять въ прежнюю милость и отправленъ Посланникомъ, и что напрошивъ того многіе почитаютъ его выгнаннымъ изъ отечества, но только не знаютъ, куда онъ поѣхалъ. Такая новость весьма пронула Альфонса. При-
ве-

что мрачность была болѣе, по крайней мѣрѣ примѣнѣе, нежели ночью. Не видно было, куда ступить ногою, а пщицы попадали на землю отъ страха, причиненнаго такою ужасною пьмою.
Encyclopedie.

веденной въ новбе безпокойство судьбою
отца своего, чувствовалъ оуб угрызеніе
совѣсти сильнѣе прежняго. Онъ погру-
жался въ самыхъ мрачныхъ размышленіяхъ,
какъ вошелъ къ нему Телисмаръ. Я при-
шелъ увѣдомишь васъ, сказалъ онъ Аль-
фонсу, что вы увидите Далинду прежде,
нежели вы думали. Она съ матерью до-
жидается насъ въ Парижѣ. Завтра отпра-
вимся мы въ Суринамъ, гдѣ сядемъ на
корабль и поѣдемъ прямо во Францію.
Однакожь, прежде нежели ее увидите, по-
смотримъ, какой получилъ я отъ нее по-
дарокъ. Откройте эту коробочку. . . .
Боже мой! воскликнулъ Альфонсъ: Далин-
динъ портретъ! какое восхищительное
изображеніе! какое сходство! какая пре-
красная живопись! — „Эпопъ портретъ
еще болѣе вамъ полюбится, когда я вамъ
скажу, что его писала сама Далинда. „ —
Далинда! и такъ ея дарованія не менѣе
прелестней ея! Ахъ! позвольте мнѣ хоро-
шенько рассмотретьъ эту совершенную
живопись! вотъ ея черты! вотъ ея возхи-
щительная улыбка! Ахъ, Телисмаръ! какъ
вы щасливы, имѣя у себя такое сокро-
вище! — „Между шѣмъ я ожидаю отъ
нее другаго портрета. Далинда должна
еще списать себя сидящую подлѣ своего

женыха, и когда другой портретъ будстѣ у нее гошовѣ, я опдамѣ вамѣ эшотѣ. „ — Вмѣсто отвѣта Альфонсѣ нѣжно пожалѣ у Телисмара руку и омочилѣ ее слезами.

Альфонсѣ не могѣ тогда совершенно радоваться. Онѣ почилалѣ за необходимую должность опсправилѣсь вѣ Португалію, чшобы развѣдать о судьбѣ опца своего. Онѣ хотѣлѣ обѣявилѣ сие рѣшеніе Телисмару, но такое намѣреніе возмуцало все сердце его. Сверхѣ того никогда не могѣ онѣ обѣявилѣ сему вѣрному другу пресшупленія своего, которое его мучило, по естѣ, что онѣ уѣхалѣ изѣ Гишпаніи тайно опѣ своего опца. Сие первое припворство было причиною того, что онѣ и во многихѣ другихѣ случаяхѣ скрывалѣ истину; но наконецѣ твердо рѣшилѣсь онѣ загладитѣ всѣ пресшупленія свои искреннимѣ признаніемѣ, а естѣли надобно, такѣ и горестною жертвою. — Вѣ такомѣ разположеніи поѣхалѣ онѣ изѣ Доминго.

Наши путешественники прибыли вѣ Суринамѣ (*) вѣ началѣ ночи. Тутѣ пред-

(*) Суринамѣ естѣ Голландское селеніе, имѣющее 30 Французскихѣ миль вѣ округности, и лежащее вдоль по рѣкѣ Суринаму вѣ Гвіаннѣ.

представилося глазамъ имъ великолѣпное зрѣлище. Берегъ, казалось имъ, былъ покрытъ множествомъ огней, расположенныхъ соразмѣрно, но въ разныхъ распоніяхъ. Телисмаръ и Альфонсъ удивлялись сему освѣщенію, и по томъ примѣтили, что сіи огни переходили съ мѣста на мѣсто и приближились къ нимъ. Черезъ минушу ясно увидѣли они восемь или десять человѣкъ, идущихъ весьма скоро, хопя они, казалось, покрыты были горящими восковыми свѣчами; нѣкоторыя были у нихъ на шапкахъ, другія на ногахъ, а иныя въ рукахъ. Такое явленіе весьма удивило Альфонса. Онъ хотѣлъ было подойти къ симъ людямъ, но они прошли мимо очень скоро и не останавливаясь; а какъ Альфонсъ не разумѣлъ языка проводниковъ своихъ, то и не могъ удовлетворить любознательству своему. Телисмаръ и Альфонсъ, пришедши въ тотъ домъ, гдѣ имъ жишь надлежало, нашли комнату свою совершенно освѣщенную. Альфонсъ, увидѣвши, что горницу освѣщали два стеклянные фонаря, захопѣлъ ихъ разсмотрѣть вблизи. Какъ же онъ удивился, увидѣвши, что сей свѣтъ произходитъ отъ блестящихъ мухъ, подобныхъ цвѣшомъ изумруду!

Вотъ изъясненіе, котораго вы желали, сказалъ Телисмаръ Альфонсу: деревья, покрытыя такими мухами, и имѣющія пирамидальныя фигуры, издали кажутся жирандолями, или на воздухѣ повѣшенными люспрами. Люди, мимо насъ прошедшія, нашили эпихъ блестящихъ насѣкомыхъ на свои шапки и на обувь, а другихъ несли въ рукахъ въ стеклянныхъ трубкахъ. Въ тотъ же еще вечеръ Альфонсъ узналъ, что сіи прекрасныя мухи во многихъ случаяхъ полезны. Когда онъ легъ на постелю, тогда мухъ выпустили изъ фонарей, и сказали ему, что онъ ничѣмъ его не обезпояетъ, и что онъ поѣдятъ всѣхъ комаровъ, которые къ нему подлетятъ (*).

Меж-

(*) *Akudia* есть летучее и свѣпящееся насѣкомое, въ Америкѣ находящееся. Думающъ, что *Кувую* или *Ковуюсь*, имѣющій тѣ же свойства, есть самое по же насѣкомое., Сіе насѣкомое принадлежитъ ко *Скарабеемъ*, или землянымъ жукамъ; по шчиною оно въ мизинецъ, а длиною въ два дюйма. Ночью оно весьма блестящъ и на полетѣ разпространяетъ великой свѣстъ. Говорятъ, что наперевши

мени, сѣлъ онѣ подѣ однимѣ деревомѣ и предася печальному размышленію. Скоро сомкнулись глаза его, жара исполненные, и черезѣ минушу онѣ заснулѣ. Проницательной крикѣ разбудилѣ его: онѣ опкрылъ глаза и увидѣлъ себя вѣ объятіяхѣ Телисмаровыхѣ, которой его поднялъ и опшацилъ отѣ того мѣста шаговѣ на сто. Альфонсѣ хотѣлъ говорить, но не могѣ

ни-

тащѣ вѣ домѣ, гдѣ поѣдаютѣ онѣ всѣхѣ комаровѣ. Не извѣстно, подлинно ли *Акудія* есть то самое насѣкомое, которое называется *фонарщикомѣ* (porte-Lanterne, Laternensträger) по тому, что передняя часть его головы, изѣ которой выходитѣ свѣшѣ, похожа фигурою на фонарь. Гж. Меріанѣ, разсматривавшая сіе насѣкомое вѣ Суринамѣ, говоритѣ, что оно весьма хорошо свѣшитѣ, и что не болѣе одного надобно ей было всякой разѣ, когда она рисовала фигуры, кѣ сочиненію своему о насѣкомыхѣ сей спраны. Вѣ Италіи находящія блестящія мухи, или, лучше сказать, *Скарабей*, которыя величиною почти прошивѣ пчелы, и которыя такѣ свѣшящяся, что вѣ комнатѣ ночью ясно показывающѣ всѣ предметы, естли ихѣ при или чешыре посадить

вѣ

ничего сказать вразумительно: голосъ его слабѣлъ и перерывался. Будучи блѣденъ и безсиленъ, не могъ онъ подняться; онъ не могъ даже и думать. Телисмаръ положилъ его на праву, побѣжалъ къ берегу, зачерпнулъ воды шляпою своею, возвратился поспѣшно къ Альфонсу и далъ ему выпить ее. По томъ, съ помощію нѣкошорыхъ слугъ, поднялъ онъ

въ бѣлую спекающую шрубку. Г. Аббатъ Нольлетъ доказалъ, что свѣтъ ихъ распространяется по шѣмъ мѣстамъ, гдѣ ихъ раздавишь., М. de Bomare.

Чудеснѣйшій изъ *скарабеевъ* есть шотъ, котораго описалъ Г. Соландеръ. Какъ скоро онъ въ первой разъ поднялъ сіе фосфорическое насѣкомое, то шѣло его зашумѣло, какъ бы кто нибудь изъ маленькаго пистолета выстрѣлилъ, и вышелъ изъ него свѣтлосиній дымъ. Въ другой разъ вздумалось ему пощекотать сіе насѣкомое иглою, отъ чего оно двашцать разъ такимъ образомъ выстрѣлило. Онъ анапомилъ оное, и въ шѣлѣ нашелъ у него маленькой сжавшійся пузырь; но не могъ узнать, въ семъ ли пузырь держался воздухъ, или во внутренности былъ другой. Dict. des Merveilles de la Nature. Т. II.

Альфонса и опнесъ его домой. Альфонсъ мало помалу образумился, и почувшвуя возвращеніе силъ своихъ, спросилъ: гдѣ я? — Ахъ, любезной другъ! сказалъ Телисмаръ: развѣ я не говорилъ съ побою объ этомъ опасномъ деревѣ? Развѣ я не сказалъ тебѣ, что заснувши подъ его ужасною тѣнію, необходимо лишишься жизни (*)? — Правда, опвѣчалъ Альфонсъ

(*) Сіе дерево называется по Французски Manceniller или Mancheniller. Вышиною будетъ оно съ орѣховсе дерево. Естьли немного надрѣжишь его, то потечетъ молошная жидкость, которая есть смертельный ядъ. Индійцы обмакиваютъ въ сію жидкость стрѣлы свои. Дерево сіе рубятъ съ великою осторожностію. Плодъ его похожъ на маленькія красныя яблоки; запахъ его пріятенъ, но бѣлой сокъ его столь же опасенъ, какъ сокъ коры и лисъевъ. Оно расщепъ на многихъ Аншилскихъ островахъ, на берегу моря. Естьли занешь подъ тѣнію сего дерева, то въ глаза вступишь чрезвычайной жаръ, тѣло пухнетъ, и проч. Естьли долго шупъ проспшишь, то можно умереть. Говоряшъ, что морская вода, естьли напишься ее послѣ того щасъ, бу-

фонсѢ слабымѢ голосомѢ: теперь я вспомнилѢ это. Благодаря Бога, сзаяалѢ ТелисмарѢ, теперь вы уже вышли изѢ опасности; но естѢли бы безпокойство мое о вашей оплучкѢ не привело меня на берегѢ

3 3

регѢ

будетѢ лучшимѢ средствомѢ противѢ сего яда.

ВѢ АмерикѢ естѢ еще другое дерево, производящее весьма тонкой ядѢ. Сіе дерево называется *Маниако*. Вышиною бываеѢ оно отѢ трехѢ до девяти футовѢ. Сырой корень его естѢ ядѢ; но высушиѢ и пригошовивѢ его, дѢлаютѢ изѢ него муку, изѢ которой пекуѢтѢ нѢкоторой родѢ хлѢба, называемаго *Кассава*. Удобно изѢ сего корня выгнаѢть молоко, которсе естѢ подлинной ядѢ. Сіе молоко имѢетѢ бѢлизну и запахѢ миндального молока; и хотя оно ядовито, однакожѢ извлекаютѢ изѢ него, естѢли даѢть ему поспояѢть, бѢлую питательную сущность, которая опляжетѢся на днѢ сосуда и которую перемываѢютѢ вѢ водѢ. Сія сущность похожа на нашу пудру, и ее называѢютѢ *Муссака*; хотя она черезѢ нѢкоторое время пожигаеѢтѢ волосы, однакожѢ ею пудряѢтѢся и дѢлаютѢ изѢ нее пирожное. Сего дерева много вѢ Доминго. *M. de Botare.*

регъ вѣ ту самую минушу, вѣ которую я пришелъ шуда, шо мнѣ бы васѣ не видать живаго. — Ахѣ, Телисмарѣ! воскликнулъ Альфонсѣ: вы проливаете слезы! . . . Нѣжнѣйшій другѣ! . . . Благодарѣшь мой! . . . Для чего не дали вы мнѣ умереть? Вы бы сожалѣли обѣ Альфонсѣ; уронили бы нѣсколько слезныхѣ капель на прахѣ его. Ахѣ, Телисмарѣ! оплакивая нещаснаго, вы бы никогда не узнали пресупленій его. — „Что эпо значитѣ?“, — Ваши благодарѣнія и любовь проникли сердце мое; любовь моя къ вамѣ есть первое чувство моего: сердца однакожъ — я самой нещаснѣйшій человекѣ. — „Что шакое приходишѣ тебѣ на мысль?“, — Телисмарѣ! одно слово вамѣ все скажетѣ: я не могу ѣхать съ вами во Францію. — „Для чего?“, — Священная должность велитѣ мнѣ возвратиться вѣ Португалію. О естѣли бы эпою жертвою могѣ я загладить свое пресупленіе! — „Какѣ мучитѣ васѣ совѣсть! . . . Но нѣпѣ, ты не способенѣ ни къ злодѣянію, ни къ подлости. Говори, разувѣрь себя; открой другу сердце пвое.“, — Альфонсѣ, проливая слезы благодарности и радости, нѣсколько минутѣ молчалѣ; по шомѣ безѣ всякихѣ

огово-

оговорокъ признался Телисмару, что онъ предпринялъ свое путешествіе безъ позволенія отца своего; рассказалъ ему всѣ обстоятельствова своего побѣга, и весьма проташельно изобразилъ упреки совѣсти и безпокойство свое о судьбѣ Донъ Рамира.

Когда онъ переспалъ говорить, Телисмаръ смотрѣлъ на него взорами нѣжнѣйшаго соболѣзнованія. Нѣтъ, сказалъ онъ, я тебя не оспаваю; я самъ поѣду съ тобою въ Португалію. Сія слова произвели въ Альфонсѣ такое живое чувство благодарности, что онъ, не могши ни чѣмъ инымъ выразить его, бросился къ ногамъ своего великодушнаго друга. Мы найдемъ несчастнаго родителя, продолжалъ Телисмаръ: я буду имѣть удовольствіе возвратить тебя въ объятія его; осмѣлюсь увѣрить его, что возвращаю ему такого сына, копорой можешь его сдѣлать щасливымъ. Во Францію пріѣдемъ мы немного позже; но съ Далиндою надлежитъ тебѣ увидѣться только тогда, когда примиришь ся съ Небомъ, съ самимъ собою — когда получишь родительское благословеніе.

Однѣми только слезами могъ Альфонсѣ опвѣштвовашь. --- Донъ Рамиръ, говорилъ Телисмаръ, безъ сомнѣнія со-

гласится на союзъ вашъ съ Далиндою. Я не весьма богатъ, однакожь могу жить безъ всякой нужды. Что привязывало Донъ Рамира къ Португаліи, по все разрушилось; онъ можетъ почитать Швецію своимъ опечесвомъ, а домъ мой своимъ домомъ. — „Телисмаръ! эпова уже слишкомъ много; дайте мнѣ по крайней мѣрѣ образумиться. Сердце мое волнуется отъ благодарности, которая въ спрасъ превращается. Благодарность моя! чѣмъ могу изобразить вамъ живѣйшія чувства мои?

Сей разговоръ облегчилъ Альфонсовы спраданія. Снисхожденіе и нѣжность Телисмарова усладили горькія его чувства и произвели въ душѣ его радостную надежду. Телисмаръ жотѣлъ еще въ Суринамѣ видѣть рыбную ловлю, на которую приглашали его. Въ день, назначенной для рыбной ловли, путешественники наши оправились въ путь на самомъ разсвѣтѣ. Имъ надлежало переходить черезъ болотное мѣсто, на которомъ росли удивительныя деревья. Отъ гибкихъ вѣтвей ихъ шли внизъ до самой земли цѣлыя связки тончайшихъ опростковъ, ложились на землю, укоренялись, росли снова и производили такія же деревья, такъ что отъ одного дерева могъ разродиться цѣлой лѣсъ.

Но

Но болѣе всего удивило Альфонса то, что всѣ сии деревья были покрыты раковинами; множество усприць висѣло на вѣтвяхъ (*). Телисмаръ изъяснилъ Альфонсу причины сего чудеснаго явленія; а между шѣмъ до-

З 5

шли

(*) *Мангль*, или *Мангліеръ*, есть дерево, растущее въ западной Индіи, особливо же на Анпильскихъ островахъ, на устьяхъ рѣкъ. Отъ гибкихъ его вѣтвей, говоритъ Г. Бомаръ, идутъ внизъ до самой земли тончайшіе отростки, ложатся, укореняются и производятъ деревья, такія же большія, какъ шѣ, отъ которыхъ они шли. Всѣ сии деревья размножаются такимъ же образомъ. Отъ одного дерева можетъ разродиться цѣлой лѣсѣ. ---- На островѣ Каеннѣ болоты покрыты *Манглями*. Усприцы цѣпляются за нижнія вѣтви сего дерева, висятъ на нихъ и разрождаются. Когда бываетъ приливъ, то онѣ въ водѣ; а когда отливъ, то на воздухѣ.

Въ Америкѣ находится еще весьма чудное дерево. *Сырное дерево* или *Саамонна*, говоритъ Г. Бомаръ, растетъ въ Индіи и на Анпильскихъ островахъ, и вышиною будетъ съ сосну. Вершина и низъ ствола бываютъ обыкновенной толщины, но около середины оно въ

два

шли они до берега. Ловля началась, закинули сѣтя и вытащили множество рыбѣ. Альфонсѣ увидѣлъ большую рыбу, похожую видомъ на угря; подошелъ къ ней и пронулъ ее прутикомъ, копорой былъ у него въ рукахъ: въ ту самую секунду почувствовалъ онъ въ рукѣ и плечѣ такую сильную боль, что противъ воли своей закричалъ. Всѣ рыбаки за-смѣялись; Альфонсѣ же, приведенной въ досаду и удивленіе, былъ около минушы непод-

два раза шоще; вокругъ его выходящъ изъ земли шолстые корни, на семь и восемь фушовъ вверхъ, и ссоставляютъ подпоры около ствола. Конецъ сихъ корней кругловатъ. Сіе дерево назвали *сырнымъ* (Fromager) для того, что его матерія похожа на сырѣ. Когда плоды сего дерева поспѣютъ, тогда бы-ваютъ въ нихъ красночерноватая сѣмена, величиною сѣ малую горошину, покрытая нѣкоторымъ родомъ весьма тонкой хлопчатой бумаги сѣроваатаго цвѣта, блистающей и какъ шелкъ въ осязаніи мягкой; но ниточки ея споль корочки, что шрудяо ея плести или прясать. Индійцы употребляютъ ея на то же, на что мы пухъ употребляемъ, ш. е. набиваютъ ею подушки и проч.

неподвиженъ. Наконецъ, подошедши опять къ рыбѣ, сказалъ онъ: я не могу понять, какимъ образомъ одно прикосновеніе къ этой рыбѣ производитъ такое сильное сотрясеніе; однакожь докажу, что это дѣйствіе меня не устрашаетъ, хотя оно меня и могло, удивить. Сказавши сіе, онъ наклонился и пронулъ рыбу рукою. Онъ не закричалъ; но у него все сердце замерло, и отъ сильнаго удара онъ бы вѣрно упалъ, если бы Телисмаръ не подошелъ къ нему и не поддержалъ его. Насилу могъ Альфонсъ опамятоваться. Когда же пришелъ онъ въ себя, Телисмаръ сказалъ ему: я покажу вамъ еще удивительнѣйшее дѣйствіе, этою рыбою производимое. Здѣсь насъ четырнадцать человекъ: составимъ же всѣ кругъ, взявши другъ друга за руки. Я стану напередѣ, а вы будыте послѣдній въ кругу. Я допрунусь до этой рыбы пружиномъ, а вы, хотя между нами споитъ двѣнадцать человекъ, почувствуете то же, что я. -- Опытъ совершенно ушвердилъ сказанное Телисмаромъ (*).

На

(*) Сія удивительная рыба называется *Гниусь*. Она производитъ судорогу въ, пѣхъ, кошо-

На другой день послѣ сего путешестввенники оставили Суринамъ и Америку, и поплыли въ Португалію. Въ сіе время Телисмаръ наградилъ Альфонса за искренность его шѣмъ, что удовлетворилъ любопытству его, которое онъ давно въ немъ примѣшилъ. Альфонсу удивительно было, что Телисмаръ могъ рѣшиться оставить на четыре года свое отечество и разлучиться съ любезнымъ своимъ семействомъ: и такъ Телисмаръ сказалъ ему, что его Государь, покровитель

которыя до нее допрогиваются. Гньюси, которыя ловятся въ Африкѣ и Америкѣ, хотя дѣйствіемъ своимъ и подобны щѣмъ, которыя ловятся въ нашихъ странахъ, однакожь фигураю весьма спличны. Сія рыба весьма извѣстна въ Суринамѣ. Ея дѣйствія гораздо сильнѣе дѣйствій нашего Гньюся и подобны Электрическому потрясенію. Сіе, кажется, происходитъ отъ жидкости, выходящей изъ сей рыбы. Когда она бросится въ рѣку, то можно чувствовать ударъ, обмакнувши руку въ воду за пятнадцать футовъ отъ нее. Сильные удары оглушаютъ самую голову, и судорога бываетъ во всѣхъ частяхъ тѣла. Гньюсь, описанной Докшоромъ Фир-

ми-

витель ученыхъ, самъ потребовалъ отъ него сей жертвы. Благодаренія моего Короля, продолжалъ Телисмаръ; любовь моя къ Наукамъ, а особливо къ Натуральной Истории, заставили меня предпріяты такое путешествіе, котораго трудности облегчила для меня дружба моя къ вамъ. Попеченіе о исправленіи сердца и просвѣщеніи разума вашего, и любовь, которую почувствовалъ я къ вамъ, всегда уменьшали грусть мою.

Между

миною въ его Натуральной Истории Суринама, производилъ ужасной ударъ въ рукахъ до самыхъ плечъ, ели пронешь его рукою или палочкою, и коюрой съ такою же силою сообщается чешырнщдаши челоѡкамъ, руками схватившимся. Сія рыба есть, кажется, пошъ же самой угоръ, котораго свойство описалъ Г. де ла Кандаминъ въ путешествіи своемъ по Амазонской рѣкѣ. Г. Адансонъ нашелъ подобную рыбу въ рѣкѣ Сенегалѣ. *Трясучій угоръ* Каенской есть такъ же родъ Гньюся. ^{Томаксъ} Иные бывають полщиною въ бедро, а длиною въ четьре и пять фушовъ. Онъ немного отличенъ отъ Гньюся Суринамскаго. M. de Bomare.

Между шѣмъ наши путешественники благополучно приплыли въ Португалію. Какъ ни старался Альфонсъ развѣдывать о Донѣ Рамирѣ, однакожь узналъ весьма немного. Онъ увѣрился только въ томъ, что два года не было уже его въ опечесствѣ, и послѣ всѣхъ извѣстій могъ онъ чаять, что отецъ его либо въ Англіи, или въ Россіи. Альфонсъ зналъ, что Телисмару по обстоятельствомъ его надлежало побывать въ Англіи; по чему, оставляя Португалію, утѣшался шѣмъ, что во Франціи пробудетъ не долго, и что побѣдетъ съ Телисмаромъ и Далиндою въ такую землю, въ которой надѣялся найти отца своего.

Телисмаръ, приближаясь ко Франціи, взялъ съ Альфонса обѣщаніе, что онъ постарается скрывать отъ Далинды любовь и надежду свою. Вы будете вмѣстѣ съ Далиндою путешествовать, примолвилъ онъ: я вамъ сказалъ, Альфонсъ, что сердце мое желаетъ священнымъ союзомъ соединить васъ, нынѣ почти равно мною любимыхъ; однакожь, Альфонсъ, вы не можете ни на что рѣшиться безъ согласія отца вашего. Я думаю, что онъ съ нами согласится; однакожь, не зная по-
длинно. — — — „Что вы говорите?“, —

Есть-

Естьли я представляю васъ Далиндѣ какъ
такого человѣка, котораго родители ея
назначилъ ей въ супруги, то она безъ
сомнѣнія будетъ на васъ смотрѣть благо-
склонно: будучи еще въ такой неизвѣст-
ности, не уже ли захотимъ мы разрушить
спокойствіе жизни ея? — „Мнѣ, мнѣ
разрушить ея и ваше спокойствіе? Нѣтъ,
я соглашусь лучше навсегда лишиться
ее! Но мы можемъ быть увѣрены, что
отецъ мой съ радостію дастъ свое согла-
сіе.„ — А естьли онъ по спранныму
упрямству не дастъ его? — „Какъ!
отецъ мой захочетъ сдѣлать меня неща-
стнымъ?„ — Нѣтъ, Альфонсъ! или всѣ
мои старанія будутъ тщетны, или
вы съ твердостію перенесете такое огор-
ченіе: можетъ ли тогда отчаяваться, кто
не слышитъ упрековъ совѣсти и кто
имѣетъ вѣрнаго друга? — „Ахъ, Те-
лимаръ! судьба моя будетъ всегда отъ
васъ зависѣть! не всегда ли вы по вашей
волѣ располагаете мои дѣйствія, мнѣнія
и чувства? Вы никогда не лишитесь той
власти, которую надо мною имѣете; благо-
дарность и дружба меня къ вамъ привя-
зываютъ. Да, я исполню ваше предпи-
саніе; я буду видѣть Далинду и молчать:
какое насиліе! Но вы эшова пребудете: и
такъ

такъ позволено ли мнѣ думать, что это превышаетъ силы мои?

Путешественники прибыли въ Бурдо, откуда немедленно поѣхали въ Парижъ. Коляска ихъ за шрипцашь миль отъ Парижа изломалась; почему они принуждены были остановиться. Телисмаръ описалъ къ женѣ своей, что на другой день около пяти часовъ по полудни онъ вѣрно будетъ въ Парижъ; письмо отправилъ онъ съ курьеромъ, копорой ѣхалъ мимо. Прежде еще разсвѣша Телисмаръ и Альфонсъ сѣли въ коляску и поѣхали. Когда показалась заря, восхищенной Альфонсъ обнялъ Телисмара. Какой прекрасной день! воскликнулъ онъ: прежде конца его увижу я Далинду. — Помните ваше обѣщаніе, сказалъ Телисмаръ: первое свиданіе опасно. — „Я увѣренъ въ себѣ.“ — Не совѣшую на себя полагаться; и еспли вы хотише меня послушаться, то постарайтесь теперь же умѣришь возхищеніе свое, которое черезъ нѣсколько часовъ надобно будетъ скрыть. Будемъ говорить о чемънибудь другомъ. — „Да о чемъ я теперь говорить могу?“ — Развѣ вы не желаете имѣть безпредѣльной власти надъ самимъ собою? Привыкайте по своей волѣ удерживать ваше воображеніе и выгонять изъ

ГОЛОВЫ

головой разныя мысли. — „Естьли я буду себя вести хорошо, то какая нужда до моихъ мыслей?“, — Да какъ же мы докажемъ твердость нашу, не умѣя освободиться отъ нѣкоторыхъ мыслей? Человѣкъ, предающійся своему воображенію, не умѣющей выгонять нѣкоторыхъ пріятныхъ, но весьма опасныхъ мыслей, не можетъ во всѣхъ обстоятельствахъ поступать сообразно разуму. *Есть два рода идей*: однѣ сами собою намъ представляются, а другія рождаютъ разсужденіе. Первыя бывають почти всегда ложны и опасны, производятъ отъ нашихъ страстей, отъ впечатлѣній, производимыхъ внѣшними предметами въ душѣ нашей. Не изстребляя ихъ, становишься рабомъ, отказываясь отъ способности *избирать мысли*. Естьли въ человѣкѣ страсти дѣйствуютъ живо, то въ такомъ случаѣ впадаетъ онъ во множество опасныхъ заблужденій; а естьли страсти въ немъ не живы, то жизнь его подобна тогда жизни распеній. Не надобно пинать мысли для того, что она пріятна, или для того, что она пришла къ намъ въ голову; но ее надобно изстреблять, естьли она порочна. Надлежитъ выбирать предметы для размышленія, — мысли свои строго раз-

Часть XII. Но. 48. И сма-

смапривать, справедливыя приводишь въ связь, и такимъ образомъ научаешься размышлять правильно, или, какъ говорятъ ученые, *систематически*. Мы говоримъ для другихъ, стараемся разговорами своими нравиться людямъ; но способность размышлять дана намъ для просвѣщенія нашего разума и исправленія сердца. Мы во зло употребимъ эту драгоценную способность, естли наше воображеніе обратимъ къ предметамъ низкимъ. Надобно хорошо говорить, но думать надобно еще лучше; сокровеннѣйшія мысли мудраго гораздо важнѣе поученій его. — Тутъ Альфонсъ вздохнулъ и нѣсколько минутъ молчалъ. По томъ принудилъ онъ себя къ разговорамъ. Телисмаръ говорилъ о своемъ путешествіи и напомнилъ Альфонсу все то, что они видѣли; Альфонсъ слушалъ его съ удовольствіемъ. По томъ говорили о Физикѣ и Химіи. Какъ вы щасливы! сказалъ Альфонсъ Телисмару: вы все знаете; ни что не можетъ васъ удивить, или показаться вамъ новымъ. Какъ вы ошибаетесь, любезной другъ! отвѣчалъ Телисмаръ: небо, земля, все окружающее насъ, цѣлая вселенная, есть дѣло вышшаго Существа, есть вѣчная книга, въ которой человекъ до конца временъ будещъ

будетъ находить непроницаемыя тайны и новыя вещи; въ каждомъ вѣкѣ откроетъ важныя и величественныя истинны, но никогда не узнаетъ всего вдругъ. --- Разговаривая такимъ образомъ, подѣхали они къ Парижу: вдругъ оба говорить перестали, пришедши почти въ равную радость. Послѣ долгаго молчанія сказалъ Альфонсъ Телисмару: признайтесь, что шеперь вы *не избираете мыслей*, а принуждены заниматьшя шѣми, копорыя сами собою приходять вамъ въ голову. --- Въ самую сію секунду, человекъ, ѣхавшій впереди верьхомъ, подѣхалъ къ коляскѣ и сказалъ Телисмару, что нѣ воздухъ видить онъ чудесное явленіе. Телисмаръ высунулъ изъ коляски голову, и въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ выше облаковъ надъ Парижемъ небольшой черной шаръ, копорой, казалось, опускался къ лугу. Удивленной Телисмаръ внимательнo разсматривалъ сіе явленіе; но удивленіе еще умножилось, когда увидѣлъ онъ, что сей шаръ увеличивался и свѣплѣлъ. Онъ вздумалъ выпши изъ коляски, чтобы лучше разсмотрѣть его; да и кучеръ, пришедши въ страхъ, самъ остановилъ лошадей. Альфонсъ и Телисмаръ вышли на прекрасной лугъ, въ шести миляхъ отъ Парижа. Между шѣмъ

огненной шаръ все увеличивался. Это безъ сомнѣнія метеоръ, сказалъ Альфонсъ, подобной тому, которой видѣлъ я въ Гишпаніи близъ Локсы. Нѣтъ, это не метеоръ, отвѣчалъ Телисмаръ. — „Да что же такое? — Я не могу этого понять — онъ все приближается — посмотрите, какъ онъ свѣплѣетъ.“ — „Есть ли у васъ лорнетъ? — „Есть.“ — „Дайте мнѣ его.“ — Телисмаръ взялъ у Альфонса лорнетъ и смотрѣлъ на шаръ. Какое чудо! воскликнулъ онъ: кажется, что внизу шара вижу я родъ корабля или боша, которой соединенъ съ шаромъ. Вѣрно меня обманываетъ зрѣніе. Возмите лорнетъ и посмотрите сами. — Альфонсъ посмотрѣлъ и черезъ нѣсколько секундъ закричалъ: я вижу тамъ человѣка! — Телисмаръ засмѣялся. Теперь все изъяснилось, сказалъ онъ: это конечно путешествуетъ Скиѳъ Абарисъ (*). Ваше невѣроятіе меня не удивляетъ, отвѣчалъ Альфонсъ; потому что и я, видя тамъ своими глазами человѣка, не вѣрю тому. Одна-
кожъ

(*) Абарисъ получилъ отъ Аполлона стрѣлу, на которой онъ леталъ по воздуху.

кожь — Боже мой! что это за чародѣйство! — я вижу двухъ чело-
вѣкъ! — Сказавши сіе, Альфонсъ спалъ
пропираешь глаза свои; лорнетъ упалъ
у него изъ рукъ; онъ смотрѣлъ на Те-
лисмара, которой, будучи въ величайшемъ
изумленіи, не говорилъ ни слова. Черезъ
нѣсколько минутъ шаръ спалъ надъ
самымъ лугомъ. Теперь не могу уже
сомнѣваться! воскликнулъ Телисмаръ: на
этомъ золотомъ и пурпуровомъ шарѣ
вижу и я теперь людей. Непонятное чудо,
приводящее въ замѣшательство разумъ!
Вотъ поржество смѣлости, поржество
оспроумія человѣческаго! Возможно ли,
чтобы Небо позволило человѣку носиться
по сему ужасному пространству, опдѣ-
ляющему Его отъ той стихіи, изъ кото-
рой Оно образовало человѣка, и въ нѣд-
рахъ которой должны покоиться его
кости! — Телисмаръ не окончалъ еще
рѣчей своихъ, какъ шаръ, носившійся
надъ его головою, спалъ опускается
на землю. Тогда ясно увидѣли въ бле-
стящей колесницѣ, прикрѣпленной къ
шару, двухъ женщинъ: одна сіяла гордою
и благородною красотою Юноны или
Минервы, а другая, въ бѣлой одеждѣ и
розами увѣчанная, была подобна Аврорѣ

и прелестной. богинѣ цвѣтовѣ и весны. Альфонсѣ побѣжалѣ поближе къ шару, но сильное бѣненіе сердца заставило его остановиться. Нѣтъ! воскликнулѣ онѣ: такія существа не могутѣ быть шварями смертными! Онѣ приближаются, держа одна другую въ объятіяхѣ. Эпо безѣ сомнѣній Добродѣтель и Невинность, низходящія съ неба для того, чтобы воскресить древнія Златыя времена! — Что, что такое? — Не новая ли эпо мечта? — О Далинда! сія юная Богиня является намѣ въ швоемѣ образѣ, чтобы болѣ насѣ восхищать! — Я не смѣю повѣрить глазамѣ моимѣ; однакожь сердце обмануть меня не можетѣ. Эпо она --- эпо сама Далинда! — Альфонсѣ, будучи внѣ себя, кличетѣ Телисмара. Въ сію минушу шарѣ опустился на землю. Телимарѣ закричалѣ, побѣднѣлѣ, запряся: восхищеніе радости произвело въ немѣ сіе дѣйствіе. Между шѣмѣ бѣжалѣ онѣ къ шару. Богини бѣжали ему на встрѣчу и бросились въ его объятія. Альфонсѣ къ нимѣ приблизился; но не смѣя упастѣ къ ногамѣ Далиндинымѣ, остановился. Ужасное смѣщеніе сердца принудило его прислониться къ дереву; ноги его дрожали, и едва могѣ онѣ споять. Въ первыхѣ минушахѣ жи-
вѣи-

вѣйшей радости забыли магической шаръ, вышла изъ памяти колесница. Телисмаръ видѣлъ только супругу и дочь свою; любопытство его на сей разъ истребилося. Альфонсъ, свидѣтель сего прогашельнаго свиданія, хотя такъ же радовался, однакожь радость его была весьма несовершенна. Онъ разсматривалъ Далинду съ восхищительнымъ удовольствіемъ; могъ разумѣть слова ея, слыша ея говорящую все то, что только дочерняя любовь могла вдохнуть въ нее; но явленіе сіе привело ему на память отца его, и путь узналъ онъ, что нечистая совѣсть оправляетъ ядомъ самое чистѣйшее удовольствіе. — Между тѣмъ Телисмаръ опомнился, успокоился, почувствовалъ прежне любопытство и сталъ спрашивать жену и дочь свою о чудесномъ ихъ путешествіи. Онъ отвѣчали, что шаръ, на которомъ онъ лезъ, есть *аэростатической*, и что онъ отважился на такое путешествіе не прежде, какъ опытами увѣрившись въ безопасности его; что зная, когда Телисмару пріѣхать надлежало, захоули онъ удивить его и скорѣе съ нимъ увидѣться; что у Физика, у котораго онъ жили, былъ совсѣмъ готовой шаръ, и что взявши его, при благополучномъ вѣтрѣ по-

лешѣли онѣ на встрѣчу супругу и родителю; что лешѣвши черезъ лугъ, увидѣли онѣ ѣдущую коляску, и для того опустились на землю. Послѣ сего извѣщенія подошли къ шару, и жена Телисмарова кратко рассказала имъ опыты, дѣланные въ Мюзеппѣ и Тюллери. Телисмаръ весьма былъ прожунѣ, когда супруга его изображала ему всеобщее восхищеніе, произведенное сими опытами, и то удивленіе, которое возбудили въ цѣломъ народѣ изобрѣшатель сихъ шаровъ и славныя Физики, коихъ Героическая смѣлость доставила Франціи такое великолѣпное и новое зрѣлище. Телисмаръ съ удовольствіемъ слушалъ, что всѣ ученые участвовали въ семъ справедливомъ восхищеніи Французовъ. Альфонсъ удивлялся, что зависть не помрачила славы сего изобрѣшателя. Когда вы поболѣе объ этомъ подумаете, сказалъ Телисмаръ, то переспанете удивляться. Съ радостію принимаемъ мы всякое отккрытіе, которое приближаетъ насъ къ цѣли нашей. Подумайте, что Химикъ или Физикъ, открывши что нибудь важное, открываетъ всѣмъ ученымъ новую путь, даетъ имъ матерію ко многимъ важнымъ размышленіямъ и сообщаетъ новыя понятія; онъ предъ

предлагаетъ имъ новыя средства прославиться. Одно открытіе рождаетъ тысячи открытій. Всякой ученой спарастся довести изобрѣшенное до большаго совершенства, и показать всѣ выгоды, которыя можетъ имѣть отъ того или цѣлой родъ человѣческой, или нѣкоторыя части его. И такъ, не думая уменьшать достоинства перваго изобрѣтателя, напрягаетъ онъ всѣ свои силы, чтобы изобрѣшеніе сдѣлать полезнѣйшимъ и славнѣйшимъ. — Вы меня восхищаете, сказалъ Альфонсъ: и такъ есть путь, на которомъ люди, шедши къ одной цѣли, могутъ радоваться тому, что одинъ идетъ скорѣе и далѣе другаго; есть такое мѣсто подвиговъ, гдѣ побѣдителя увѣнчиваютъ соподвижники его, и торжество одного бываетъ для всѣхъ неистощимымъ источникомъ славы и новыхъ предпріятій? Для чего же наши Стихотворцы и другіе Писатели не слѣдуютъ такому примѣру? — Вы требуете невозможнаго, отвѣчалъ Телимаръ: доказаннаго дѣла оприцать не лзя; открытіе, утвержденное опытомъ, не подвержено никакой критикѣ. Но въ разсужденіи произведеній нашего воображенія бываетъ совсѣмъ иное. Никакой Писатель

не можетъ доказать математически, что его сочиненіе хорошо. Какъ бы онъ ни доказывалъ это въ предисловіи своемъ, но всякой можетъ утверждать противное; хотя бы его твореніе было самое превосходное, однакожь худой вкусъ и зависть могутъ всегда противъ эпова спорить. Отъ шого рождаются брани, ядовитыя крипики и вражды, копорыи наносятъ безчестіе Импературѣ. Ученой не можетъ написать ничего такого, что бы, будучи ново и важно, не было полезно всѣмъ ученымъ вообще; напротивъ шого остроуміе Поэты приносятъ честь только ему одному. И такъ по свойству самыхъ вещей надлежитъ быть между учеными болѣе согласія и справедливости, нежели между Стихотворцами и прочими Писателями. — Послѣ сего разговора прогуливались по лугу, по шомъ сѣли въ коляску и поѣхали въ Парижъ, куда и пріѣхали въ десять часовъ вечера.

Телисмаръ не долго пробылъ во Франціи, и поѣхалъ съ своимъ семействомъ и Альфонсомъ въ Англію. Они прожили нѣсколько времени въ Лондонѣ, но не получали никакого извѣстія о Донѣ Рамирѣ; по шомъ поѣхали въ Графство Дарби.

Дарби. Прибывши въ Бокстонъ, Телисмаръ предложилъ прогулку. Дорогою сказалъ онъ: я поведу васъ къ источнику, которому бы, по чудеснымъ силамъ, ему приписываемымъ, лучше быть въ Сициліи или Греціи, нежели въ этой Провинціи. Говорятъ, что онъ печетъ шолько для сердецъ постоянныхъ, и что всякой вѣрною любовникъ, нарушающій вѣрность, не можетъ пить воды его, потому что она переспаетъ печь, какъ скоро онъ приближается къ источнику. Давно уже, примолвилъ Телисмаръ, слышалъ я эту старую сказку, которая приводитъ на память источникъ Акадину и Аргирину исторію (*). Въ сію минушу проводники стали

(*) Источникъ Акадина въ Сициліи посвященъ былъ *Паликскимъ братьямъ*, которыхъ особливо обожали на семъ островѣ. Сему источнику приписывали чудное свойство показывать справедливость кляшвъ: ихъ писали на доскахъ и бросали въ воду, и если онъ не всплывали наверхъ, то кляшвы считали невѣрными.

. Паликскіе братья были близнецы, дѣти Юпитера и Талии. Сія Муза, боже
гѣба

бшали говорить съ Телисмаромъ по Англійски: Альфонсъ не зналъ сего языка. Они мнѣ говоряпъ, сказалъ Телисмаръ, что шеперь оспалось до испочника не болѣе ста шаговъ; но какъ дорога наполнена пнями и камнями, то они съ нашими людьми хопяпъ ишти напередъ, чшобы лучше провести насъ. Посидимъ подъ этими деревьями; они насъ кликнутъ, когда сыщутъ дорогу, по кошорой можно дойти до испочника съ меньшимъ шрудомъ. Телисмаръ сѣлъ на праву между женою и дочерью. Черезъ десять минутъ пришли за ними, и привели ихъ къ испоч-

гнѣва Юноны, просилъ землю поглотить ее: земля исполнила ея прозьбу. Тамъ родила она близнецовъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ они родились, явились два озера, страшныя для вѣроломныхъ. Другіе повѣствуютъ, что въ семъ мѣстѣ началъ тогда показываться огонь горы Эшны.

Аргира была Фессалійская Нимфа. Когда супругъ ея, Целенусъ, увидѣлъ, что она приближается къ смерти, то впалъ въ смертельную печаль. Венера, шронутая ихъ нѣжностію, превратила его въ рѣку, а ее въ испочникъ. Одна-
кожь

источнику. Я хочу, сказалъ Телисмаръ женѣ своей съ улыбкою, доказать шебѣ вѣрность мою, въ которой ты никогда не сомнѣвалась; къ тому же мнѣ и пить хочется. Сказавши сіе, подошелъ онъ къ источнику и спалъ пить. Кто же теперь будетъ утверждать, сказалъ онъ, что мужчины непостоянны? Посмотрите... Альфонсъ! не хочется ли и вамъ пить? — Я не чувствую жажды, отвѣчалъ Альфонсъ съ улыбкою, однакожь, послѣдую вашему примѣру, и я пить стану. Подите же сюда, сказалъ Телисмаръ. Когда Альфонсъ подошелъ къ источнику, Телисмаръ

кожь Целенусъ забылъ послѣ Аргиру, и съ того времени испреблялъ онъ изъ памяти любовниковъ ихъ любовь, естли они напивались воды его, или въ ней купались.

Въ Греціи были многіе иныя чудесныя источники, на прим. *Касталія*, Нимфа, которую Аполлонъ превратилъ въ источникъ, посвященной имъ Музамъ, и получившій отъ него силу восхищать Поэтовъ. Источникъ *Аганипа*, *Ипокрена*, или *Кавалинской источникъ*, имѣли шу же силу. Въ источникъ *Ацидалии* обыкновенно купались Граціи. Юнона купалась въ источникъ *Канаеосъ*.

смарѣ останоуилѣ его, сказавши шихонько: и вы осмѣлиуаетесь подвергнувшись такому опыту? Развѣ забыли вы Грецію и молодую Зою? — „Ахѣ, Телисмарѣ! какѣ вамѣ не стыдно!“, --- Однакожѣ вы уже вызвались; опсовѣпывать поздно; надобно пить. — Между шѣмѣ подошла кѣ нимѣ Далинда. Альфонсѣ, бояся, чпобы она не услышала словѣ Телисмаровыхѣ, наклонился кѣ источнику; но вѣ шу самую секунду, какѣ онѣ хотѣлѣ пить, вода останоуилась и совершенно перестала печь. Альфонсѣ смѣшался и почувствовалѣ вѣ сердцѣ своемѣ сильное биеиѣ; опѣ изумленія не могѣ онѣ сойти сѣ мѣста. Далинда покраснѣлась, принужденно улыбувшись; а Телисмарѣ вѣ молчаніи и сѣ усмѣшкою смотрѣлѣ на нихѣ. Наконецѣ сказалѣ онѣ Альфонсу: удались, нечистой, опѣ эпова священнаго источника! — Безѣ сомнѣнія, перервалѣ Альфонсѣ, шущѣ кроется хитрость; не лъзя. . . . Увѣряю васѣ, что эпортѣ источникѣ натуральной. „ — По крайней мѣрѣ кажется такимѣ. Однакожѣ вы, умѣя дѣлать множество чудесѣ, конечно можете останоуить и печеніе воды. — „Это бы подлинно было очень чудно.„ — Вы много подобнаго дѣлали. — „По край-ней

ней мѣрѣ это сверхъ моей возможности. Вѣрьте мнѣ, что вода оспановилась совсемъ не отъ меня, и что это чудо произведено одною Природою. Вечеру постараюсь вамъ это изъяснить. Пуспите же меня на свое мѣсто; совѣсть у меня чиста; мнѣ не чего бояться. Смотрите, вода потчасъ покажется. — Въ самомъ дѣлѣ, лишь только Телисмаръ спалъ подлѣ источника, вода потекла весьма быспро. Посмѣявшись надъ Альфонсомъ, взялъ онъ его за руку и пошелъ отъ чудеснаго источника (*).

Аль-

(*) Источинѣ Бокстонской,¹ въ графствѣ Дарби, течетъ только, въ часъ пятнадцатъ минутъ. Dictionnaire des Merveilles de la Nature, Tom. I. p. 349. ----- Неудобно предполагать, что Телисмаръ, внавши сіе, смотрѣлъ на часы, чего Альфонсъ не примѣтилъ, и могъ угадать, когда вода оспановится и опять потечетъ. Подобныхъ источниковъ много.

Горячій источникъ Бозелейской, въ провинціи Шропъ, весьма достоинѣ удивленія. Онъ показался за 65 лѣтъ передъ симъ послѣ сильной бури. Едва буря утихла, какъ среди ночи ужасной шумъ разбудилъ всѣхъ жишелей, копорые,

АльфонсѢ не споль уже былѢ несвѣ-
душѢ, чипобы вѣришь волшебству испоч-
ника; подумавши, угадалѢ онѢ почти и
причину такого чуднаго дѣйсвія. Одна-
кожь Телисмарова шутка вѢ такое при-
вела

рые, видя чрезвычайное движеніе земли,
спрашились общей гибели. Многие оста-
вили дома свои и взошли на небольшую
гору, на рѣкѢ СевернѢ. Земля подыма-
лась и опускалась тамѢ нѣсколько разѢ
вѢ минушу. ОдинѢ изѢ зрители про-
вернулѢ вѢ землѢ дыру, вѢ діаметрѢ
нѣсколько дюймовѢ. ВѢ шу же се-
кунду брызнула изѢ нее кипящая вода
сѢ такою силою, что сей человекѢ упалѢ.
ЧерезѢ минушу сей же самой человекѢ
шелѢ мимо испочника сѢ зажженною
сѢчєю: вода загорѢлась и выбрасывала
пламя; когда ее закрыли отѢ воздуха,
пламя исчезло. СѢ того времени сей
испочникѢ имѢетѢ одинакое свойство.
Вода загарается, какѢ скоро подойдешь
кѢ ней сѢ огнемѢ: и сей огонь плакѢ
силенѢ, что вѢ секунду превращаетѢ
вѢ пепелѢ большіе куски сыраго дерева.
Не взирая на великое пламя, вода ни
мало не горяча. БлизѢ Веллен вѢ Испа-
ліи есть такою же свойства испочникѢ.
M. de Bomare.

удивленіемъ. . . „О! я не сомнѣваюсь въ
ея равнодушіи, я называлъ васъ жесто-
косердымъ прошивъ меня.„ — Однакожь
помните, что мы уговорились скрыватьъ
отъ Далинды наше намѣреніе. — „Да,
вы приказали мнѣ скрыватьъ отъ нее мои
чувства.„ — До сего времени вы меня
слушались; за что васъ и благодарю отъ
всего сердца. — „Естьли бы вы знали,
какъ мучитъ меня это принужденіе! Со-
гласившись на такое предложеніе, зналъ
я Далинду весьма еще несовершенно. Уже
два мѣсяца слышу ее говорящую, всякой
день ее вижу. Вы мнѣ позволили на-
дѣяться, что нѣкогда получу ее руку, а
принуждаете меня молчать!„ — Правда,
что я обѣщалъ соединить васъ съ Да-
линдою; однакожь съ шѣмъ условіемъ,
чтобы вы заслужили прежде все мое по-
чтеніе. Супругъ Далиндины долженъ быть
человѣкъ весьма достойной. — „Ахъ! кто
можетъ потребовать эпова имени, естьли
надобно прежде сдѣлаться того досто-
нымъ? Проспите мнѣ Телисмаръ, что я
по неразумію моему вздумалъ роптать. Я
не могу никогда быть достойнымъ того
сокровища, которое вы мнѣ обѣщаете; одна-
кожь нѣтъ такой жертвы, которую не со-
гласился бы я принести для полученія эпова

сокровища. Скажите, чего вы отъ меня пребуеете? — Только одного; но это одно будетъ мнѣ порукою за все, за всѣ ваши добродѣтели. Коротко сказать, я пребую того, чтобы вы наѹчились управлять своими склонностями. — „Еще обѣщаю вамъ скрывать отъ Далинды любовь мою, копорая, кажешся, со дня на день возрастаетъ.“ — Этова еще для меня не довольно. У Далинды разумъ проничательной; она видитъ, что я васъ люблю: и естли не будетъ думатьъ, что вы влюблены, то легко ей угадать наши мысли. И такъ надобно, чтобы вы обѣщались мнѣ не говорить ничего такого, что можетъ перемѣнить ея мнѣнія. — „И такъ вы хотите, чтобы я рѣшился обманывать ее? — Будьте увѣрены, что она сама не спанетъ васъ объ этомъ спрашивать; и такъ вы не обманете ее ни въ чемъ. Вы знаете, что я сказалъ Далиндѣ; и такъ прошу васъ только о томъ, чтобы вы какими нибудь двусмысленными словами не старались разувѣрить ее. — „Далинда думаетъ, что я влюбленъ, и что люблю не ее, — Оставьте ее въ заблужденіи; этова я отъ васъ пребую. — „Хорошо, я вамъ повинуюсь; однакожь это раздираетъ мое сердце.“ —

Какое Романическое выраженіе! я пребую
опѣ васѣ шого, что ни мало не можетѣ
заспавишь Далинду менѣе почищать васѣ:
о чемѣ же печалиться? опѣ чего тупѣ
раздираться вашему сердцу? — Альфонсѣ
не могѣ удержаться опѣ слезѣ; Телисмарѣ
его обнялѣ и перемѣнилѣ разговорѣ.

Телисмарѣ поѣхалѣ изѣ Бокспона и
проводилѣ дочь и жену свою до границѣ
Шотландіи (*). Тамѣ они разспались:
Далинда и мать ея поѣхали вѣ Эдимбургѣ
кѣ одному родственнику своему, спарому
благодѣшелю жены Телисмаровой, копорой
сѣ

(*) Вѣ Шотландіи естѣ гора, называемая
Кор-Кидѣ, которая изѣ самыхѣ высочай-
шихѣ меридіановѣ вѣ мѣрѣ. Перпендику-
лярная вышина ея, какѣ говоряшѣ, болѣ
400 сажень. Она разсѣлась до самаго
верьха прямо прошивѣ полудня. Обѣ
вершины горы составляютѣ нѣкопорой
родѣ солнечныхѣ часовѣ, копоры пока-
зываютѣ время шѣнію, бросаемою ими
на прошивоположные камни.

Вѣ Швейцаріи естѣ такая же фено-
мена, называемая *разсѣлина Св. Мартина*.
Сквозь сію разсѣлину вѣ Мартѣ и Сен-
тябрѣ освѣщаетѣ солнце башню вѣ дерев-
нѣ Эльмѣ, вѣ Кантонѣ Гларисѣ.

сѣ нетерпѣніемъ ожидалъ ихъ. Между шѣмъ Телисмаръ хотѣлъ побывашь сѣ Альфонсомъ вѣ Исландіи. Сія разлука была для Альфонса шѣмъ мучительнѣе, что Далинду оставялъ онъ увѣренною вѣ его равнодушіи, и что расставаясь сѣ нсю надлежало ему скрывать свою горесть. Однакожь вѣ семъ случаѣ показалъ онъ шакую пвердоссть, которая и самаго Телисмара удивила. Бояся показашь свою слабоссть, едва смѣлъ онъ смосрѣшь на Далинду, и при прощаніи говорилъ единственнено то, чего пребовала учпивоссть и благоприспойноссть.

Оставшись одинъ сѣ другомъ свѣимъ, далъ онъ свободное печеніе своей горести; однакожь нѣжныя похвалы Телисмаровы облегчили его печаль. Они сѣли на корабль, и приплывши вѣ Исландію, были вѣ Скальгошѣ, а оштуда поѣхали вѣ Гейцерѣ. Вѣ семъ дикомъ мѣстѣ удивлялись они напуральному каскаду, падающему сѣ чрезвычайной вышины; но другое удивительнѣйшее зрѣлище заняло все ихъ вниманіе. Оборотившись сюда, сказалъ Телисмаръ, и посмотрише на великолѣпныя сполны, которые, кажется, соспавлены изъ рубиновъ, слоновой кости и хрушшала. Альфонсѣ увидѣлъ на просп-

ранной плоскости, покрытой пропастями и камнями, множество водометовъ разнаго цвѣта: одни были свѣтлокрасные, другіе самые бѣлѣйшіе, иные же обыкновеннаго водянаго цвѣта; но всѣ они вообще, казалось, достигали до облаковъ (*). Альфонсъ и Телисмаръ долго разсматривали сіе великолѣпное зрѣлище. Осмотрѣвши въ Исландіи множество иныхъ примѣчанія достойныхъ феноменъ, сѣли они на корабль и возвратились въ Англію. Альфонсъ увидѣлся опять съ Далиндою, и горесть разлуки потчасъ была забыта; однакожь стараніе скрывать свою радость весьма дорого ему стоило.

Телисмаръ оставилъ Англію и съ несказанною радостію отправился на корабль въ Швецію. Послѣ великихъ трудовъ и долгаго путешествія прибылъ онъ благополучно въ свое отечество, принятъ былъ съ восхищеніемъ въ объятія друзей своихъ. Онъ увидѣлъ добродѣтельнаго Зуласкія, у котораго жилъ онъ на островахъ

(*) Г. Докторъ Туаль описываетъ сіи водометы. Письмо его о семъ напечатано въ *Nouvelles de la Republique des Lettres & des Arts, année 1783, No 9. Mercredi, 26 Fév.*

вахъ Азорскихъ, и котораго домъ стоить чудесно занесенъ былъ въ море. Съ удовольствіемъ слышалъ онъ, что сыновья любовь сего молодого человѣка сдѣлала его предметомъ всеобщаго удивленія, что Король осыпалъ его благодареніями, что онъ женился на добродѣтельной своей любовницѣ и былъ щастливѣйшимъ супругомъ. Телисмаръ, пришедши къ нему въ домъ, нашелъ его сидящаго между родителями и супругою, и держащаго на рукахъ маленькаго сына. Какъ вы щастливы! сказалъ ему Телисмаръ: щастіе ваше пѣтъ совершеннѣе, что имъ обязаны вы единственно добродѣтели вашей. Всѣ принимаютъ участіе въ вашемъ благополучіи; злобная зависть молчитъ, не смѣя обнаружиться, бояся подвергнуться всеобщему негодованію. Вы исполнили всѣ священныя сыновнія должности: и такъ можете ли бояться, чтобы сынъ вашъ былъ прошивъ васъ неблагодаренъ? Расскажите ему только вашу исторію, и вѣрно будетъ онъ добродѣтеленъ.

Между пѣтъ Альфонсъ болѣе прежняго безпокоился объ участи своего отца, и надѣясь найти его въ Россіи, сказалъ Телисмару, что онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ. Телисмаръ, воображая, сколь

мучительно будетъ состояніе Альфонса, естли онѣ и памѣ не найдетъ своего отца, не могѣ сѣ нимѣ разспашься: онѣ поѣхалѣ сѣ нимѣ вмѣстѣ. Вѣ Петербургѣ нашли они Фридриха, стараго Телисмарова знакома, сѣ которымѣ видѣлися они на островѣ Поликандро. Видно, сказалѣ имѣ Фридрихѣ, что мнѣ опредѣлено показывать вамѣ все чрезвычайное; естли хотите, то я поведу васѣ вѣ хрустальной домѣ -- -- Мы знаемѣ, перервалѣ Альфонсѣ, что вы называете такѣ натуральную пещеру. Теперь, отвѣчалѣ онѣ, увидите вы дѣйствительной хрустальной домѣ, сдѣланной человѣческими руками по всѣмѣ правиламѣ архитектуры. Однакожѣ Альфонсѣ не хотѣлѣ ему вѣришь; по чему Фридрихѣ, желая поскорѣ увѣришь его, пошелѣ сѣ нимѣ кѣ хрустальному дому. Какѣ скоро они увидѣли его, Альфонсѣ отѣ великаго удивленія закричалѣ; по тому что глазамѣ его представилѣся дѣйствительно прозрачной домѣ прекрасной архитектуры, кошорой, казалось, сдѣланѣ былѣ изѣ разноцвѣтныхѣ хрусталей. Подойдемѣ поближе, сказалѣ Фридрихѣ: ваше удивленіе еще умножится. Посмотрите на эту бапарю, гдѣ стоятѣ пушки. — Вѣ самую сию

сію секунду заиграла прекрасная музыка. Эпозъ концертъ, сказалъ Фридрихъ, дается въ чудесномъ домѣ. Двери ошворены: осмѣлитесь ли вы войти въ такое мѣсто, въ которомъ конечно живутъ какія нибудь волшебницы? Я такъ знакомъ съ волшебствомъ, отвѣчалъ Альфонсъ съ усмѣшкою, что не могу уже бояться его. — Они вошли въ великолѣпныя ворота, и, провождаемы согласными звуками небесной музыки, вступили въ пространную залу, которой столпы и внутреннія стѣны, составленныя изъ одной матеріи съ наружными стѣнами, были украшены гирляндами и фесфонами. Въ хрустальныхъ жирандоляхъ, поставленныхъ по угламъ залы, горѣло множество восковыхъ свѣчъ, которыя производили свѣтъ самой блестящей. Но всего болѣе удивила Альфонса красота женщинъ, собравшихся въ семъ магическомъ домѣ. Легко ему было почестъ ихъ Феями. Онѣ были одѣты подобно тому, какъ изображаютъ Калипсу или Нимфѣ Диавы, Арсипузу или прекрасную Аполланту. На нихъ были собольи и куныи шубы; на головѣ блистали у нихъ бриліанты. Убранство и прелести ихъ зашмѣвали самое великолѣпное хрустальнаго дома.

Альфонсѣ, вышедши изъ сего дома, узналъ, что онъ весь сдѣланъ былъ изъ льда рѣки Невы (*). — Какое чудо, ма-тушка! перервалъ Пётръ: я никакъ бы по-тому не повѣрилъ, естли бы эпошъ домъ поспросиъ былъ не у насъ въ Россіи, и естли бы я отъ многихъ людей эпова не слышалъ, а особливо отъ дѣдушки, копорой самъ въ немъ былъ. — Какъ вы все удивительное умѣли собрать вмѣстѣ, матушка! сказала Камерина: Сказка ваша подлинно чудеснѣ всѣхъ волшебныхъ сказокъ. Пожалуйте читайте далѣе; мы уже ни слова не скажемъ. Теперь уже поздно, ошвѣчала Гж. Добролюбова: завтра услышите концъ Альфонсовой исторіи.

На другой день ввечеру Гж. Добролюбова продолжала читать свою Сказку.

Всѣ Альфонсовы развѣдыванія объ отцѣ его были пакъ же тщетны, какъ и въ Англіи. Угнѣтенной горестію, находилъ онъ единственное утѣшеніе въ дружбѣ Телисмаровой. Вы не можете пред-

(*) Сей домъ, поспроенной въ Петербургѣ вимую въ 1740 году, былъ длиною въ 52 $\frac{1}{2}$, шириною 16 $\frac{1}{2}$, а вышиною 20 фу-тсвъ.

предпринять ничего важнаго безъ согласія вашего родителя, сказалъ ему Телисмаръ: иначе пресупите вы сыновнія должно-сти. Вамъ, любезной Альфонсъ, надобно терпѣливо сносить участь вашу. Вы всячески старались найти отца вашего: теперь надлежитъ вамъ ждать того времени, въ которое законы позволятъ вамъ поступать по своей волѣ. Съ нынѣшняго времени вы разстанешь съ Далиндою, и только тогда увидите ее, когда судьба позволитъ вамъ преbоbавать руки ея. Между тѣмъ вы будете жить въ Швеціи, въ моемъ домѣ, въ которомъ жилъ я прежде моего путешествія. Я провожу васъ сюда, -- -- по томъ прощусь съ вами и поѣду въ Стокгольмъ къ моему семейству. Хотя мы будемъ жить въ разныхъ мѣстахъ, однакожь въ одной Землѣ, и можемъ надѣяться черезъ два года навсегда соединиться. — Какая ужасная ссылка! воскликнулъ Альфонсъ: какая разлука! Все это перенесъ бы я терпѣливѣе, естли бы Далинда знала любовь мою къ ней; естли бы могъ я надѣяться, что она обо мнѣ сожалѣть будетъ . . . Однакожь я готовъ на все. О естли бы спрданіемъ моимъ могъ я загладить прежнія мои пресупленія! О естли бы Небо, пронупое

моимъ

моимъ раскаяніемъ, возвратило мнѣ отца, о которомъ столько слезъ проливаю!

Телисмаръ оставилъ Петербургъ и проводилъ Альфонса въ назначенное для него жилище, старой замокъ, лежащій въ дикомъ мѣстѣ въ окрестностяхъ Сальсебериста. И такъ въ этомъ уединеніи жить мнѣ два года! сказалъ Альфонсъ. Если бы не мучила меня совѣсть, то я въ самой этой ссылкѣ могъ бы найши какое нибудь утѣшеніе; но оставшись наединѣ съ моею совѣстію, всегда меня упрекающею -- -- -- Раскаяніе полезно, прервалъ Телисмаръ: однакожь не давайте печали великой надѣ собою власти. Спирайтесь въ уединеніи разпространять ваши знанія. Я общалъ вамъ *сокровище*, которымъ вы уже можете пользоваться. Видите ли сполнія шупъ книги? Вошъ безсмертное твореніе, которое совершенно откроетъ вамъ тайныява Природы. Я оставлю васъ еще черезъ нѣсколько дней; по чему успѣю въ окрестностяхъ эпова замка показать вамъ такія мѣста, кошорыя достойны вашего любопытства.

На другой день на самомъ разсвѣтѣ Телисмаръ и Альфонсъ сѣли въ коляску. Телисмаръ сказалъ, что прогулка ихъ будетъ

дешъ

дешъ самая пріятная; но Альфонсъ былъ въ такой глубокой печали, что не надѣялся почувствовать никакого удовольствія. Проѣхавши около трехъ миль, прибыли они въ мѣсто дикое и пустое, окруженное со всѣхъ сторонъ великими горами. Остановимся, сказалъ Телисмаръ: естли бы я не зналъ вашего мужества, то не привезъ бы васъ въ эту пустыню; по тому что шеперешнее предпріятіе наше очень опасно. Пойдемте. Видите ли тамъ между горъ при пропасти? Мы спустимся въ нихъ. --- Въ самую сію минушу подошли къ Телисмару два человекъ ужаснаго вида; платье на нихъ было длинное, чернаго цвѣта; въ обнаженныхъ рукахъ своихъ держали они горящіе факелы. Вотъ вожди наши, сказалъ Телисмаръ: шеперь надобно намъ разстаться; однакожь скоро мы опять сойдемся.

Съ однимъ изъ сихъ проводниковъ ушелъ Телисмаръ. Альфонсъ пошелъ за другимъ, которой дорогою не говорилъ ни слова. Черезъ нѣсколько минутъ пришелъ онъ къ одной пропасти, остановился и въ отверзтіи увидѣлъ маленькую бочку, которая, казалось, висѣла на воздухѣ. Проводникъ его бросился въ сію странную барку; Альфонсъ послѣдовалъ его примѣру.

Про.

Проводникъ, держа все факелъ въ рукѣ, запѣлъ жалостнымъ голосомъ. Въ ту самую минушу, какъ плачевной голосъ его раздался по воздуху, барка быстро стала опускаться внизъ, какъ быг невидимая рука мчала ее въ бездну. Альфонсу, поднявшему глаза вверхъ, показалось небо непримѣнною почкою. Но скоро по томъ совсѣмъ спало оно не видно. Альфонсъ видѣлъ одного только спранныго своего спущника, котораго ужасной видъ привелъ ему на мысль перевозчика рѣки Спикса.

Черезъ четверть часа спалъ Альфонсъ удивляясь ужасной глубинѣ сей пропасти. Вдругъ услышалъ онъ на всѣхъ сторонахъ вокругъ себя шумъ низвергающихся рѣкъ. Сей шумъ представилъ воображенію его ужасныя рѣки Гаршара. Удивленіе и любопытство его безпрестанно возрастали; тайное предчувствіе смущало и попрысало все его сердце. Чувствуя великое движеніе во внутренности своей, не зналъ онъ, что съ нимъ дѣлалось. Наконецъ барка остановилась. Альфонсъ изъ нее выскочилъ. Въ ту же минушу пришелъ къ нему Телисмаръ. Опшедши вмѣстѣ нѣсколько шаговъ, глаза Альфонсовы освѣщены были блестящимъ свѣтомъ.

Не лъзя изобразить его удивленія, какъ онъ вошелъ въ пространную, великолѣпную, серебряную залу, поддерживаемую серебряными же сполпами; изъ сей залы былъ ходъ въ чешыре большія галереи. Чистой ручай текъ по залѣ и галереямъ. Сіе великолѣпное зданіе освѣщено было множествомъ лампадъ. Все сіяло въ сихъ подземныхъ мѣстахъ. Серебряныя стѣны, своды и чистѣйшій ручай опсвѣчивали огни лампадъ.

Альфонсъ и Телисмаръ вошли въ галереи. Тамъ нашли они множество людей, занятыхъ разною работою. На концѣ галерей увидѣлъ Альфонсъ множество домовъ, лошадей, колясокъ; онъ увидѣлъ и вѣтряную мѣльницу --- Какъ, ма-тушка! перервала Елисавета: подѣ землю серебряной городъ, и въ городѣ лошади, коляски и вѣтряная мѣльница? — „Этотъ городъ точно таковъ, какъ я вамъ описала его. Между тѣмъ дайше мнѣ окончатъ мою повѣсть и не перерывайте ее.“

Телисмаръ возвратился съ Альфонсомъ опять въ галереи. Вошедши туда, Телисмаръ ужаснулся, примѣчая, что свѣтъ лампадъ слабѣетъ. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ, что по воздуху летаетъ
нѣ-

ничто подобное бѣловатому покрывалу. Тотчасъ схватилъ онъ Альфонса за руку, побѣжалъ съ нимъ и принудилъ его броситься на землю. Въ ту самую минуту ужасной крикъ наполнилъ всѣ подземные своды. Весь свѣтъ погасъ; страшная мрачность заступила мѣсто его. Глубокое молчаніе умножало еще ужасъ сего чудеснаго явленія. Черезъ нѣсколько секундъ услышали какъ бы пушечной выстрѣлъ, всѣ вспали и закричали, что опасность прошла; лампы опять засвѣтили. Телисмаръ оборотился къ Альфонсу и сказалъ: смерть висѣла у насъ надъ головою. Вотъ опасность, которой часто подвергаются въ эшихъ глубокихъ пропастяхъ, корыстолюбивѣ и ископанныхъ! Не эпитъ несчастной народъ, лишенной свѣта солнечнаго, наслаждается сокровищами, которыя вырываетъ онъ изъ нѣдръ земныхъ. Бѣдность принуждаетъ живыхъ людей сходиться въ эпитъ мрачной гробъ. Среди богатствъ, ихъ окружающихъ, едва могутъ они кормиться; посвящаютъ жизнь свою самымъ труднѣйшимъ работамъ, изтощаютъ здоровье, сокращаютъ жизнь ---

Сердце мое соболѣзнуетъ объ эшихъ несчастныхъ жертвахъ, перервалъ Альфонсъ

фонсѣ (*): но . . . что еще дѣлается?
посмотрите: тамъ всѣ сбѣгаются въ
кучу. — Сказавши сіе, пошелъ Альфонсѣ
опять на конецъ галереи; Телимаръ по-
Часть. XII. No. 50. К шелъ

(*) Серебряной Сальсеберистской рудникъ въ
Швеціи представлялъ прекраснѣйшее
зрѣлище. Въ сей рудникъ спускаются
черезъ три широкия отвѣрстія, подоб-
ныя колодцамъ, копорыхъ дна не видно.
Половина бочки, повѣшенной на веревкѣ,
служитъ крыльцомъ; на ней спускаются
въ сію бездну, посредствомъ машины,
приводимой въ движеніе водою. Въ бочкѣ
стоишь по поясъ, и только на одной
ногѣ. Товарищемъ бываетъ черной че-
ловѣкъ, которой поетъ жалостную пѣсню
и держитъ въ рукѣ факелъ. Опустив-
шись до половины, чувствуешь великой
холодъ, слышишь на всѣхъ сторонахъ
шумъ спремѣющихся рѣкъ. Черезъ пол-
часа опустишься на дно ямы. Тогда
весь страхъ исчезаетъ. Ни чего ужаснаго
глазѣмъ уже не представляется. На-
противъ того въ сихъ подземныхъ мѣ-
стахъ все блистаетъ. Входишь въ боль-
шую залу, поддерживаемую двумя стол-
пами изъ серебряной руды. Къ ней при-
мыкаются четыре пространныя галереи.
Огни, освѣщающіе работниковъ, освѣ-
чива-

шелъ за нимъ же. Имъ встрѣтился чело-
вѣкъ, копорой увѣдомилъ ихъ, что одинъ
работникъ, не успѣвшій погасить свѣчи,
когда мефетической паръ разпространился,
упалъ

чиваются серебряными сводами и чистымъ
источникомъ; текущимъ среди рудника.
Тамъ увидишь людей всѣхъ народовъ:
одни возятъ коляски, другія ворочаютъ
камни. Всѣ въ работѣ. Найдешь под-
земной городъ; тамъ пракширы, дома,
конюшни, лошади. Но всего чуднѣе тамъ
вѣтряная мѣльница, приводимая въ дви-
женіе воздухомъ; она никогда не оста-
навливается и служитъ къ отводу воды,
копорая мѣшала бы работашь. --- Въ
1478 году нашли въ Гарцѣ кусокъ се-
ребра, изъ котораго вылили такой боль-
шой столъ, что за нимъ могли сидѣть
двадцать четыре человека. Во время
Олауса Ворміуса вынули изъ Норвегскихъ
рудниковъ кусокъ серебра вѣсомъ во
130 марковъ. Изъ серебра, разпущен-
наго купоросною кислотою, дѣлаются
хрустали, копорые, будучи расплавлены
и влиты въ форму, составляютъ такъ
называемой *адской камень* (Lapidem infer-
nalem). --- Металловъ считается обык-
новенно шесть: свинецъ, олово, желѣзо,
мѣдь, серебро, золото. Желѣзо жестче
мѣди,

упалъ вѣ обморокѣ, и что его стараются привести вѣ чувствво. У меня естѣ вѣ карманѣ спиртъ, сказалъ Телисмарѣ, копорой вѣрно ему поможешѣ; пойдешѣ къ нему.

К 2

Аль-

мѣди, мѣдѣ серебра, серебро золота, золото олова, олово свинца. Вѣ разсужденіи ихѣ ковкости или гибкости, занимаешѣ первое мѣсто золото, вѣторое серебро, третіе мѣдѣ, четвертое желѣзо, пятое олово, шестое свинецѣ. Вѣ запискахѣ Академіи Наукѣ сообщается, что изѣ одной унціи золота вытянута была проволока вѣ 1,095, 000 футовѣ длиною.

Изѣ ямѣ, пещерѣ, изѣ металлическихѣ жилѣ, копюрыя идушѣ не далеко отѣ поверхности земли, и изѣ подземныхѣ галерей, изѣ которыхѣ вынимаютѣ каменные уголья, выходятѣ изпаренія разнаго рода, производящія разныя дѣйствія. Сии изпаренія называются различно по ихѣ свойству. Вѣ минахѣ, давно оставленныхѣ, бываюшѣ подземные пары, копорые собственно называются изпареніями, и копорые великое участіе имѣюшѣ вѣ составленіи и разрушеніи минераловѣ; пошому что по-

сред-

Альфонсѣ и Телисмарѣ пошли поско-
рѣе. Они продрались сквозь толпы, со-
бравшейся вокругъ больного, и подошли
къ нему. Сей несчастной безъ памяти ле-

средствомъ ихъ бываютъ безпрестанно
разрѣшенія (dissolutions), послѣ коихъ
произходятъ новыя соединенія (combinaisons). Сии минеральныя изпаренія всего
болѣе участвуютъ въ кристаллизаціи,
крашеніи камней и минерализаціи. ---
Дикой огонь (le feu briffou, ou feu sauvage)
показывается иногда въ нѣкоторыхъ
угольныхъ минахъ, въ рудокопняхъ и
проч. Сей паръ выходитъ съ нѣкопс-
рымъ свисломъ черезъ щрещины шѣхъ
подземныхъ мѣстъ, гдѣ работаютъ, и
показывается въ видѣ бѣлыхъ нитей или
паушинъ, копорыя въ концѣ лѣша ле-
таютъ по воздуху. Когда сей паръ не
раздѣленъ еще воздухомъ, то воспла-
няется онъ отъ лампадъ работниковъ,
и производитъ дѣйствія, подобныя дѣй-
ствіямъ грома и пороха. Чшобы пред-
упредить сии опасныя дѣйствія, работ-
ники смотрятъ на бѣлыя нити, выле-
тающія изъ щрещинъ. Они ловятъ ихъ,
пока еще не успѣли онѣ загорѣться отъ
ихъ лампадъ, и разшираютъ ихъ въ ру-
кахъ. Если же ихъ очень много, то га-

лежалъ на землѣ. Онъ умеръ, сказалъ одинъ изъ его поварищей, увидѣвши подходившихъ къ нему Телисмара и Альфонса. Альфонсъ, исполненной сожалѣнія, взглянулъ

К 3

нулъ

гасящъ весь свѣщъ, бросаются брюхомъ на землю и крикомъ своимъ увѣщаютъ товарищей сдѣлать то же. Тогда матерія, воспалившаяся прежде еще погашенія свѣща, проходитъ по спинѣ ихъ и причиняетъ вредъ только тѣмъ, которые не употребили такой оспорожности: сіи бывающъ умерщвлены или ранены. Сія матерія выходитъ съ шумомъ и проч. -- Самое удивительное явленіе, представляемое намъ минеральными испареніями, есть то, которое рудокопатели называютъ *шаромъ* (Ballon). Сей шаръ называемой шаръ показывается на верхней части рудокопныхъ галерей въ видѣ круглаго мѣшка, какъ бы изъ паупины составленнаго. Когда сей мѣшокъ разорвется, то заключенная въ немъ матерія разпространяется въ подземныхъ галереяхъ и умерщвляетъ всѣхъ тѣхъ, которые вдохнутъ ее въ себя. -- *Газомъ* (gaz) называютъ болѣе или менѣе видимыя испаренія глубокихъ подземныхъ мѣстъ, на прим. рудокопныхъ галерей. Иногда выходитъ сей *газъ* изъ ямъ, пещеръ

нулъ на печальной предметъ — запре-
пешалъ — отскочилъ назадъ — бросил-
ся къ нему. — разсматривалъ его въ из-
ступленіи. Кровь у него охладѣла, во-
лосы

щеръ или земляныхъ щещинъ. Такъ
называемой духъ минеральныхъ водъ
есть родъ *газа*. --- Нынѣ называютъ
газомъ всякой родъ невидимыхъ паровъ,
которыя могутъ разрушать электриче-
скую силу воздуха, погашаютъ огонь,
и проч. Всѣ пары, выходящія черезъ
сожженіе изъ распительныхъ и живош-
ныхъ суцностей, изъ гнющихъ тѣлъ
и отходовъ, суть также родъ *газа*. --
Собственно называемой мефитической воз-
духъ есть упругая, прозрачная жид-
кость, не имѣющая цвѣта и смѣшива-
ющаяся съ водою во всякой пропорціи.
Сей воздухъ отличаетъ отъ простаго
воздуха только тѣмъ, 1) что самъ
собою онъ тяжелѣе онаго; 2) что жи-
вошное не можетъ въ немъ жить и ды-
шать, но въ ту же минуту умираетъ
въ конвульсіяхъ, если посадишь оное
въ наполненной имъ сосудъ; 3) что
не можетъ питать пламени горящаго
тѣла, потому что сіе свойство, равно
какъ и свойство сохранять жизнь зем-
ныхъ животноныхъ, исключительно при-
надле-

лосы стали дыбомъ; и какъ бы пораженной громовою стрѣлою, упалъ онъ въ обморокъ подлѣ несчастнаго, котораго видъ произвелъ въ немъ такое ужасное дѣйствіе.

Телисмаръ бросается помочь Альфонсу. Незнакомца поручаетъ онъ окружающимъ

К 4

щимъ

надлежитъ воздуху; по чему огонь въ мефитическомъ воздухѣ какъ бы въ водѣ погасаетъ, только безъ всякаго треска и шипѣнія, и горячее тѣло въ простомъ воздухѣ потъ же часъ можетъ опять воспламениться. Четвертое отличительное свойство мефитическаго воздуха есть то, что онъ смѣшивается съ водою въ большемъ количествѣ, нежели чистой. Замѣнить надобно, что хотя мефитическій воздухъ и умерщвляетъ въ одну минушу животныхъ, однакожь безъ всякой опасности можно пить воду, имъ наполненную; и что онъ еще можетъ излѣчать нѣкоторыя болѣзни. Сіе ясно доказываетъ, что онъ не собственно пожирающимъ свойствомъ умерщвляетъ животныхъ, но что онъ по-длинно не есть воздухъ и не можетъ замѣнить той жидкой маперин, въ которой единственно можно дышать и жечь тѣла. M. de Bomare.

щимъ его людямъ, отдавши имъ свою скляночку и кошелекъ; Альфонса же перенесъ въ другую галерею. Минувъ черезъ пять Альфонсъ пошевелился, открылъ глаза и закричалъ жалостнымъ голосомъ. Ужасное отчаяніе видно было въ его взглядахъ и черты лица его безобразило. Опецъ мой! воскликнулъ онъ: это мой опецъ!.. Варвары! отдайте мнѣ его! . . Пусть поведутъ меня къ нему. . . Я хочу видѣть его, упасть къ его ногамъ и подлѣ него умереть. . . Боже мой! въ какихъ мѣстахъ нахожу его! . . . Его уже нѣтъ на свѣтѣ, а я живу еще! . . . Меня освѣщало солнце, а мой опецъ воздыхалъ въ этой ужасной безднѣ! . . . Пустите меня, говорилъ онъ, свирѣпо отшалакивая отъ себя Телисмара: пустите меня. Бѣгите отъ чудовища, недостойнаго видѣть свѣта. Я отрекаюсь отъ свѣта и щастія. Это подземное мѣсто будетъ моимъ гробомъ.. Здѣсь гробъ отца моего. . . По крайней мѣрѣ смерть соединитъ насъ.

Альфонсъ, произнеся сіи слова перерывающимся голосомъ, напрасно старался вырваться изъ объятій друга своего. Постой, постой, Альфонс! воскликнулъ Телисмаръ; не уже ли не видишь ты Телисмара, не слы-

слышишь голоса друга своего? — „Ахъ! я вижу только одного отца моего, слышу голосъ одной только Природы, копорой вопіетъ во глубинѣ уязвленнаго сердца моего!„ — Прошу тебя, любезной другъ, прошу тебя на минушу успокоиться, и, еспли можно, меня выслушать. Еспли ты не ошибаешься по одному сходству, що все еще можешь надѣяться - - - „Боже мой! онъ живъ оспанется!„ — Онъ можетъ очувствоваться — Боже мой! воскликнулъ Альфонсъ, бросившись на колѣни и поднявши руки къ небу: Боже мой! сжался надо мною несчастнымъ и опчаяннымъ! возврати мнѣ отца моего! . . Любезной Телисмаръ! поведише меня къ нему. — „Нѣтъ, погодимъ немного; вы знаете, какое сильное движніе должно произвести въ немъ такое свиданіе.„ — Однакожь онъ живъ? вы мнѣ за это отвѣчаете? — „Да, я васъ увѣряю, что незнакомецъ, котораго видѣли вы всѣмъ безъ чувствъ лежащаго, былъ только раненъ. Я велѣлъ, чтобы его пошчасъ выпроводили изъ рудокопни, какъ скоро онъ придетъ въ себя; его уже нѣтъ здѣсь.„ — Пришелъ ли же онъ въ себя? говорилъ ли онъ? Ахъ, Телисмаръ! не обманываете ли вы меня? — „Еспли мнѣ

не вѣрите, по останьшеса здѣсь и разспрашивайте всѣхъ работниковъ. Что до меня касается, по я потчасъ побѣду старашься о благосостояніи незнакомца; по тому что онъ у меня., — У васъ? ошець мой у Телисмара? можно ли эшому бышь? — „Онъ побѣхалъ вѣ шой коляскѣ, копорая насъ дожидалась., — Пойдемте же поскорѣс; не будемъ медлишь.

Альфонсѣ и Телимарѣ поспѣшно вышли изъ галереи, взяли своихъ вождей и скоро возвратились на шо мѣсто, изъ котораго спускались они вѣ рудокопню. До замка надлежало имѣ иппи пѣшкомъ; однакожь на половинѣ дороги встрѣпили ихъ лошади, копорыхъ послали имѣ на встрѣчу. Альфонсѣ сѣ жаромъ разспрашивалъ прѣѣхавшихъ сѣ лошадьми слугъ о состояніи своего опца; однакожь отвѣты были не ясны и весьма не удовлетворительны. Подозрѣніе его оживилось, и безпокойство, его перзавшее, еще несноснѣе было по тому, что онъ не смѣлъ его обѣявить Телимару. Наконецъ прѣѣхали вѣ замокъ. Напрасно хотѣлъ Альфонсѣ иппи сѣ Телимаромъ вѣ комнату къ больному. Вы не можете теперь владѣть собою, сказалъ Телимарѣ: естли эшощѣ

ѣшопѣ незнакомецѣ отецѣ вашѣ, по завтра я приведу васѣ къ нему; однакожь дайте мнѣ время предупѣдомить его.

Альфонсѣ, принужденной повиновашься, весь день провелѣ въ величайшей поскѣ. Наконецѣ, не могши сносить мучительной неизвѣстности, рѣшился онѣ скрывать отѣ Телисмара то, что происходило у него въ сердцѣ, и ночью тихонько пройши въ комнату къ отцу своему. Въ самомѣ дѣлѣ, какѣ скоро Телисмарѣ легѣ спать, Альфонсѣ прокрался въ корридорѣ, копорой велѣ къ комнатѣ больного. Положеніе сей комнаты было ему извѣстно; онѣ зналъ, что лежащему на постелѣ не лзя увидѣшь входящаго въ комнату. Тихонько отворяетѣ онѣ двери; съ величайшею оспорожностію поставляетѣ въ комнату пренецущую свою ногу. Въ ту же минуту слышитѣ онѣ голосѣ Донѣ Рамира. Приходитѣ въ восхищеніе, останавливается, слушаетѣ; но что почувствовалѣ онѣ, узнавши по рѣчамѣ отца своего, что онѣ въ ужасномѣ сумасшествіи! — Альваресѣ! воскликнулѣ несчастной Донѣ Рамирѣ: Альваресѣ! извлеки меня изѣ ужасной бездны, въ копорую ты низвергнулѣ меня! . . Да пронущѣ
тебя

тебя мои мученія! . . Обрати' на меня глаза твои! . . Но можешъ ли взоръ твой отъ высѣны небесъ проникнуть въ глубочайшую пропасть? — О какъ страшна эта пропасть! вездѣ въ ней вижу я гробъ твоей супруги и сына твоего. Но не уже ли всегда будущъ гоняться за мною блѣдныя и грозныя тѣни ихъ? . . Альваресъ! твой сынъ вооружася моего кинжаломъ! . . Альфонсъ хотѣлъ отмстить за тебя; онъ хотѣлъ пронзить сердце мое! . . Постой, сынъ мой, постой! . . Тебѣ ли меня наказывать? . . Сынъ мой! ты меня умерщвляешь и по помѣ отъ меня бѣжишь! . . Ахъ! будь хотя свидѣтелемъ смерти моей! — — Тутъ опчаянной Альфонсъ хотѣлъ броситься въ объятія отца своего; но Телисмаръ вбѣгаетъ въ комнату, и, не смотря на сопровивленіе и вопль его, выводитъ его вонъ.

Между тѣмъ пріѣхалъ Докторъ, за которымъ посылалъ Телисмаръ. Донъ Рамиръ казался спокойнѣе. Докторъ сперва ничего не сказалъ. Онъ хотѣлъ видѣть дѣйствіе нѣкоторыхъ лѣкарствъ. Донъ Рамиръ пришелъ въ себя; и на разсвѣтѣ Докторъ отвѣчалъ за его жизнь. Альфонсъ почувствовалъ такую же чрез-

вычайную радость, какова прежде была скорбь его. Надежда на выздоровленіе отца его возобновила въ немъ прежнюю любовь къ Телисмару. Съ нѣжною искренностію просилъ онъ у Телисмара прощенія, что нѣсколько часовъ былъ ему непослушенъ; и сіе прощеніе не трудно ему было получитьъ отъ друга и благодѣшеля своего.

Когда узналъ Донъ Рамиръ, что онъ былъ въ домъ у Телисмара, то пришелъ въ неописанное восхищеніе, и спрашивалъ Альфонса. Не лзя было не исполнить прозбы его. Телисмаръ привелъ Альфонса къ нему въ комнату. Альфонсъ, будучи внѣ себя и проливая слезы, бросился на колѣни подлѣ постели отца своего, коюрой простиралъ къ нему руки. Родитель мой! воскликнулъ онъ: дражайшій родитель! и такъ я нашелъ васъ! . . И вы обнимаете виновнаго сына вашего! . . Ахъ! безъ сомнѣнія сердце мое вамъ ешкрыпо; вы видите мое раскаяніе, нѣжнѣйшую мою къ вамъ любовь. Вся жизнь моя будетъ вамъ посвящена. Для того только жить хочу, чшобы загладитъ мои преступленія, стараться о вашемъ спокойствіи, вамъ повиноваться. Говорите, родитель мой, говорите, чшобы я услышалъ

шалъ голосъ вашъ! Простите, простите меня; успокойте по сердце, которое теперь одною къ вамъ любовію наполнено! — Не мечта ли это? сказалъ наконецъ Донъ Рамиръ: и такъ это Альфонсъ! и такъ къ сердцу моему прижимаю сына! . . . Успокойся! я одинъ причиною швоего преступления и моего нещастія. Но Небеса уже прощающъ меня, попому что я себя нашелъ. Видя сына моего, почипаю себя награжденнымъ за всъ мои мученія. — Слабость Донъ Рамирова не позволила ему говорить болѣе. Онъ поблѣднѣлъ; голова его преклонилась къ лицу Альфонсову. Ужаснувшійся Альфонсъ вскочилъ и призвалъ Доктора, которой увѣрилъ его, что нѣтъ никакой опасности въ разсужденіи жизни отца его; но что не надобно нѣсколько времени съ нимъ говорить.

Волненіе, которое чувствовалъ Донъ Рамиръ во всей крови своей, продлило его выздоровленіе; однакожь черезъ три дни онъ могъ встать съ постели. Тогда Альфонсъ разсказалъ ему всъ свои приключенія. Донъ Рамиръ изъяслялъ Телисмару живѣйшую благодарность. Когда же спалъ вовсѣмъ здоровъ, по захопѣлъ разсказать Телисмару и свою исторію въ присут-

существо сына своего. Искренно рассказывалъ онъ всѣ свои преступленія и не скрывалъ ни одного обстоятельства въ исторіи Альвареса, сего добродѣтельного пустытника, котораго нашелъ онъ на Монт-Серрапѣ. Дошедши въ повѣсти своей до разлуки съ Альфонсомъ, говорилъ онъ:

„Ошѣздъ сына моего по тому болѣе
 „огорчилъ меня, что сіе приключеніе над-
 „лежало мнѣ почитать справедливымъ
 „Божіимъ наказаніемъ и дѣйствіемъ про-
 „клятія, произведеннаго нѣкогда неща-
 „стнымъ опцемъ. Какъ правосудно святое
 „Провидѣніе! думалъ я: богатство мое и
 „милость Королевскую упореблялъ я во
 „зло, и по тому лишенъ и того и дру-
 „гаго. Ужасное мое честолюбіе лишило
 „Альвареса и сына и супруги, и попому
 „разгнѣванныя Небеса опняли у меня
 „единственное мое утѣшеніе. . . . Сынъ
 „мой, единственная моя надежда. . . Аль-
 „фонсъ меня оставилъ! . . И къ довер-
 „шенію моего несчастія, не могу еще
 „и жаловаться на судьбу свою. Я самъ
 „причиною всего зла! — Я мучился и
 „внутренно удивлялся правымъ судамъ
 „Божіимъ.

„Между шѣмъ по многимъ развѣды-
 „ваніямъ узналъ я, что сынъ мой по-
 „бѣхалъ

„Ѣхалъ вѢ КадиксѢ. Не могъ] я Ѣхать
„за нимъ такъ скоро, какъ мнѢ хотѢ-
„лось. ВѢ ГренадѢ занемогъ я горяч-
„кою, и болѢзнь моя продолжалась нѢ-
„сколько недѢль. Хотя послѢ сего вре-
„мени и не надѢялся я найши сына мо-
„его, однакожь не оставилъ намѢренія сво-
„его Ѣхать вѢ КадиксѢ, думая, что по
„крайней мѢрѢ могу получить шамъ ка-
„кое нибудь о немъ извѣстіе. Прибывъ
„вѢ Локсу, остановился я вѢ пракширѢ,
„гдѢ по описанію, сдѢланному мною
„практирщику о сынѢ моемъ, и по его
„опвѣшамъ, узналъ я, что онъ пробылъ
„шуть нѢсколько часовъ. Я захотѢлъ
„лечь вѢ той комнатѢ, вѢ которой онъ
„спалъ. Все вѢ комнатѢ сей разсмотрѢ-
„валъ я съ великимъ вниманіемъ и былъ
„вѢ великомъ движеніи. Я увидѢлъ нѢ-
„сколько Поршугальскихъ словъ, начер-
„танныхъ на окнѢ, и не могъ не узнать
„Альфонсовой руки. Тутъ написаны были
„два стиха, вѢ которыхъ имя Далинды
„при раза повпорялось. То же самое имя
„нашелъ я и на стѢнахъ начертанное,
„что меня удивило и понудило записать
„его вѢ моей книжкѢ. ПриѢхавши вѢ Ка-
„диксѢ, спрашивалъ я о АльфонсѢ и са-
„мой ДалиндѢ; но сіи имена были не из-
„вѢ-

„вѣстны всѣмъ шѣмъ, которыхъ я раз-
 „спрашивалъ. Наконецъ провѣдалъ я, что
 „одинъ молодой Португалецъ, старав-
 „шійся скрывать имя и родъ свой, де-
 „сять дней прожилъ въ Кадиксѣ съ мо-
 „лодою особою, которую почитали за
 „увезенную имъ, и что сии бѣглецы по-
 „ѣхали во Францію, вознамѣрившись
 „тамъ навсегда остаться. Я увѣренъ
 „былъ, что энопъ похититель сынъ
 „мой, а молодая особа та Далинда, рѣ-
 „шорую, по моему заключенію, онъ
 „былъ влюбленъ. Тогдашъ я вознамѣрился
 „ѣхать во Францію. Но прежде прѣхалъ
 „я въ Лиссабону, чтобы взять пенсію
 „свою; по томъ отправился въ Парижъ.
 „Черезъ нѣкоторое время, послѣ тща-
 „тельныхъ разспросовъ, узналъ я, гдѣ
 „мнѣ найти бѣглецовъ; но плодомъ всѣхъ
 „моихъ трудовъ было то, что я уви-
 „дѣлъ — двухъ совсѣмъ мнѣ незна-
 „комыхъ человекъ.

„До того времени все еще ободряла
 „меня надежда найти сына моего. По-
 „терявъ сію драгоценную надежду, впалъ
 „я въ отчаяніе и самую мрачную мелан-
 „холю. Я рѣшился навсегда оставить
 „свѣтъ и удалиться въ ту пустыню, въ
 „которой жилъ добродѣтельной Альваресъ.

„Я прїѣхалъ къ Монш-Серрату и об-
 „жалъ въ хижину къ Альваресу; но, къ
 „великому моему огорченію, сей почтен-
 „ной старецъ былъ уже при концѣ спра-
 „даній своихъ. Будучи готовъ оставить
 „міръ, принялъ онъ меня съ пою любо-
 „вію, которая всегда была ему свойствен-
 „на. Я рассказалъ ему мои несчастія.
 „Повѣспь мою слушалъ онъ съ искрен-
 „нымъ сожалѣніемъ. О! естли бы въ
 „семъ мирномъ уединеніи могъ ты найти
 „нѣкоторое для себя утѣшеніе! сказалъ
 „онъ: естли хочешь, то моя хижина
 „будетъ скоро твоею. Дай Боже, чтобы
 „ты, живши въ ней, нашелъ и то спо-
 „койствіе, которымъ я наслаждался!

„Такъ принялъ меня Альваресъ. Я
 „снова удивлялся такой совершенной доб-
 „родѣтели. Не только что присутствіе
 „его не умножало моего мученія и угры-
 „зенія совѣсти, но оно еще и сердце мое
 „успокоивало. Съ несказаннымъ удоволь-
 „ствіемъ я слушалъ и разсматривалъ
 „его, оказывая ему между тѣмъ неболь-
 „шія услуги. Любовь моя къ нему без-
 „престанно умножалась, и я согласился
 „бы для продленія его жизни сократить
 „мою. Сначала я рассказалъ ему неща-
 „стія мои кратко; я объявилъ ему шоль-

„ко то; что сынъ мой ушелъ отъ меня,
 „что не знаю ни чего о судьбѣ его, и
 „что; по ложному извѣстію, тщетно я
 „искалъ его во Франціи. Когда же че-
 „резъ нѣкоторое время закопѣлъ Альва-
 „ресъ узнать все подробнѣе, то я ска-
 „залъ ему о двухъ спихахъ, которые
 „записаны были на окнѣ въ пракпирѣ.
 „Лишь только выговорилъ я имя Далин-
 „ды, какъ Альваресъ перервалъ меня,
 „сказавши: поди вынь изъ ящика ту
 „книгу, въ которой я лѣтъ десять за-
 „писываю имена путешественниковъ, по-
 „сѣщающихъ эту пустыню. Я побѣжалъ
 „и принесъ ему книгу, въ которой Аль-
 „варесъ нашелъ слѣдующее примѣчаніе:
 „20 Іюня посѣтила меня одна Шведская
 „фамилія. Отецъ, именемъ Телисмаръ,
 „довольно хорошо говоритъ по-Порту-
 „гальски, и привелъ меня въ восхищеніе
 „своими знаніями и благородною просто-
 „тою; онъ возвращается изъ Португаліи,
 „ѣдетъ въ Кадиксъ, гдѣ думаетъ сѣсть
 „на корабль и плыть въ Африку. Дочь
 „его вѣднна своею красотою и скромно-
 „стію. Отецъ ея велѣлъ, чтобъ она
 „показала мнѣ разныя свои рисованья. Она
 „вынула изъ кармана множество рисун-
 „ковъ, и все съ натуры, кромѣ одного,

„которой сдѣлала она изъ памяти, и ко-
торой всѣхъ лучше былъ отработанъ.
„Сей рисунокъ представлялъ Источникъ
„Любви въ Провинціи Бейрѣ. Дѣвица сія
„называется Даллидою.

„Сіе примѣчаніе рѣшило всѣ мои
„сомнѣнія и произвело во мнѣ радость,
„которой еще я никогда не чувствовалъ,
„возвратившись изъ Франціи. Многое
„еще превозжило меня; однакожь я имѣлъ
„уже вѣрное извѣстіе и могъ надѣяться
„найти сына моего. Альваресъ сказалъ
„мнѣ еще, что Телисмаръ хотѣлъ путеше-
„ствовать чепыре года. И такъ,
„продолжалъ Альваресъ, естли сынъ твой
„сѣ нимъ, то ты увидишься сѣ нимъ не
„прежде, какъ черезъ два года; между
„тѣмъ въ Швеціи могъ бы ты провѣдать
„о немъ обстоятельнѣе. . . Нѣтъ, Аль-
„варесъ, перервалъ я: не оставлю я себя
„въ шеперешнемъ твоємъ положеніи. Го-
„нишело своему далъ ты убѣжище, по-
„давалъ ему совѣты, утѣшалъ его, поз-
„волялъ ему услуживать тебѣ. . . Хотя
„такое великодушіе умножаетъ мое рас-
„каяніе, однакожь это же самое велико-
„душіе и сѣ совѣстію меня примиряетъ.
„Когда уже Альваресъ просилъ меня,
„шо и Богъ мститель, меня гнавшій, со

„мною примиряешь. Хотя одной Рели-
 „гии обязанъ я великодушнымъ твоимъ
 „сожалѣніемъ о моемъ злополучіи, одна-
 „кожь, естли бы сердце мое могло со-
 „общать твоему сердцу ощущенія свои,
 „по я осмѣлился бы еще надѣяться и на
 „покровительство небесное. . . . Тупъ
 „слезы попекли изъ глазъ моихъ. Альва-
 „ресъ смотрѣлъ на меня съ нѣжнымъ
 „соболезнованіемъ. И такъ, сказалъ онъ,
 „дружба моя можетъ облегчить пятгоспъ
 „твоего несчастія и упишишь сильное
 „волненіе души твоей! . . . Успокойся! . .
 „Я принимаю твои услуги, помощь, руку
 „твою. . . . Рука Донъ Рамирова закроетъ
 „глаза Альваресовы. . . .

„Сказавъ сіе, добродѣтельной спа-
 „рець не могъ опъ слезъ удержаться; я
 „чувствовалъ, какое воспоминаніе разди-
 „рало тогда сердце его. Увѣряя меня въ
 „своей дружбѣ, несчастной плакалъ о сво-
 „емъ сынѣ. Въ первую ночь послѣ та-
 „кого изъясненія, Альваресъ почувство-
 „валъ въ себѣ необыкновенную боль и за-
 „хотѣлъ вспасть. Я взялъ его подъ руку
 „и повелъ въ садъ. Онъ сѣлъ. Лунные
 „лучи освѣщали лице его. Серебряной
 „свѣтъ ихъ, умножая его блѣдность, раз-
 „пространялъ по спокойному лицу его

„величіе. Онѣ подняаѣ глаза и руки свои
„кѣ небу, и черезѣ нѣсколькѣ секундѣ
„пришелѣ вѣ сладостное восхищеніе. Об-
„рапившись ко мнѣ, сказааѣ онѣ: о ты,
„нѣсколькѣ времени оказывающій мнѣ всѣ
„услуги, какихѣ только отецѣ могѣ бы
„ожидать отѣ нѣжнаго сына! прими все
„по, чѣмѣ тебя наградишь могу . . .
„прими родительское благословеніе отѣ
„Альвареса. — Отецѣ мой! воскликнулѣ
„я, упавѣ кѣ ногамѣ его: почтенной спа-
„рецѣ! что ты говоришь мнѣ? . . . Такѣ,
„отвѣчалѣ Альваресѣ слабымѣ голосамѣ:
„ты лишаешься теперь отца, даннаго тебѣ
„Религіею. Черезѣ минуту, сынѣ мой,
„явлюся я предѣ вѣчнымѣ Сущесивомѣ,
„Котораго главныя свойства суть миро-
„сердіе и благость . . . Боже мой! про-
„должалѣ Альваресѣ, упавѣ подлѣ меня
„на колѣни: Богѣ, Творецѣ и Судія мой!
„теперь приближаюсь кѣ той сомнитель-
„ной минутѣ, вѣ которую самой добро-
„дѣтельнѣйшей человекѣ долженѣ спра-
„шиться правосудія Твоего . . . Дерзаю
„надѣяться на Твое милосердіе . . . Я
„умѣаѣ прощать . . . зри, вѣ чьихѣ обѣ-
„яніяхѣ умираю! . . . зри, о комѣ те-
„перь проливаю слезы! . . . зри, о комѣ
„молю Тебя! . . . Внемли, Боже мой, воз-
„дыха-

„дыханіямъ Рамира. Уже очищается сердце его; уже оно чувствительно и смиренно . . . очищай его болѣе и болѣе . . . открой очи его . . . по помѣ возвращи ему сына . . . да будетъ онъ спокоенъ и щастливъ! . . . Боже мой! исполни послѣднее Альваресово моленіе! . . .

„Послѣ сихъ словъ голова Альваресова преклонилась къ моему сердцу. Почтенное лице его обливалъ я слезами моими. Увы! я видѣлъ послѣднее его издыханіе! . . . Уже не спало Альвареса . . . Я чувствовалъ всю горестъ, какую можетъ только ощущать чувствительной сынъ, лишившись любезнѣйшаго родителя. Но между тѣмъ я вкушалъ уже щастливые плоды его поржественнаго и прогашельнаго благословенія. Воспомявая послѣднія Альваресовы рѣчи, не почиталъ уже я себя жертвою Небеснаго мщенія. Слабодостпная надежда заступила въ сердце моему мѣсто горькой печали.

„Близъ уединенной Альваресовой хижины, подлѣ источника, маслянымъ деревомъ осѣняемаго, вырылъ я руками своими могилу и положилъ въ нее почтенной струи добродѣтельнаго мужа. Исполнивши сію должность, думалъ я только о томъ, какъ бы отправиться

„въ Швецію. Для такого долгого путеше-
 „шествія надобны были деньги. Я пи-
 „салъ въ Португалію, что живу еще на
 „свѣтѣ; что сердечное желаніе, которому
 „не могу проливаться, заставляетъ меня
 „путешествовать по Сѣвернымъ землямъ,
 „и что для сего прошу прислать мнѣ за
 „два года впередъ пенсію мою. Прозьбу
 „мою исполнили. Въ послѣдній разъ при-
 „шелъ я къ масличному дереву, гдѣ по-
 „коились Альваресовы кости; слезами мо-
 „ими омочилъ я праву и цвѣты, на мо-
 „гилѣ выросшіе. Наконецъ оставилъ я
 „Монп-Серрантъ и Гишпанію, и поѣхалъ
 „въ Швецію. Приѣхавши въ Стокгольмъ,
 „прежде все старался я провѣдать, воз-
 „вратился ли Телисмаръ въ отечество
 „свое; но мнѣ сказали, что онъ еще че-
 „резъ годъ возвратится, что жена и дочь
 „его съ нимъ не поѣхали, и что онъ жи-
 „вуетъ въ замкѣ близъ Сальсебериста. Я
 „хотѣлъ къ нимъ ѣхать, какъ узналъ,
 „что въ Стокгольмѣ со дня на день ожи-
 „дали Телисмара и друга, именемъ Фрид-
 „риха, который долго путешествовалъ
 „съ Телисмаромъ. Хспѣвши неотмѣнно
 „видѣвшись съ нимъ, остался я въ Сток-
 „гольмѣ. Я ждалъ его нѣсколько мѣся-
 „цевъ, и наконецъ онъ приѣхалъ. Я ви-
 „дѣлся

„дѣлся

„ дѣлся и говорилъ съ нимъ, не давая ему
 „ о себѣ знать. Я спрашивалъ его о Те-
 „ лисмарѣ, и увѣрился, что Альфонсъ живъ;
 „ и что Провидѣніе поручило его мудрому
 „ и добродѣтельному человѣку, которой
 „ лучше меня могъ научить его.

„ При всемъ томъ, отъ великаго же-
 „ ланія видѣться съ сыномъ моимъ, былъ
 „ я въ великомъ безпокойствѣ. Не зналъ
 „ я, какъ раскаявался онъ въ своемъ про-
 „ ступкѣ; не зналъ, что онъ ко мнѣ пи-
 „ салъ. Пробывши въ Лиссабонѣ послѣ
 „ разлуки съ нимъ весьма не долго и не
 „ возвращавшись въ провинцію Бейру, не
 „ могъ я получить писемъ его, которыя
 „ безъ сомнѣнія пропали. Фридрихъ не
 „ зналъ, въ какой части міра былъ тогда
 „ Телисмаръ; для того я рѣшился ѣхать
 „ въ Сальсеберистъ. Не нашелъ я ни пре-
 „ красной Далинды, которую мнѣ весьма
 „ хотѣлось видѣть, ни матери ея. Мнѣ
 „ сказали, что онъ отправился путеше-
 „ ствовать, и что возвращаются уже
 „ вмѣстѣ съ Телисмаромъ. Я пришелъ
 „ въ апошій замокъ и расспрашивалъ слугъ,
 „ которые увѣрили меня, что Телисмаръ
 „ жилъ всегда въ семъ уединенномъ замкѣ,
 „ и что его черезъ три мѣсяца ждуть;
 „ по чему и вознамѣрился я остаться въ

„Сальсеберистѣ. Ни съ кѣмъ я тамъ не
„знакомился, а жилъ въ совершенномъ
„удиненіи. Дожидаясь моего сына, хо-
„пѣлъ я нечаянно показаться ему, чтобы
„увидѣть дѣйствіе, какое произведетъ въ
„немъ сіе первое свиданіе; и еслили серд-
„це его не будетъ отвѣтствовать моему
„сердцу, то навсегда его оставитъ и ко-
„нчитъ печальную жизнь свою подлѣ мо-
„гилы Альваресовой.

„Между шѣмъ шщетно ждалъ я Те-
„лисмара болѣе года, и день отъ дня
„становилось для меня ожиданіе несно-
„снѣе. Я хотѣлъ писать въ Португалію
„и увѣдомить о мѣстѣ пребыванія моего,
„чтобы ко мнѣ переслали пенсію мою,
„какъ вдругъ занемогъ. Сильная горячка
„лишила меня на нѣсколько дней чувствъ.
„Въ сіе время злодѣй, мнѣ служившій,
„обокралъ меня и бѣжалъ, унеши все
„мое платье и всѣ деньги. Хозяинъ мой
„былъ споль жалосливъ, что не обѣ-
„являлъ мнѣ сего приключенія до того
„времени, какъ я совсѣмъ спалъ здоровъ.
„Тогда узналъ я отъ него нещастіе мое.
„Безъ всякаго роптанія подвергся я судьбѣ
„моей, почитая сей случай за средство,
„предлагаемое мнѣ Небомъ, загладишь
„пресупленія мои. Такая мысль обод-
„ряла

„рляя мени, и тогда узналъ я опытною,
 „что преданіе себя въ волю Божию облег-
 „чаетъ несчастіе болѣе самой надежды.
 „Я писалъ въ Лиссабону. Ожидая отвѣта,
 „копораго еще не получилъ и понынѣ,
 „нанялся я работать въ серебряныхъ ру-
 „дникахъ, въ которыхъ и жилъ при мѣ-
 „сяца.“

Когда Донъ Рамиръ пересталъ гово-
 рить, Альфонсъ, которой нѣсколько разъ
 перерывалъ повѣсть слезами своими, бро-
 сился передъ опцемъ своимъ на колѣни и
 говорилъ ему все то, что раскаяніе, благо-
 дарность и нѣжность, могутъ вдохнуть
 въ благородную и чувствительную душу.
 Воскищенной Донъ Рамиръ прижималъ его
 къ своему сердцу и обливалъ слезами; а
 Телимаръ въ радостномъ молчаніи смо-
 трѣлъ то на того, то на другаго.

Наконецъ Донъ Рамиръ, Альфонсъ и
 Телимаръ, поѣхали въ Стокгольмъ. Те-
 лисмаръ самъ подвелъ Альфонса къ Да-
 линдѣ, какъ человека, изъ всѣхъ моло-
 дыхъ людей ему любезнѣйшаго. Тогда
 окончалось время мучительнаго для Аль-
 фонса молчанія, на которое Телимаръ
 осудилъ его. Любви достойная Далинда
 чувствовала цѣну пятилѣтней Альфонсо-
 вой любви; знала она и то, какую власшь
 имѣли

имѣли надѣя любовникомъ честь и благодарность. Какъ же радовался Альфонсъ, что сдержалъ данное Телисмару слово! Сему похвальному насилію онѣ былъ обязанъ тѣмъ, что Даллида почитала и любила его.

Щасливой Альфонсъ получилъ Даллидину руку. Время доказало, что Телисмаръ не ошибся въ своемъ выборѣ. Альфонсъ загладилъ преступленія свои, прошивъ отца безпрядѣльною къ нему любовью и всегдашнимъ спараніемъ угождать ему. Никогда онѣ съ нимъ не разлучался. Славу и щастіе свое полагалъ онѣ единственно въ томъ, чтобы исполнять всѣ должности родства, благодарности и дружбы; онѣ составилъ щастіе своего отца, благодѣтеля и супруги своей. -- --

Какъ, мамушка! сказала Елисавета печальнымъ голосомъ: исторія Альфонсова кончилась? — Кончилась, отвѣчала Гж. Добролюбова, да и пришло время намъ спать ложиться. — „Какая жалость! а примѣчанія?“, — Завтра спанемъ ихъ чипать. — „Мнѣ очень хочется эпюва.“ -- Надобно сказать, что примѣчанія лучше самой Сказки моей. Пойдемте же. —

На другой день Гж. Добролюбова спросила у дѣтей своихъ, исполнила ли она,

она,

она, по ихъ мнѣнію, обѣщаніе свое сочинить такую Сказку, которая чудесностию своею не уступала бы волшебнымъ сказкамъ, и въ которой бы все чудное было истинно? Исполнили, мапушка, отвѣчала Елисавета: а какъ въ Природѣ пакъ много чрезвычайнаго и любопытнаго, то вы можете быть увѣрены, что впредь не въ волшебныхъ сказкахъ будемъ мы искать тѣхъ чудесъ, которыми любимъ. Читай и учась, сказала Гж. Добролюбова, узнаете вы множество иныхъ вещей, столь же удивительныхъ, какъ и тѣ, которыя вамъ я рассказала. Если бы захотѣла я воспользоваться всѣми моими выписками, то исторія Альфонсова заняла бы два тома; она бы могла быть гораздо лучше, по тому что для сокращенія ея надлежало мнѣ жертвовать пріятными подробностями и развязками, и множествомъ удивительныхъ явленій. И при всемъ томъ въ выпискахъ моихъ не было ничего невѣрнаго и недоказаннаго. Я исключала изъ моихъ извлеченій не только все то, что казалось мнѣ баснословнымъ, но и то, что хотя мало для меня сомнительно было. Если бы я менѣе наблюдала точности, то говорила бы вамъ о деревнѣ, которой жили въ осьмнадцать лѣтъ лиша-

лишаются разума; о Виргинскомъ плодѣ, кошорой на нѣкоторое время сводитъ съ ума того человѣка, кошорой будетъ ѣсть его; о деревѣ, кошораго стволъ, хотя онъ цвѣтомъ и зеленой, свѣщится такъ какъ факелъ (*); о живошномъ, кошорое длиною въ полмили (**) и проч. Я могла бы

(*) La géographie physique, par Mr. l'Abbé Sauri. T. I.

(**) Хотя извѣстно, что море производитъ величайшихъ животныхъ, на примѣ. кита и единорога, или норваля, однакожъ не совсѣмъ можно повѣрить существованію *крикена*. Сіе живошное, какъ говорятъ, живетъ въ Сѣверныхъ моряхъ, и длиною въ полмили. Его можно почестъ кучею плавающихъ камней, покрытыхъ мхомъ. Думающъ, что онъ есть нѣкотораго рода полипъ, кошораго руки, соотвѣстственно величинѣ шѣла его, будутъ длиною съ самую высокую корабельную мачшу. Говорятъ еще, что рыбы пристающъ къ поверхности сего живошмаго, отъ нѣкоторой жидкости, кошорая изъ него выходитъ и краситъ море. А какъ въ такомъ странномъ живошномъ всему надлежитъ быть необыкновенному, то ушверждающъ, что спина его открывается и поглощаетъ шѣхъ рыбъ, кошорыя пристающъ къ ней.

Мг.

бы описать вамъ вещи вѣроятнѣйшія; изобразила бы вамъ Телисмара на бурныхъ моряхъ, повелѣвающаго стихіями и по своей волѣ упишающаго бурю (*). Но
 мнѣ

Mr. de Bomare. — Нынѣ имѣемъ мы основательнѣйшую причину думать, что *кракенъ* не есть баснословное животное. Въ Вѣдомостяхъ, если не ошибаюсь, прошедшаго года писали, что *кракена* видѣли близъ Исландіи нѣсколько человѣкъ рыбаковъ, кошорые по помѣ извѣстіе о семъ животномъ сообщили Правительству.

(*) Плиній и послѣ него многіе Писатели утверждали, что масло упишаетъ волны морскія. На что не можешь бышь справедливѣе сего, если положишься на доетовѣрныя и многочисленныя свидѣтельства. Вотъ выписка изъ одного письма, писаннаго о семъ предметѣ къ пріятелю Г. Франклина. — Г. Джилъфредъ Лавсонъ, кошорой служилъ долгое время въ Гибралтарскихъ войскахъ, увѣрялъ меня, что тамошніе рыбаки обыкновенно лютѣ нѣсколько масла на море, чшобы оно упишило его волненіе, и чшобы они могли видѣть въ водѣ устриць — и проч. Плиній говоритъ, что бурю можно упишить и пѣмъ, если бросишь не много *уксуса* на воздухъ. — Г. Бомаръ при-

мнѣ не надобно было говорить о сомнительныхъ чудесахъ, когда можно найти такое множество вѣрныхъ. Надлежитъ примолвить, что много чудеснаго мнѣ еще не извѣстно. Подумайте же, какое удовольствіе могла бы вамъ принести Сказка такого рода, если бы сочинилъ ее человѣкъ ученой.

(Продолженіе будетъ въ слѣдующей Части.)

водитъ еще другое письмо отъ славнаго Доктора Франклина. Въ семъ письмѣ увѣдомляетъ Англійской Философъ о своемъ опытѣ, которой дѣлалъ онъ на прудѣ Клафамскомъ. Вѣтръ, говоритъ онъ, сильно колебалъ поверхность воды. Я пошелъ на ту сторону, съ которой былъ вѣтръ и гдѣ волны начинались. Ложка масла, которую вылилъ я въ воду, произвела вдругъ въ водѣ совершенную пищину на нѣсколько квадратныхъ сажень. Сія пищина мало по малу дошла и до противоположной вѣтру стороны, и скоро вся сія часть пруда стала гладка и свѣтла какъ зеркало. — Г. Франклинъ изъясняетъ сіе явленіе; но сіе изъясненіе слишкомъ мудрено, и для того здѣсь не помѣщается.

З И М А.

Спѣшишь, спѣшишь мрачная Зима, провождаемая парами, облаками и бурей. Благословляю тебя, мрачность, мнѣ сродственная! благословляю васъ, ужасы зимніе, среди коихъ я родился! Въ часы радостнаго упражненія моего, воспѣываемый въ безопасномъ уединеніи, радостно пробѣгалъ я области твои, о Зима! спускалъ по чистому снѣгу, имѣя чистую душу; внималъ шуму вѣтровъ, не заглушаемому шумомъ спрасшей, коихъ имена мнѣ едва извѣстны были. Пріямое воспоминаніе, извлекающее теперь слезы изъ глазъ моихъ! . . .

Юныя сердца! я пѣлъ вамъ радости Весенія, веселіе Лѣта и пріятную важность Осени: теперь воспѣю вамъ грозную Зиму, послѣднюю пѣснь мою, и навсегда умолкну. Спѣшишь, спѣшишь Зима жизни моей: хладѣющая кровь моя возвѣщаетъ ея приближеніе. Когда же грозная смерть сразитъ меня своею косою; когда въ семъ мірѣ опѣ существа моего останеться единый хладный прахъ: тогда, о любимцы Музы моей! тогда посѣпите могилу мою, омочите ее жаркою слезою и скажите: пѣвецъ, котораго кости здѣсь покоящяся, воспѣвалъ намъ пріятныя пѣсни. Вашъ единая жертва, которой требую опѣ благодарности вашей!

Солнце, удалившееся на самый край неба, весьма слабо освѣщаетъ день нашъ. Тусклые и недѣйствительные лучи его сквозь густый воздухъ горизонтально падаютъ на поверхность земли. Какъ бы облакомъ одѣянное, является оно на Югѣ блѣдно и весьма обширно; скоро по томъ заходитъ и отдастъ землю во владѣніе долгой темной ночи. Такимъ образомъ Зима подобна густому мраку, на мѣръ падающему. Она разпускаетъ въ нервахъ, или въ иныхъ частяхъ внутренности человѣческой, сѣмя тайныхъ болѣзней. Душа человѣческая безпокоится, скучаетъ жизнь и повергается въ мрачную меланхолію. Робкія овцы приближаются къ деревьямъ, боясь въ отдаленныхъ поляхъ замерзнуть, рассыпаются по мерзвому лугу и щиплютъ желтые и засохшія травы. Воздушные жипели прячутся въ свои гнѣзда, кромѣ шѣхъ, которые не боясь зимнихъ непогодъ, и въ снѣжныхъ громадахъ находятъ себѣ убѣжище отъ жестокаго хлада. Домашнія птицы бѣгутъ въ хлѣвъ. Между шѣмъ поселянинъ спокойно лежитъ въ избѣ своей; рассказываетъ женѣ и дѣтямъ своимъ сказки и довольно смѣется, не смотря на то, что буря сыплетъ кучи снѣга на хижину его и потрясаетъ низкую кровлю.

Природа, мудрая мать, которая рукою своею правитъ кружащимися временами года!
какъ

какъ величественны дѣла твои! какимъ пріятнымъ ужасомъ наполняютъ онѣ душу, всегда на тебя взирающую! . . . Сильныя вѣтры; нынѣ вѣющіе! повѣдайте мнѣ, гдѣ ваши запасныя храмины? скажите, въ какихъ отдаленныхъ странахъ вы тогда спите, когда бываетъ совершенная тишина, или когда одни веферы играютъ на поляхъ нашихъ?

Спрашны зимою дѣйствія бури. Несчастный поселянинъ, идущій по своимъ полямъ, не знаетъ дороги. Новые холмы безпрестанно передъ нимъ возвышаются. Не видя онѣ ни лѣса, ни рѣки; ужасное опустошеніе все сокрываетъ. Онѣ идетъ отъ холма къ долину, отъ долины къ холму; болѣе и болѣе удаляясь отъ подлинной дороги. Желаніе прийти домой напрягаетъ всѣ силы нервъ его; онѣ спѣшитъ; безпрестанно засыпаемый снѣгомъ. Какъ страдаетъ душа его; какое мрачное отчаяніе, какой трепетъ объемлетъ сердце его, когда, обмануемый зрѣніемъ; вмѣсто деревни приходилъ къ новымъ снѣжнымъ громадамъ! Удаленнаго отъ слѣда и щасливаго жилища человѣческаго, застигаетъ его ночь; и резъ вѣтра дѣлаетъ пустыню еще пустѣйшею. Тутъ-то воображеніе начинаетъ мечтать и всякой страхъ увеличивать. Онѣ представляетъ себѣ сокрытыя пропасти; обманчивыя, мразомъ непобѣдимыя блага; ужасныя свѣсы; копорыя

сравнялъ снѣгѣ; рѣчныя проруби и другіе страхи. Уже падаетъ онѣ въ снѣжную бездну, воображая всю жестокость смерти своей, помяся мучительною мыслію не видѣшь уже никогда жены, дѣшей и друзей своихъ. Напрасно трудолобивая жена его разводитъ большой огонь и готовитъ для него теплую одежду. Напрасно выглядываютъ изъ воротъ маленькія дѣти и со слезами невинности зовутъ отца своего. Горе, горе вамъ, бѣдныя! Жена! ты никогда не увидишь мужа своего! Дѣти! вы никогда не обнимите отца вашего! Друзья! другъ вашъ борется со смертію! Смертный хладъ входитъ въ каждую нерву его, испребляетъ чувствительность, и заморозивъ всѣ лучшіе жизненные духи, повергаетъ его внизъ лицомъ . . . Сѣверный вѣтръ надуваетъ на окостенѣлый трупъ синеващую блѣдность.

Гордые смертные, окруженные изобиліемъ и забавами, и провождающіе жизнь свою безъ всякаго размышленія! для чего не подумаете вы, что въ часы веселія вашего многіе изъ подобныхъ вамъ тварей борются со смертію, или падаютъ подъ бременемъ многоразличныхъ скорбей? Различны скорби телесныя, но скорби душевныя еще многоразличнѣе. Многіе, мучимые страстями или совѣстію, съ самой вершины жизни низпадаютъ въ бездну страшной смерти и подаются

маперію прагической Музѣ. Тысячи добро-сердечныхъ людей стоятъ шеперь подлѣ смертнаго одра дражайшихъ друзей своихъ и проливаютьъ кровавыя слезы. — Если бы упоенный спраспями челоѡкѣ часто помышлялъ о сихъ и другихъ нещасіяхъ, которыя дѣлають жизнь безпрестаннымъ сраженіемъ: то порокѣ, въ самомъ быспрѣйшемъ своемъ спремленіи, конечно бы поблѣднѣлъ, оспановился и мало по малу изчезать началъ. Сердце воспламенилося бы тогда общественною любовію, нещасный никогда бы оспавленъ не былъ, и всѣ бы щасли-вѣе были.

Опецѣ свѣта и жизни! о Ты, высочай-шее Благо! научи меня, что есть истинное добро! открывайся мнѣ болѣе и болѣе! со-храняй меня отъ пороковъ, пипай душу мою знаніями и добродѣтелями, сими суще-ственными, несплѣнными благами!

Пусть ярятся вѣспры, пусть облака засы-пають нашъ шаръ снѣгомъ, пусть мразы свирѣпспвуютъ! удаляюся въ тихое мое жи-лице и свѣшомъ лампадъ освѣщаю мрачность его. Тамъ начинаю бесѣдовать съ умершими, съ оными мудрецами древности, копорые потомство обогатили науками, и разспра-няли область добродѣтели, извлекаю челоѡка изъ невѣжества, источника всѣхъ пороковъ: Размышляю, прихожу въ восторгъ, бросаю книгу

и благословляю свящяныя щбни, шихо несущіяся мимо душевныхъ очей моихъ. Вижу Сограша, свѣщильника Греціи, мужа непобѣдимаго въ добродѣтельныхъ подвигахъ. Всегда повиновался онъ святому закону мудрости, сему гласу Божества въ душѣ внимательной; не зная страха ни въ жизни, ни въ смерти, былъ онъ великой нравоучитель и мудрѣйшій изъ челоѣковъ. За нимъ является Солонъ, утвердившій благо общественное на правыхъ законахъ, коего мудрость позналъ несчастный Крезъ, готовясь быть жертвою смерти. Вижу Ликурга, строгаго мудреца, врага всѣхъ страстей челоѣческихъ; и Аристанда, которой славъ своей предпочелъ благо отечества своего. По томъ являются послѣдніе Герои падающей Греціи: Коринѣянинъ Тимостеонъ, имѣвшій нравъ крошкій, но непримаримый врагъ тиранства — Пелопидасъ и Эпиминondasъ, прославившіе Эвры — Фокіонъ, мужъ приводушный, всегда добродѣтельный — послѣдній сынъ Ликурга, хотѣвшій спасти отечество свое, и погибшій. Шестивые заключаютъ Арашъ, на нѣкопоре время воспламенившій еще искру свободы въ Греціи, и Филопемевъ, поселянинъ и храбрый воинъ.

Теперь является многочисленной народъ Героевъ. Впереди идетъ Нума, свѣтъ Рима, укротившій нравы разбойниковъ; по томъ
Царь

Царь Сервій, положившій твердое основаніе ко всему величію Римской Республики. Вижу Консуловъ, почтенно другъ за другомъ шествующихъ: Юнія Бруша, ненавистника рабства и страшнаго судію — Камилла, любившаго всегда неблагодарное опечество свое — Фабриція, презиравшаго злато, и опъ сохивзяшаго Диктатора Цинцинната — Сципіона, челоѡколюбиваго и храбраго воина, которой весьма рано пробѡжалъ пупи славы и въ младыхъ еще лѡтахъ удалился въ мирныя пѡни, посвятивъ жизнь свою дружбѡ и Философіи — Туллія, которой сильнымъ своимъ краснорѡчіемъ нѡкоторое время поддерживалъ падающій Римъ — непобѡдимаго Катона, до крайности добродѡшельнаго, и себя, добросердечный и несчастный Брушъ, которой по строгой добродѡшели вонзилъ кинжалъ въ сердце друга своего. Цѡлыя тысячы Героевъ мнѡ еще являются; но кто можетъ изчислить небесныя звѡзды? Кому воспѡть вліяніе каждой звѡзды на міръ нашъ?

Кого тамъ вижу? Онъ прекрасенъ какъ весеннее солнце. Я вижу Феба, или пастуха Маншуанскаго. Является отецъ пѡсней, Гомеръ, а подлѡ него пѡвцы Британскіе. Схватившись за руки, спѡшатъ они по крушой спезѡ къ безсмертной славѡ. Не отсцаютъ оцѡ нихъ и пѡни оныхъ творцевъ, которые,

проникнувъ глубоко въ сердце человѣческое, живо изображали спрасши -- О Ричардсонъ! шворенія швои всегда пребудушъ честію Великобританіи и памятникомъ искусства швоего въ живописи сердца человѣческаго!

Благословенное общество, мудрые и добродѣтельные мужи! посѣщайте всегда жижину мою въ часы полунощнаго уединенія, и возбуждайте душу мою къ важнымъ размышленіямъ! . . Тишина, богиня уединенія! будь всегда приврашникомъ жилища моего, и въ священныя часы не впускай ко мнѣ никого, кромѣ нѣкоторыхъ избранныхъ друзей, имѣющихъ просвѣщенный разумъ, забавное остроуміе и правдолюбивое сердце! Съ ними хочу я провести зимнее время въ пріятныхъ и полезныхъ бесѣдахъ. Съ ними буду вникашь въ вѣчные законы Нашуры, и по дѣшвицѣ существъ, опѣ безыменнаго червя возношишь къ Источнику жизни. По шомъ будемъ разсмашривашъ нравственншй мшръ, которой хопя и кажется безпорядочнымъ, однакожь въ самомъ дѣлѣ мудрою рукою правишь — рукою, обращающею все къ общему благу. Мудрая историческая Муза поведешь насъ по глубинамъ временъ, и покажетъ, какъ народы возвышались и падали, и что было причиною возвышенія и паденія ихъ. Не забудемъ веселишь и воображенія нашего разными карпинами, когда ушомишь напряженный разумъ.

Между

Между тѣмъ въ деревняхъ раскладываютъ поселяне большой огонь, спановятся всѣ вокругъ его и рассказываютъ старыя сказки, въ которыхъ колдуны и колдуньи играютъ всегда первыя роли. Когда красно-рѣчивой поселянинъ рассказываетъ, какъ злая колдунья послѣ свадьбы превратила молодыхъ въ волковъ, и какъ она по шомъ жалостно выли: тогда нападаетъ на слуша-телей страхъ, особливо на тѣхъ, которые думаютъ сами скоро жениться.

Городъ наполненъ теперь людьми. Сыны роскоши и забавъ плаваютъ въ рѣкѣ ложныхъ радостей, которая наконецъ приноситъ ихъ къ пучинѣ ужасныхъ болѣзней. Игра, нещасная забава, приводитъ душу въ нѣкоторое забвеніе, въ которомъ непримѣтно оставляемъ честь, добродѣтель, и разрушаемъ свое и многихъ честныхъ семействъ счастье.

Ильмена поражаетъ себя кинжаломъ — Синавъ въ безпамятствѣ. Оскольдъ гремитъ щѣпами, и швердо рѣшился умереть или ошмешить врагу своему. Оскорбленный Одоардо въ изступленіи хочетъ поразить злодѣя, но — сражаетъ дочь свою въ щѣпѣ красоты ея. Ужасъ объемлетъ зрителей; потомъ размягчается сердце и нѣжныя слезы изъ очей лиются. Иногда комическая Муза

М 5 пред-

представляетъ людямъ собственныи ихъ образъ и заставляетъ насъ смѣяться.

Возвратись, Муза моя, въ любезныя свои мѣста; ибо зимніе дни, не взирая на великой хладъ, имѣютъ свои пріятности, и по ясной лазури носится ээирная селипра, хотя грубое наше око и не можетъ видѣть ее. Сія тончайшая селипра испребляетъ вредныя пары и снова сообщаетъ жизнь небесному воздуху. Сжимающаяся атмосфера укрѣпляетъ плѣо наше, одушевляетъ и питаетъ нашу кровь, утончаетъ жизненные духи и напрягаетъ нервы, чрезъ кои дѣйствуетъ душа, живущая во внутренности мозга. Вся Природа чувствуетъ обновляющую силу Зимы, и шокмо одинъ не размышляющій думаетъ, что она все разрушаетъ. Мерзлая земля втягиаетъ въ себя растпительную душу и собираетъ силы для будущаго года.

О мразъ! что ты такое? Отъ чего происходитъ пронцапельное и сжимательное свойство швое? Не состоитъ ли великая сила швоя въ невидимыхъ мириадахъ малыхъ соляныхъ частицъ, разлишыхъ по ээиру, водѣ и землѣ?

Хотя день весьма крашокъ, однакожь ясенъ и для здравія полезенъ. Горизонтальное солнце показывается въ самой нижайшей полу-

ден-

денной почкѣ и слабо освѣщаетъ ледяныя горы, копорыя не перемѣняютъ лазуреваго своего блеска. Долины чувствуютъ иногда прикосновеніе лучей его, и зернистой снѣгъ падаетъ съ кровли въ видѣ перловъ.

Совсѣмъ забудемъ мы жестокость Зимы нашей, естли изумленный взоръ свой обратимъ на хладныя небесныя поясы, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ продолжается ночь и чернымъ покровомъ своимъ всѣ безпредѣльныя пустыни покрываетъ; гдѣ спранникъ не видитъ ничего, кромѣ снѣга, сухихъ деревьевъ и замерзлыхъ рѣкъ. Однакожь и тамъ живутъ народы — народы, не пребующіе большихъ удовольствій и малымъ довольные. Миролюбивые сыны Лапландіи живутъ одними дарами Природы, любящъ горы свои, веселятся шумными бурями. Ненасышимыя желанія не возмущаютъ мирнаго попока жизни ихъ. Они довольны свѣтомъ мѣсерровъ, луны и звѣздъ; въ самой глубокой полярной ночи находятъ они чудесный день, по крайней мѣрѣ шолько свѣта, что могутъ ловить звѣрей для пищи и одежды своей. Они благословляютъ возвращеніе Весны; и когда отъ южной спороны покажется блѣдная Аврора, ожидаютъ каждую минуту восхожденія солнца, копорое по томъ мало по малу является на горизонтѣ и нѣсколько мѣсяцевъ не сходитъ съ неба. Народъ блаженный!

бѣдность хранишь себя отъ насилія; она есть ограда твоего спокойствія. Свирѣпое корысполубіе не посягло своихъ сѣмянъ въ нѣдрахъ твоихъ, неправда не любитъ снѣжнаго твоего жилища, и на цвѣшущихъ дѣвѣ твоихъ не вѣялъ еще никогда ядовитый вѣтръ невѣрности.

За предѣлами Гренландіи, далѣе къ полюсу, гдѣ жизнь, постепенно перьяся, наконецъ совсѣмъ исчезаетъ — тамъ находишься чертогъ Зимы, изъ лазурнаго льда созданный. Въ притворахъ сего чертога слышанъ безпрестанно бурный шумъ. Сидя на возвышенномъ престолѣ, свирѣпая царица вооружаетъ могущественнымъ мразомъ бури свои, и высыпаетъ изъ запасныхъ своихъ хранилищъ снѣгъ, которымъ покрываетъ цѣлую половину земнаго шара.

Вѣютъ западные вѣтры и размягчаютъ снѣгъ, которой мало по малу шапшъ и шечешъ ручьями. Пяпны показываючися на горахъ; мерзлыя рѣки покрываются сверху водою.

Но скоро все сіе минуется. Жестокая зима напрягаетъ снова всѣ свои силы, сжимаетъ все мразами своими и беретъ слабый годъ въ свое подданство. Какъ мертво царство распеній! какъ онѣмѣли воздушные жители, воспѣвавшіе нѣкогда столь пріятныя пѣсни!

ябси! Какъ проспранна область ужаса! —
Безумный человекъ! вопль картина жизни
швоей! Скоро проходитъ цвѣтущая Весна и
Лѣто жизни швоея; приходимъ Осень, по
время, въ которое душа перестаетъ упиваться
вожделѣніями; но вдругъ болѣзни, сіи сѣвер-
ные вѣтры, возвѣщающіе приближеніе Зимы —
жестокія болѣзни пошрясаютъ душу; на-
онецъ Зима жизни наступаетъ и заключаетъ
всѣ явленія. Куда же дѣвались мечты юно-
спи? Гдѣ надежда быль великимъ и славнымъ?
Какой плодъ принесли всѣ прежнія заботы?
Гдѣ ночи, въ забавахъ проведенныя? Гдѣ
гордыя мысли, которыя тебя, о человекъ!
сокрывали отъ самаго себя! Одна добродѣ-
тель все переживаетъ — добродѣтель, без-
смертная другиня человекъ, къ блаженству
его ведущая. О человекъ! славное упрое на-
спало — небо и земля родилися снова. Про-
буждающаяся Нашура внимаетъ Божествен-
ному гласу и возносится въ новую жизнь,
будучи навсегда освобождена отъ смерти.
Вѣчный чертежъ шворенія открывається уму —
цѣль шворенія открывається. Гордые му-
дрецы! усмыдишесь, падише во прахъ и по-
клонишесь оному Всемогуществу, оной Пре-
мудрости! . . . Теперь видна причина, для
чего истинная мудрость живетъ вшайнѣ и
въ неизвѣстности умираетъ; для чего скорбь
и душевная шоска въ сей жизни бывають
часто жребіемъ правдиваго мужа; для чего
бѣ-

бѣдная вдова и сироты ея не имѣли куска хлѣба, когда роскошь въ великолѣпныхъ черпогахъ вымышляла мнимыя потребности; для чего гласъ небесной истины заглушался ревомъ неправды. Печальныя, добродѣтельныя души, не падающія подъ бременемъ жизни! потерпите не много: скоро, скоро узнаете, что казавшееся вамъ зломъ не есть для васъ подлинное зло; зимнія бури исчезнутъ, и наступитъ вездѣ вѣчная Весна.

КОНЕЦЪ XII ЧАСТИ:

ОГЛАВЛЕНІЕ

ХІІ Части.

			Стран.
<i>Продолженіе.</i>	-	-	3
<i>Зима.</i>	-	-	193
